РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ
в 1920 - 1950-е годы:
ЧИСЛЕННОСТЬ, ПОТЕРИ, МИГРАЦИИ

Сборник научных трудов

МОСКВА 1994

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ в 1920 - 1950-е годы:

ЧИСЛЕННОСТЬ, ПОТЕРИ, МИГРАЦИИ

Сборник научных трудов

МОСКВА 1994

042(02)I

0625247 3

HB3607
N396
1994
MAIN

Редколлегия:
Чл.-корр.РАН Ю.А.ПОЛЯКОВ (отв.ред.), Н.А.АРАЛОВЕЦ, О.М.ВЕРБИЦКАЯ, В.Б.ЖИРОМСКАЯ (зам.отв.ред.)

MAIN

ISBN 5-201-00666-3

© Институт российской истории РАН, 1994 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Корни обострившейся в начале 90-х гг. XX в. демографической ситуации в России следует искать не только в кризисном состоянии экономики и политике этого времени, но и в нашем сравнительно недалеком историческом прошлом. Кровавые мировые и гражданская войны, голод 1921 и 1932 гг., массовые репрессии, насильственные переселения унесли миллионы человеческих жизней. Демографическое эхо этих пережитых на протяжении существования всего двух поколений советских людей событий, во многом определило развитие естественного движения населения в нашей стране в XX в.

В 30-е гг., желая скрыть людские потери, правительство засекретило переписи того времени, закрыло допуск к текущему учету населения. Сама проблема потерь в публицистике замалчивалась, а в науке относилась к числу строго запретных. Однако подспудно ее обсуждение давно назрело и в конце 80-х гг. на страницы массовой печати буквально хлынул поток самой разнообразной информации по этому поводу. Поскольку архивы были открыты позднее, то возникло немало противоречий в оценке численности населения и его потерь в 20-50-е гг. В печати появились и необоснованные цифровые данные, не опирающиеся на источники. Теперь, когда наконец архивы рассекречены, наступило время осмысления статистики тех лет.

Предлагаемый сборник является одной из попыток на основе архивных материалов изучить вопрос о численности и потерях населения в России в 20-50 гг. Он подготовлен в рамках долгосрочной научной программы, разработанной Институтом российской истории РАН по изучению населения России XX в. В связи с этой программой впоследствии предполагается издание фундаментального труда - трехтомника "Население России XX века".

Сборник выполнен при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ).

В настоящем сборнике определению численности и показателей естественного движения населения в 30-50 гг. посвящены статьи В.Б.Жиромской и И.Н.Киселева. Вопросы эти до сих пор мало изучены и авторы на основании архивных источников и базирующихся на них расчетов пытаются дать свои варианты их решения.

Статьи Н.А.Араловец и В.А.Исупова содержат оценку потерь населения в 30-40 гг. Большое внимание в них уделено историографии вопроса.

Деятельность и трагические судьбы советских статистиков, сумевших в сложной обстановке 30-х гг. собрать и сохранить объективную информацию о населении тех лет, освещаются в статье Ф.К.Межлаука.

С проблемами численности и потерь населения тесно связано изучение депортации и репатриации населения в 30-е гг. и период Великой Отечественной войны, исследуемые в статьях В.Н.Земскова и А.А.Шевякова. Миграции сельского населения как одного из факторов изменения его численности и проблемы крестьянской семьи в 20-50 гг. рассматриваются О.М.Вербицкой и О.В.Горбачевым.

В сборник включена статья В.М.Кабузана о демографической ситуации в России в годы первой мировой войны, без чего невозможно изучение демографических процессов 20-50-х гг.

Сборник представит интерес не только для исследователей, но и для самых широких кругов российской общественности.

Редколлегия

В.М.Кабузан

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Демографическая ситуация в России сравнительно полно исследована в научной литературе только до начала Первой мировой войны. Это было связано с тем, что до 1914 г. были опубликованы основные источники о численности и движении народонаселения страны: данные демографической переписи 1897 г., результаты текущего полицейско-административного учета (главным образом так называемые "обзоры начальников губерний"), а также итоги церковного учета о естественном приросте населения (брачности, рождаемости и смертности). Хотя и за этот период оказались исследованными лишь показатели общего движения населения, его различия в городах и сельской местности и миграциях в Сибирь[1]. Лишь в работах С.И.Брука и В.М.Кабузана, правда в самом общем виде, предпринята попытка несколько глубже коснуться этой проблемы и, в частности, учесть движение населения в годы Первой мировой войны, определить общие размеры миграционных потоков в этот период и выявить этнический состав населения страны[2].

В большинстве воюющих государств Европы в годы Первой мировой войны сбор и публикация статистических материалов о движении населения не прекращался. Они опубликованы и широко используются в научной литературе[3].

К сожалению, в России период с 1914 по 1917 г. исследован крайне слабо. Поскольку с 1914 г. публикация материалов почти прекратилась, отсутствуют и исследования, сколько-нибудь полно характеризующие движение населения в России в этот период. По существу все работы советских статистиков, характеризующих демографическую ситуацию в России в годы Первой мировой войны, опираются на публикацию известного советского ученого С.А.Новосельского о движении населения Европейской России в 1912-1917 гг.[4] За 1912-1914 гг. здесь помещены полные и погуберские показатели естественного движения населения, за 1915 г. -

отсутствуют данные по 9 губерниям, за 1916 г., напротив, представлены сведения только по 14 губерниям и г.Петрограду, а за 1917 г. - по 7 губерниям. Таким образом, у С.А.Новосельского нет результатов учета естественного прироста населения по Азиатской России и Царству Польскому за весь период, а по Европейской России почти отсутствуют подобные данные за 1916г.

Однако вся наша историография демографической ситуации в России в 1914-1917 гг. основывается только на этих статистических показателях и скорректированных итогах текущего полицейского учета населения страны на I.I.1914 г. Никаких дополнительных поисков материалов о движении населения в 1915-1916 гг. по другим губерниям страны, а также о численности жителей России по переписям 1916-1917 гг. не предпринималось.

В целях развития демографической науки в СССР был создан при ЦСУ СССР специальный Институт, появилось большое число специальных демографических исследований, было защищено в различных институтах немало кандидатских и докторских диссертаций; однако все они основывались на данных С.А.Новосельского. Вместо того, чтобы глубоко изучить источники по исторической демографии, исследователи публиковали обширную литературу, в которой логические умозаключения подменяли научный анализ на основе всей совокупности сохранившихся источников.

На общем фоне этих публикаций выделяются лишь две фундаментальные работы: Б.Ц.Урланиса и А.Я.Боярского. Б.Ц.Урланис в 1957 г. опубликовал статью, в которой им впервые предпринята попытка проанализировать движение населения России в 1914-1917 гг.[5] Путем сложных расчетов Б.Ц.Урланис определяет, исходя из данных о естественном приросте в 1914-1916 гг. и численности населения на I.I.1914 г. по полицейскому исчислению, примерное количество жителей России на I января 1917 г. (163,6 млн. чел.) и на I ноября 1917 г. (163 млн. чел.) в территориальных границах бывшего СССР. Естественный прирост в России исчислен автором в 1913 г. - в 2,7 млн. чел., в 1914 г. - 2,9 млн., в 1915 г. - 1,6 млн., в 1916 г. - 0,2 млн. и в

1917 г. в отрицательную величину - 0,6 млн. чел. Предполагалось, что в губерниях, по которым отсутствовали необходимые данные в 1915-1917 гг., естественный прирост находился на уровне тех губерний, по которым такие данные сохранились.

В 1963 г. Б.Ц.Урланисом была опубликована монография о движении населения в СССР в 1913-60-х гг.[6] Коэффициент естественного прироста (в ‰) определен здесь в 1914 г. в 17,9‰, в 1915 г. - 9,8‰, 1916 г. - 1,2‰, 1917 г. - был отрицательный - 3,7‰ и т.д. Таким образом и здесь Б.Ц.Урланис считает, что в 1916 г. практически прекратился рост населения в стране, а в 1917 г. отмечается его убыль в абсолютных цифрах.

А.Я.Боярский определяет показатели естественного прироста только для Европейской России (без Северного Кавказа) в 1914-1926 гг. Так же как и Б.У.Урланис, он основывается только на опубликованных данных. По его расчетам, коэффициент естественного прироста в Европейской России составил в 1914 г. - 16,5‰, в 1915 г. - 7,1‰, в 1916 г. - 1,7‰ и в 1917 г. - был отрицательным - 2,8‰[7]. Таким образом, в 1914-1915 гг. уровень естественного прироста по расчетам А.Я.Боярского оказался ниже, а в 1916-1917 гг. - выше чем у Б.Ц.Урланиса. В 1983 г. А.Г.Вишневский в разделе коллективного труда "Воспроизводство населения СССР" без какого бы то ни было критического анализа и привлечения новых источников повторил рассмотренные выше выводы Б.Ц.Урланиса и А.Я.Боярского[8]. В настоящее время указанные расчеты считаются наиболее точными и не подвергаются сомнению. Они используются во всех справочных изданиях и исторических экскурсах.

В то же время в наших архивах (РГИА в г. С.-Петербурге, ГАРФ) сохранились исключительно богатые материалы, позволяющие значительно уточнить расчеты Б.Ц.Урланиса и А.Я.Боярского, а также ввести новые данные о численности, составе и размещении населения по итогам переписи 1917 г.[9]

Остановимся более подробно на анализе данных о естественном движении населения России в 1914-1916 гг.

С.А.Новосельский в 1923 г. очень неполно выявил данные о движении населения России. В РГИА в фондах Главного врачебного инспектора России (Ф.1298. Оп.1), Синода (Ф.796. Оп.440 и 442) и Центрального статистического комитета (Ф.1290. Оп.4) сохранились в основном поуездные данные (отдельно по городам и уездам) о брачности, рождаемости и смертности. За 1914 г. погубернские данные о естественном приросте опубликованы[10]. За 1915-1916 гг. сохранились общеимперские неопубликованные отчеты[11] и множество отчетов по отдельным губерниям. В фонде Центрального статистического комитета за 1915 г. дополнительно к данным С.А.Новосельского обнаружены сведения о движении населения по Оренбургской, Петроградской и Смоленской губерниям[12], а за 1916 г. - по Оренбургской, Орловской, Олонецкой, Костромской, Тамбовской и Саратовской губерниям[13].

В фонде Синода были выявлены за 1915 г. материалы о движении населения по Бессарабской губернии[14], а за 1916 г. - по Курской, Туркестану, Архангельской, Московской, Новгородской, Псковской, Вятской, Томской, Полтавской, Смоленской, Самарской, Харьковской губерниям и Уральской области[15]. В целом мы не располагаем за 1915 г. (из 90 губерний и областей России) сведениями о естественном приросте только по 4 губерниям и областям (по Виленской, Гродненской, Курляндской губерниям и по Самаркандской области), а за 1916 г. - по 32 губерниям и областям (по 17 - в Европейской России и 15 - Азиатской)[16]. Таким образом, по сравнению с С.А.Новосельским удалось дополнительно выявить данные о естественном приросте по 44 губерниям страны. Существует надежда обнаружить недостающие сведения и по большинству из тех губерний, по которым они отсутствуют. Об этом свидетельствуют материалы исследованных фондов.

За 1917 г. у С.А.Новосельского имеются данные только по 6 губерниям (Владимирской, Калужской, Нижегородской, Тверской, Тульской и Ярославской) и по 2 городам (Москве и Петрограду). Удалось дополнительно найти сведения по Архангельской и Новгородской губерниям. Дело в том, что в начале 20-х гг. все выявленные материалы за 1917 г. были увезены в Москву и следы их пока потеряны[17].

В результате проведенных изысканий была составлена таблица естественного и механического прироста населения Российской империи с февраля 1897 г. (после переписи) по 1 января 1917 г. (см. табл.1). Для 1915-1916 гг. по ряду губерний, по которым отсутствовали данные о естественном приросте, он был исчислен примерно, исходя из показателей в соседних губерниях, находящихся в аналогичных условиях.

Из таблицы следует, что в 1897-1916 гг. население империи выросло за счет естественного прироста примерно на 46 млн. чел. В 1914-1915 гг. наши данные почти совпадают с аналогичными расчетами Б.Ц.Урланиса. В 1914 г. естественный прирост в империи составил у Б.Ц.Урланиса 2,9 млн. чел., а у нас - 2,8 млн., а в 1915 г. соответственно 1,6 и 1,7 млн. Однако в 1916 г. у Б.Ц.Урланиса естественный прирост составил всего 0,2 млн., а у нас около 1 млн. Фактически в 1916 г., несмотря на сокращение абсолютных показателей естественного прироста, он оставался сравнительно высоким (5,5‰) и превосходил показатели холерного 1892 г.(5,0‰).

Отметим, что в других воюющих государствах Европы (кроме Англии) естественный прирост стал отрицательным уже в 1915 г. Во Франции он составлял 6,9‰, в Германии - 1,0‰, в Австрии - 3,9‰, в Венгрии - 0,2‰. Лишь в Англии он составил +6,1‰ (в 1914 г. - +9,8‰). В странах Европы, не участвующих в войне, естественный прирост в 1915 г. оставался положительным, хотя и снизился повсеместно по сравнению с 1914 г. В 1916-1918 гг. во всех воюющих странах (кроме Англии) уровень естественного прироста резко снижается. В 1915 г. убыль за счет отрицательного естественного прироста составила в Германии 67,9 тыс. чел., в 1916 г. - 268,6 тыс., в 1917 г. - 433,3 тыс., во Франции - соответственно 580,0 тыс., 570,0 тыс. и 430,0 тыс., в Венгрии - 40,3 тыс., 77,8 тыс. и 87,6 тыс. и т.д. В целом в 1915-1918 гг. коэффициент естественного прироста был отрицательным и равнялся в Австрии - 7,2‰, в Бельгии - 2,9‰, в Чехословакии - 5,0‰, в Германии - 5,5‰, в Венгрии - 5,3‰ и во Франции - 14,5‰, а в России он дал положительную

величину +4,6‰[18].

В самой России уровень естественного прироста в годы Первой мировой войны быстро снижался. В 1914 г., когда влияние войны еще не дало о себе знать, он составил +16,2‰. Максимальных показателей в начале XX в. естественный прирост в России достигал в 1907 г. (+18,1‰), в 1902–1904 гг. (соответственно +17,1‰, +17,7‰ и +17,6‰) и в 1911 (+17,0‰). Нигде больше в Европе не был зафиксирован столь высокий уровень естественного прироста. В 1915 г. естественный прирост в стране снизился до +9,3‰. Однако и теперь он оставался довольно высоким и превышал показатели многих невоюющих стран. Так, в Швеции он равнялся +6,9‰, в Швейцарии – +6,2‰, в Италии – +8,2‰. Выше он был в Дании – +11,4‰, Норвегии – +10,2‰, Нидерландах – +13,8‰ и т.д.

В 1916 г. уровень естественного прироста составлял лишь треть от показателя 1914 г. и несколько более половины от данных 1915 г. (– +5,5‰). Из воюющих стран более высоким он оказался в Англии +6,7‰ и был близок к цифрам Швеции (+7,6‰) и Швейцарии (+6,0‰).

И в 1916 г. самое резкое снижение показателей естественного прироста по сравнению с 1915 г. отмечалось в районах, потребляющих привозной хлеб (Северный – 37,9% от уровня 1915 г.) или промышленных со значительным процентом городского населения (Центрально-Промышленный – 40,9%, Новороссия – 44,9%, Среднее Поволжье – 44,3%).

В Казахстане и Средней Азии вообще не отмечается снижение показателей естественного прироста.

В Царстве Польском в 1914 г. естественный прирост достигал 151 тыс. чел., в 1915 г., когда на территории района бушевали военные бури, население сократилось на 5,4 тыс. чел., а в 1916 г. отмечался даже небольшой прирост – 31,4 тыс. чел.

Сравнительно небольшое снижение темпов естественного прироста наблюдалось в удаленных от театра военных действий Западной Сибири (почти 70% от уровня 1915 г.), Северном Кавказе (63%), Нижнем Поволжье (64,3%), Центрально-Земледельческом районе (65%) и в Западном районе (61%).

Таблица 1

Движение населения России в 1897–1917 гг. (в тыс. чел.)

Регионы и губернии	Население по переписи 28.I. 1897 г.	Естественный прирост в февр.1897–1916 гг.	Механический прирост 1897–1916 гг.	Население в 1917 г.	
				К I.I.1917 г. по данным естеств. и механич. прироста	К I.I.1917 г. по отчетам губернаторов	По переписи 1917 г. (постоянное)
1	2	3	4	5	6	7
Европейская Россия						
Центрально-Промышленный р-н	10891,4	3238,1	715,7	14845,2	15431,3	15431,7
Московская	2430,6	578,7	787,3	3796,6	3757,8	3967,8
Владимирская	1515,7	505,4	– 1,1	2020,0	2184,5	2093,1
Калужская	1132,8	361,5	-25,4	1468,9	1572,7	1567,9
Ярославская	1071,4	251,0	– 4,0	1318,4	1450,2	1439,5
Костромская	1387,0	454,5	-17,0	1824,5	1866,3	1884,1
Нижегородская	1584,8	562,4	-25,9	2121,3	2134,5	2153,0
Тверская	1769,1	524,6	1,8	2295,5	2465,5	2326,2
Центрально-Земледельческий р-н	12841,7	5306,6	-720,5	17427,8	18325,5	16699,9
Воронежская	2531,3	1198,3	-173,3	3556,3	3737,0	3545,6
Рязанская	1802,2	738,3	– 43,4	2497,1	2752,1	2552,9
Тамбовская	2684,0	1178,8	-188,0	3704,8	3822,5	3897,4

I	2	3	4	5	6	7
Орловская	2033,8	737,4	-207,4	2563,8	2725,7	2665,3
Курская	237I,0	968,0	-I33,I	3205,9	3I99,0	3054,9
Тульская	I4I9,5	485,8	- 25,3	I880,0	2089,3	I983,8
Северный	I688,3	540,7	22,5	225I,5	2267,9	2255,I
Архангельская	346,5	I24,5	38,8	509,8	509,5	52I,6
Вологодская	I34I,8	4I6,2	-I6,7	I74I,7	I758,4	I733,5
Озерный	4965,5	II67,I	I062,9	7I95,5	7502,8	7228,2
Петербургская	2II2,0	326,5	II04,7	3543,2	3799,6	3534,6
Новгородская	I367,0	3866,6	-3,6	I750,0	I745,7	I782,3
Олонецкая	364,2	94,4	-I5,8	442,8	454,6	470,2
Псковская	II22,3	359,6	-22,4	I459,5	I502,9	I44I,I
Среднее Поволжье	5I69,0	I888,3	-200,6	6856,7	707I,2	7068,5
Казанская	2I70,7	7I5,4	-40,0	2846,I	29II,3	2895,0
Пензенская	I470,5	59I,5	-80,5	I98I,9	2028,4	2054,8
Симбирская	I527,8	58I,0	-80,I	2028,7	2I3I,5	2II8,7
Нижнее Поволжье	6I60,6	2435,I	-28,I	8567,6	8733,8	8667,2
Саратовская	2405,8	957,7	-75,4	3288,I	3463,2	3449,2
Самарская	275I,3	II83,4	-I22,7	38I2,0	39I8,4	3890,0
Астраханская	I003,5	294,0	I70,0	I467,5	I352,2	I328,0

I	2	3	4	5	6	7
Северное Приуралье	6025,I	I945,9	-276,6	7694,4	77II,3	7835,4
Вятская	3030,8	968,2	-230,I	3768,9	3772,6	39I9,6
Пермская	2994,3	977,7	-46,5	3925,5	3938,7	39I5,8
Южное Приуралье	3796,7	I844,8	-8,2	5633,3	5624,4	56I9,3
Оренбургская	I600,I	773,8	-25,2	2348,7	2332,8	2326,3
Уфимская	2I96,6	I07I,0	I7,0	3284,6	329I,6	3293,0
Белоруссия и Литва	II588,I	3957,9	-274,4	I527I,6	I5452,6	I5009,9
Смоленская	I525,3	555,7	40,4	2I2I,4	202I,0	2065,8
Витебская	I489,2	280,5	-I33,6	I836,I	I798,3	(I648,6)
Могилевская	I686,8	776,7	I6,6	2480,I	2469,0	32I9,7
Минская	2I47,6	929,I	-84,3	2992,4	3095,4	3030,2
Виленская	I59I,2	445,4	-33,3	2002,3	2I03,2	(2I03,2)
Ковенская	I544,6	3I3,8	-50,3	I808,I	I87I,4	(I87I,4)
Гродненская	I503,4	456,7	-28,8	203I,3	2094,3	(207I,I)
Прибалтика	2386,I	303,4	-22,2	2667,3	28I8,5	285I,5
Лифляндская	I299,4	I49,4	-I4,5	I434,3	I46I,7	(I498,5)
Эстляндская	4I2,7	70,I	-4,4	478,4	544,5	(540,7)
Курляндская	674,0	83,9	-3,3	754,6	8I2,3	(8I2,3)

I	2	3	4	5	6	7
Левобережная Украина	7568,4	3I23,0	-572,3	I0II9,I	I0265,7	I0026,5
Хабаровская	2492,3	II23,7	-65,4	3550,6	3679,8	3584,0
Черниговская	2297,9	895,9	-22I,5	2972,3	2928,7	28I8,9
Полтавская	2778,2	II03,4	-285,4	3596,2	3657,2	3623,6
Правобережная Украина	9567,0	3563,0	-340,5	I2789,5	I2922,4	I2038,4
Киевская	3559,2	I308,4	-2I2,3	4655,3	4802,5	4462,7
Волынская	2989,5	II76,0	-59,5	4I06,0	39I0,7	(3874,2)
Подольская	30I8,3	I078,6	-68,7	4028,2	4I9I,2	(370I,5)
Новороссия	I0794,7	4969,5	9I8,9	I6083,I	I5806,5	I5899,3
Екатеринославская	2II3,7	I360,I	90,0	3563,8	36I2,6	3727,7
Херсонская	2733,6	I07I,6	I25,8	393I,0	3944,5	(3885,7)
Таврическая	I447,8	67I,3	-I03,3	20I5,8	I952,7	(20I9,8)
Донская обл.	2564,2	II92,2	240,4	3996,8	3790,4	3850,3
Бессарабская	I935,4	674,3	-34,0	2575,7	2506,3	(24I5,8)
В Европейской России	93442,9	34283,4	-323,4	I27402,9	I29933,9	I27630,9
Царство Польское	9402,3	3226,6	960,3	I3589,I	I3443,6	I344I,5
Варшавская	I93I,9	54I,I	20I,I	2674,I	2683,5	2665,3
Калишская	840,6	356,4	8,8	I205,8	I326,8	I329,7
Калецкая	762,0	290,2	69,4	II2I,6	I034,5	I039,6

I4

I	2	3	4	5	6	7
Ломжинская	579,6	I42,0	59,7	78I,3	8I2,2	(8I2,0)
Люблинская	II60,7	394,7	94,9	I650,2	I65I,9	(I66I,0)
Петраковская	I403,9	675,I	476,3	2555,3	2066,5	(2056,I)
Плоцкая	553,6	I55,2	-I9,I	689,8	80I,9	(803,7)
Радомская	8I4,9	326,3	73,4	I2I4,7	I308,9	(I3I5,9)
Сувалкская	582,9	88,I	-204	650,6	654,9	(655,4)
Седлецкая	772,I	257,5	I6,2	I045,9	II02,4	(II02)
Всего в Европейской России	I02845,2	375I0,0	636,9	I40992,0	I43377,5	I4I079,3
Кааахстан	4932,0	I47I,4	I30I,5	7704,9	7659,4	7533,0
Акмолинская	682,6	352,2	73I,5	I739,3	I582,7	I582,2
Семипалатинская	684,6	I2I,7	I30,I	936,4	903,8	936,6
Семиреченская	987,9	275,I	II8,6	I38I,5	I360,I	II98,5
Тургайская	453,4	I92,3	I99,0	844,7	842,2	860,I
Уральская	625,I	I37,7	82,0	864,8	832,2	(824,3)
Сыр-Дарьинская	I478,4	4I9,4	40,4	I938,2	2I32,4	(2I32,4)
Средняя Азия	28I4,7	978,3	I27,4	3920,4	3857,3	3753,9
Закаспийская	382,5	9I,2	67,I	540,8	554,3	(559,0)
Самаркандская	860,0	4I6,5	I7,I	I293,6	I055,4	I055,6

I5

I	2	3	4	5	6	7
Западная Сибирь	3360,7	I8I0,3	I726,2	6897,2	6365,5	I6I6,8
Тобольская	I433,0	545,9	256,I	2235,0	2I03,7	2068,I
Томская	I927,7	I264,4	I470,I	4662,2	426I,8	4548,7
Восточная Сибирь	I354,4	532,3	456,5	2343,2	2I95,5	2097,9
Иркутская	5I4,3	I67,6	I76,6	858,5	773,I	729,9
Якутская	269,9	72,8	-4I,I	306,6	27I,3	254,I
Енисейская	570,2	29I,9	32I,0	II83,I	II5I,I	II04,3
Дальний Восток	I043,7	445,8	367,2	I856,6	2006,5	I97I,4
Амурская	I20,3	I04,2	I23,6	348,I	337,4	34I,6
Забайкальская	672,0	2I3,4	I8,6	904,0	982,0	94I,6
Приморская	223,3	I25,0	225,0	573,8	566,0	596,9
Сахалинская	28,I	I,4	-	29,I	50,6	57,I
Камчатская	-	I,3	-	I,2	30,5	(34,2)
Северный Кавказ	3783,6	I9I6,4	507,I	6207,I	6025,0	6025,0
Кубанская	I9I8,9	I074,5	2I9,5	32I2,9	3220,4	(3220,0)
Ставропольская	873,3	470,3	53,0	I396,6	I246,3	(I246,3)
Терская	933,9	332,9	I65,4	I432,2	I377,9	(I377,9)
Черноморская	57,5	38,7	62,2	I65,4	I80,4	(I80,4)

16

I	2	3	4	5	6	7
Закавказье	5505,8	I309,0	43I,0	7260,5	7630,5	7257,8
Бакинская	826,7	I69,8	28I,0	I277,5	I28I,6	(I28I,6)
Дагестанская	655,4	56,4	37,9	749,7	7I3,8	(7I3,8)
Елисаветпольская	878,4	I7I,I	2,7	I052,2	I275,I	(I275,I)
Карская	290,7	I04,9	49,6	445,2	404,3	(404,3)
Кутаисская	I058,2	258,0	59,8	I376,0	I529,7	I4II,4
Тифлисская	966,8	3I7,8	-	I284,6	I473,3	I2I8,9
Эриванская	829,6	23I,0	-	I060,6	952,7	(952,7)
По империи (без Финляндии)	I25653,I	45973,5	5553,8	I77I8I,9	I79II7,2	I76338,2

17

См.: Кабузан В.М. О достоверности учета населения в России... С.I00-II7; РГИА(СПб.). Ф.I290. Оп.4. Д.755. Л.I-387; Ф.I2I8. Оп.I. Д.285I. Л.2-4; Д.2858. Л.7I-75; Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России за I897-I9I4 гг. СПб.; Пг., I905-I9I6. Табл.I.

В Прибалтике и в 1915, и в 1916 гг. численность населения сокращалась, так как смертность здесь превышала рождаемость.

Таким образом, в целом население России в годы войны возрастало в первую очередь за счет удаленных от театра военных действий земледельческих районов. Минимальный же уровень естественного прироста отмечался в прифронтовых и индустриальных районах страны.

Табл. I показывает, что перепись 1917 г. зарегистрировала в империи (без Финляндии) 176,3 млн. чел. постоянных жителей. Население же, исчисленное к I.I.1917 г. на основании показателей естественного и механического прироста, составило 177,2 млн. чел. или почти на I млн. больше. Текущий полицейский учет на I.I.1917 г. показал 179,1 млн. чел. Если же брать лишь прирост естественный (+46 млн. чел.) и внешний механический (0,5 млн. чел.), то все население России к I.I.1917 г. составило 172,1 млн. чел. Примерно 172 млн. достигло и наличное население России по переписи 1917 г.[19] По-видимому, как высшие (179 млн.), так и низшие (172 млн.) цифры численности населения России в 1917 г. являются неточными. Текущий учет и данные о постоянном населении являются бесспорно завышенными. Превышение это вызывалось повторным учетом части населения, мигрирующей в города. Как правило, приток в города регистрировался текущим учетом сравнительно полно. Однако временный отток в города из сельской местности фиксировался в последнем случае совершенно неудовлетворительно. А,как показывает таблица I, этот приток в городе был очень значителен. С 1897 по 1916 г. в Московской губернии он составил 787,3 тыс. чел., в Петербургской - 1104,7 тыс., Херсонской - 125,8 тыс., Екатеринославской - 90,0 тыс., в Варшавской - 201,1 тыс., в Петроковской - 476,3 тыс. и т.д. Кроме того, в указанных данных совершенно не учтены потери России в войне, хотя они достигали примерно 1,8 млн. чел.[20]

В то же время и данные о численности населения, полученные путем прибавления к итогам переписи 1897 г.

цифр естественного и внешнего механического прироста, а также итоговые цифры переписи 1917 г. о наличном населении (172 млн. чел.) являются неточными, так как занижают население страны. Дело в том, что церковный учет, особенно в годы войны, характеризовался известной неполнотой, особенно на окраинах страны[21], а сама регистрация наличного населения в годы войны не способствовала полному его учету.

По нашему мнению, действительное население России в 1917 г. было равно примерно 174,5 млн. чел. (постоянное население по переписи 1917 г. - 176,3 без военных потерь, равных 1,8 млн.), включая население Финляндии - 177,8 млн. чел. Однако при погубернском и особенно поуездном анализе приходится пользоваться результатами переписи 1917 г. о постоянном населении (176,3 млн. чел., а с Финляндией - 179,6 млн.), так как иначе не удается распределить по местностям страны армию (более 12 млн. чел.). Это значит, что в 1917 г. в современных границах СССР проживало (к I.I. 1917 г.) не 163,3 млн. чел., а примерно 168 млн., и сокращение численности населения империи началось не с начала 1917 г., а в его конце и было не таким значительным[22]. Таблица 2 демонстрирует движение населения России в 1917-1926 гг. по районам России в границах 1917 г.

Мы видим, что в начале 1920-х годов прирост был еще умерен (1921 +5,8‰, 1922 г. - +7,7‰). И лишь с 1923 г. показатели естественного прироста растут, превышая результаты довоенной России (1923 г.) - 18,4‰, 1924 г. - 20,0‰, 1925 г. - 21,5‰, 1926 г. - 24,6‰[23]. В других государствах Европы население начало расти с 1919 г., но показатели естественного прироста оказались невысокими (в Польше в 1919-20 гг. +4,4‰, в 1921 - 25 гг. - 16,0‰, в Германии соответственно 7,8‰ и 8,7‰, в Италии 7,7‰ и 12,1‰ и т.д.).

Табл. 2 показывает, что в 1918-1926 гг. население значительно выросло в окраинных районах: Сибири, Дальнего Востока, в Казахстане, Средней Азии, на Правобережной Украине и в Прибалтике.

Сильное сокращение отмечается в Озерном районе, Приуралье, Белоруссии и Литве, на Северном Кавказе и в Царстве Польском.

Таблица 2

Порайонные данные о населении СССР в 1917–1926 гг. (в тыс. чел., в границах 1917 г.)*

Районы	Население по переписи	
	1917 г.	1926 г.
Центрально-Промышленный	15 432	15 380
Центрально-Земледельческий	17 700	16 766
Северный	2 255	2 391
Озерный	7 228	6 637
Серднее Поволжье	7 069	7 082
Нижнее Поволжье	8 667	7 943
Северное Приуралье	7 835	7 569
Южное Приуралье	5 620	4 461
Белоруссия и Литва	15 010	14 414
Прибалтика	2 851	2 952
Финляндия	3 315	3 380
Левобережная Украина	10 026	9 294
Правобережная Украина	12 038	12 758
Новороссия	15 899	15 870
Северный Кавказ	6 025	5 576
Закавказье	7 258	7 142
Царство Польское	13 442	12 377
Казахстан и Средняя Азия	11 296	11 816
Сибирь и Дальний Восток	10 686	12 084
Всего	179 653	175 892
Фактически	177 853	

---

* Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика и этнический состав населения России ... С. 74-93; Шибаев В.П. Этнический состав населения Европейской части Союза ССР. Л., 1930; Всесоюзная перепись населения, 17 декабря 1926 г.: Крат. сводки. М., 1928. Вып.5.

Табл.3 показывает, что с 1897 по 1917 г. в стране вырос удельный вес проживающего в городах населения – с 13,38 до 17,17%. В 1744 г. оно составляло около 7% жителей страны, в 1782 г. – 9,4%, в 1858 г. – 9,7%, в 1897 г. – 13,4% и в 1917 г. – 17,2%. Таким образом, рост доли городского населения ускорился уже в пореформенный период. Во второй половине XIX в. за 39 лет (с 1858 по 1897 г.) она выросла на 3,7%, а в начале XX в. за 20 лет (с 1897 по 1917 г.) на 3,8%.

В 1917 г. удельный вес сельских жителей был самым низким в Европейской России (82,4%) и в Царстве Польском (77,8%). Однако в 1917 г. по доле сельского населения Россия стояла на первом месте в Европе. Удельный вес городских жителей был сравнительно более высоким только в Озерном районе (42,5%), в Прибалтике (30,6%), в Центрально-Промышленном районе (27,3%), в Царстве Польском (22,2%) и в Новороссии (21%).

Особенно невелик был удельный вес городского населения в Сибири, Казахстане, Средней Азии, а также в Финляндии.

В других государствах Европы процент горожан был невысок только в Венгрии, Швеции, Италии и Голландии.

Миграционные движения в России в годы Первой мировой войны почти прекращаются. Как известно, между переписями 1897–1917 гг. на окраинах убыло более 9 млн. земледельческих мигрантов[24]. Эмиграция населения в эти годы почти прекратилась, однако наблюдался высокий приток русских подданных из других государств, особенно в 1914 г. – 474 тыс. чел.

Этнический состав населения в начале XX в. (с 1897 по 1917 г.) претерпел значительные изменения благодаря мощному миграционному движению на окраинах страны, эмиграции за пределы страны и усилившимся ассимиляционным процессом. В частности, в эти годы повысился удельный вес русских, украинцев, поляков, евреев, армян и снизился – у белорусов, финнов, молдаван, мордвы, литовцев, латышей и т.д.[25]

Таким образом, более полное использование источников, характеризующих демографическую ситуацию в России в годы Первой мировой войны (церковные данные о естественном

Изменение численности и удельного веса сельского

1897 и 1917 гг.

Части империи	1897 г.				
	все население	город. нас.	%	сельск. нас.	%
Европейская Россия	93443,1	12049,3	12,9	81393,8	87,1
Царство Польское	9402,3	2158,7	23,0	7243,6	77,1
Великое княжество Финляндское	2712,6	341,6	12,6	2371,0	87,4
Сибирь и Дальний Восток	5758,8	496,6	8,6	5262,2	91,4
Казахстан и Средняя Азия	7746,6	934,4	12,1	6812,2	87,9
Кавказ	9289,4	1200,2	12,9	8089,2	87,1
Всего	12352,7	17180,7	13,4	111172,0	86,6

* Источники указаны в примечаниях в табл.1.

приросте жителей, материалы переписи 1917-1926 гг. и т.д.), показывает, что:

1. Хотя естественный прирост в годы войны резко снизился, показатели этого снижения были далеко не так значительны, как это предполагалось до сих пор, исходя из логических умозаключений о тенденциях демографических процессов в стране. Даже в 1916 г. естественный прирост дал в России почти 1 млн. чел. и лишь в 1917 г. показатели рождаемости и смертности, видимо, уравнялись.

2. В других воюющих государствах Европы уже в 1915 г. смертность значительно превышала рождаемость.

3. В окраинных, удаленных от театра военных действий районах России, естественный прирост в годы войны оставался высоким или снизился слабо. Это вызывалось тем, что 1915-1916 гг. были сравнительно урожайными, а коренное население ряда районов не призывалось в армию.

4. Общая численность населения Российской империи в 1917 г. составила 177,8 млн. чел., а без Финляндии - 174,5

Таблица 3

и городского населения России по данным переписей

(в тыс.чел.)*

1917 г.				
все население	город. нас.	%	сельское нас.	%
127630,9	22435,1	17,6	105195,8	82,4
13441,5	2983,1	22,2	10458,4	77,8
3314,7	477,3	14,4	2837,4	85,6
10686,1	1267,8	11,9	9418,3	88,1
11297,4	1669,7	14,8	9627,7	85,2
13282,7	2006,3	15,1	11276,4	84,9
179653,3	30839,3	17,2	148814,0	82,8

млн. чел. В современных границах СССР в 1917 г. проживало не 163,6 млн. чел., а не менее 168 млн.

5. Сильное сокращение численности населения в 1918-1920 гг. и слабый прирост в 1921-1922 гг. привел к тому, что согласно переписи 1926 г., число жителей в стране еще не достигло уровня 1917 г.

6. Быстрый рост доли городского населения в 1897-1917 гг. привел к тому, что по переписи 1917 г. в городах империи проживало 17,2% населения. Однако и в 1917 г. удельный вес городского населения в России оказался самым низким в Европе.

7. Миграция, эмиграция и ассимиляция привели к значительным изменениям в удельном весе и географическом разобщении народов, населяющих Россию в 1897-1917 гг. Особенно возросла доля и расширились ареалы расселения русских и украинцев. Самым характерным явлением в этот период был рост удельного веса русских в окраинных районах (по отношению ко всем русским страны) - в Сибири, Казахстане, Средней Азии и Новороссии. В центре же их процент быстро

падает (особенно в Центрально-Земледельческом и Озерном районах).

8. Для более детального изучения специфических особенностей демографической ситуации в России первой трети XX в. необходимы новые тщательные архивные изыскания. В первую очередь это касается данных о естественном приросте в стране в 1916 и особенно в 1917 гг. Пока не найдены данные по 32 губерниям и областям за 1916 г., хотя они на большей части этой территории бесспорно были собраны. Остается неясным, куда делись данные за 1917 г., увезенные в Москву из Ленинграда в начале 20-х гг. Это открывает перед советскими историко-демографами широкие возможности для плодотворной научной деятельности, которая, возможно, придет на смену логическим умозаключениям.

---

1 См.: Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811-1913 гг.). М., 1956; Яцунский В.К. Изменения в размещении населения Европейской России в 1724-1916 гг. // История СССР. 1957. № 1. С.192-224; Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М.;Л., 1930; Сифман Р.И. Динамика численности населения России за 1897-1914 гг.// Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977. С.62-87 и др.

2 Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XX в. - 1917 г.) // История СССР. 1980. № 3. С.74-93; Они же. Этнический состав (1719-1917 гг.) // Советская этнография. 1980. № 6. С.18-34; Они же. Русские в Мире. М., 1991.

3 Куркин П.И. Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы. М., 1938; B.R. European historical-statistics, 1750-1970. London, 1975; Rocznik Statistyki Rzeczypospo litey Polskiey, 1929. Warszawa, 1929. S.624-625; Hülner O. Geographisch-Statistische Tabollen aller Länder Ercle. Frankfurt am Meta, 1918; Hülner O. Geograptisch-Statistische Tabellen aller Länder der Ercle. Wien, 1927.

4 Новосельский С.А. Влияние войны на естественное движение населения // Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны, 1914-1920 гг. М.;Л., 1923. Вып.1. Приложение. Табл.1. С.204-208.

5 Урланис Б.Ц. Динамика населения России накануне Октября // Уч. зап. Всесоюзного заочного экономического института. М., 1957. Вып.2. С.113-134.

6 Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963.

7 Боярский А.Я. Население и методы его изучения. М., 1975. С.225-226.

8 Вишневский А.Г. Воспроизводство населения // Воспроизводство населения в СССР. М., 1983. С.246-254.

9 См.: Кабузан В.М. О достоверности учета населения России (1858-1917 гг.) // Источниковедение отечественной истории. М., 1982. С.100-117.

10 Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России за 1914 г. СПб., 1916. Табл.I.

11 Российский государственный исторический архив (СПб.), далее - РГИА. Ф.1298. Оп.1. Д.2851. Л.2-4; Д.2858. Л.71-75.

12 Там же. Ф.1290. Оп.4. Д.672,680,692.

13 Там же. Д.708, 709, 715, 718, 719, 720.

14 Там же. Ф.796. Оп.442. Д.2707. Л.14.

15 Там же. Ф.440. Д.1252; Ф.442. Д.2737, 2747, 2754, 2761, 2763, 2766, 2767, 2769, 2794.

16 Ruch naturalny ludnosci wysnan chresciyanskich W. b Krolestwie Kongresowem w latach 1908-1918. Warszawa, 1921. S.1-20.

17 Были проработаны в Государственном архиве Российской Федерации, далее ГАРФ - фонде статистического Совета Временного правительства (№ 4265). Здесь имеются сведения о смертности в Новгородской, Ярославской и Рязанской губерниях (Ф.4265. Оп.2. Д.28-31). Те же сведения сохранились в РГИА. В фонде отдела статистики и демографии ЦСУ СССР за 1918 г. (Ф.1562. Оп.196-197) представлены лишь данные об организации учета естественного прироста населения в 1918 г. Более подробно см.: Дробижев В.З. У истоков советской демографии. М., 1987. С.35-46.

18 Rocznik Statistyki Rzeczypospolitey Polskiey 1929. Warszawa, 1929. S.624-625.

19 Кабузан В.М. О достоверности учета населения России... С.115-116.

20 Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С.139-141, 296-303, 371-398.

21 См.: Сифман Р.И. Динамика численности населения России... С.68-75.

22 Исчисления населения бывшего СССР (в границах 1959 г.) по состоянию на 1914-1918 гг., проведенные Б.Ц.Урланисом, и особенно его данные о числе жителей на начало 1917 г. - 162,6 млн. чел. представляется нам недостаточно обоснованными. Во-первых, он в качестве исходных цифр взял результаты полицейского учета на I.I.1914 г. (160,6 млн. чел.), который, как известно, весьма неточен. Во-вторых, его сведения о размерах естественного прироста в

1914-1916 гг. (особенно в 1916 г.) недостаточно полны. В-третьих, перевод данных о естественном приросте в границы 1956 г. кажутся нам недостаточно обоснованными. По всей России Б.Ц.Урланис исчислил уровень естественного прироста в 1914 г. в 2,9 млн. чел., в 1915 г. - в 1,6 млн. и в 1916 г. - в 0,2 млн. чел. Для бывшего СССР в границах 1956 г. он взял для 1914 г. естественный прирост, равный 2,8 млн. чел., для 1915 г. - 0,7 млн. чел., а для 1916 г. - отрицательную величину - 0,5 млн. чел. Поэтому по его данным в России в современных границах проживало в 1914 г.- 160,6 млн.чел., в 1915 г.- 163,4 млн., в 1916 г.- 164,1 млн. и в 1917 г.- 163,6 млн. (на начало года).

По данным табл.1 о естественном и механическом (внешнем приросте) с февраля 1897 г. по конец 1916 г. в России проживало примерно 172 млн. чел. (125,7 млн. по переписи 1897 г. плюс естественный прирост, равный 46 млн. чел., плюс механический внешний прирост - 0,5 млн. чел.). Такую же цифру дали и переписи 1917 г. о наличном населении. Если от этой цифры отнять население, отошедшее от Польши (13,4 млн. чел.) и Турции (0,5 млн. чел.) и прибавить население Бухары (2,2 млн.), Хивы (0,6 млн.), вошедшей в состав СССР Западной Украины (4,9 млн.) и Закарпатья (0,6 млн.), то есть прибавить примерно 8 млн. чел. и отнять 14 млн. чел., то мы получим 166 млн. чел., которые проживали в России в 1917 г., в границах нашего времени. Однако и эта цифра неполна. Если мы возьмем более полные, по нашему мнению, данные переписи на 1917 г. о постоянном населении без военных потерь 174,5 млн. и прибавим к нему население Бухары, Хивы, Западной Украины и Закарпатья (8 млн.) и отнимем число жителей тогдашней Польши и Карского пашлыка (14 млн.), то мы получим примерно 168 млн. чел., которые проживали на территории современного СССР в 1917 г.

23 Вишневский А.Г. Воспроизводство населения... С.250.

24 См.: Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика и этнический состав населения России. С.84.

25 Там же. С.87-92; Они же. Этнический состав населения... С.18-34.

В.Б.Жиромская

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В 1939 Г.: ПОИСК ИСТИНЫ

Вопрос о численности населения страны в конце 30-х гг. вызывает острый интерес не только у ученых, но и у самых широких кругов общественности. В популярной публицистической печати неоднократно появлялся по этому поводу материал под прямым заголовком: "А сколько же нас тогда было?"[1] Интерес этот не случаен. Цифру численности населения в канун Второй мировой войны можно назвать ключевой, поскольку она служит точкой отсчета при исчислении потерь советского народа и в 30-е гг. и в период Великой Отечественной войны.

До последнего времени статистические данные по численности населения в 30-е гг. были строго засекречены. Лишь на рубеже 90-х гг. стало возможным их огласить. Это прежде всего материалы двух переписей населения, проведенных в 1937 и 1939 гг., в настоящее время уже опубликованных[2].

Поскольку обе переписи проводились в специфических условиях тоталитарного режима и под строгим правительственным "оком", естественно, что в научной литературе встал вопрос о достоверности собранных ими данных.

Что касается данных Всесоюзной переписи 1937 г., трагическая судьба которой неоднократно освещалась в печати, то мнение ученых единодушно: перепись проведена с высокой точностью учета населения. Она, как известно, зафиксировала 162 млн. жителей в СССР, в том числе 77,7 млн. мужчин и 84,3 млн. женщин[3]. В этих числах учтены и заключенные и военнослужащие. Население России без армии и погранохраны составило 104 млн., в том числе 48,7 млн. мужчин и 55,3 млн. женщин[4]. При этом по ряду районов переписью выявлена откровенная убыль населения. Так, в ряде районов России население по сравнению с переписью 1926 г. сократилось: в Саратовской области на 23%, в Курской - на 14%, а в курской деревне - на 18%, Республике Немцев Поволжья - на 14,4%, Куйбышевской области - на 7,8%, Калининской - на 7,7%, в Мордовской АССР - на 5,4%[5]. Убыль населения была связана и с повысившейся

смертностью в голодный 1932 г., и с выселением "раскулаченных" и с потерями жизней в связи с массовыми репрессиями.

Приоткрывать завесу над своими же собственными преступлениями правительство не собиралось и, объявив перепись дефектной, а ее организаторов подвергнув репрессиям, заставило замолчать собранные ею материалы на целях пятьдесят лет. Однако уничтожить все документы по подведению итогов переписи не удалось. Сохранилось и опубликовано в настоящее время, хотя и неполностью, письмо начальника Центрального управления народнохозяйственного учета при Госплане СССР И.А.Краваля в ЦК ВКП(б) и СНК СССР лично И.Сталину и В.Молотову, в котором доказывается высокая точность результатов переписи по численности населения страны[6]. Проверки ее итогов по тем районам, где наблюдалась убыль населения (Калининской, Челябинской, Западной, Кировской обл.), показали, что при переписи было пропущено 10 человек. 11 января была проведена проверка по 25 областям страны, во время которой было обследовано 20,8 тыс. сельсоветов. Там было обнаружено всего 4 877 человек, пропущенных переписью, то есть по 4 человека в среднем на каждый сельсовет. Исходя из этих данных, Краваль считал, что недоучет населения, допущенный при переписи, составил менее 0,5%. Другой сотрудник ЦУНХУ М.В.Курман оценивал возможный недоучет в 1 млн., что составляет те же 0,5-0,6%[7]. Современники переписи, позднее возвращаясь к оценке ее данных и проверяя их различными способами, подтвердили высокую точность учета ею населения. Так, Ф.Д.Лифшиц оценивал недоучет всего в 450 тыс. человек[8], что составило всего 0,3%. По самым максимальным прикидкам В.Н.Старовского перепись не досчитала 1,2% населения[9]. Однако его данные по величине поправки не оправдываются при прямом и "обратном" счете, проделанном современными исследователями А.Г.Волковым[10] и Е.М.Андреевым, Л.Е.Дарским и Т.Л.Харьковой, последние определили поправку на недоучет в 700 тыс. человек или 0,43%[11].

Таким образом, перепись 1937 г. содержит нефальсифицированную цифру численности населения - 162,0 млн.

По нашему мнению, величина поправки наиболее точно определена И.Кравалем и М.Курманом, прекрасно знавшими весь механизм учета населения в этой переписи. В настоящее время стало известно из архивных данных, что весной и летом 1937 г. в ЦУНХУ были предприняты попытки "исправить" численность населения в переписи по СССР в среднем на 4%, а по РСФСР - на 3,5%, то есть увеличить население страны в целом до 166,6 млн. человек, а России - до 107,6 млн. В тех же районах, где была видна убыль населения, процент поправки был выше, например, в Курской области он достигал 6,1%[12]. Вряд ли сотрудники ЦУНХУ по своей инициативе предприняли попытку "испортить" данные переписи. Видимо, такое указание было дано "сверху", то есть правительством, затем изменившем свои намерения и предпочевшем данные переписи скрыть.

Данные переписи 1937 г. играют роль контрольных при оценке достоверности численности населения, зафиксированной Всесоюзной переписью 1939 г. на 17 января.

В литературе, рассматривающей данные переписи 1939 г. с точки зрения их достоверности, можно условно выделить три направления. Одни ученые считают, что перепись фальсифицирована настолько, что использование представленных в ней данных нецелесообразно. Мы имеем в виду категорическое заявление на этот счет Ю.Б.Симченко, прозвучавшее в его телеинтервью 31 марта 1991 г. (передача "До и после полуночи"). Та же мысль, хотя и не в столь резкой форме, выражена в предисловии подготовленных под его руководством к изданию некоторых подготовительных материалов переписи 1939 г. в серии "Народы мира" (Ин-т этнографии РАН. М., 1991). Однако Ю.Б.Симченко, констатируя сам факт фальсификации, не сделал попытки определить ее величину.

Достаточно непримиримо настроен по отношению к данным по численности населения в переписи 1939 г. и М.С.Тольц. Правда, такая позиция Тольца связана с тем, что он постоянно сравнивает, сопоставляет данные этой переписи с переписью 1937 г. и через критику материалов переписи 1939 г. доказывает достоверность данных 1937 г. Справедливость

требует признать, что он при этом несколько увлекается критикой итогов переписи 1939 г.

Большинство же исследователей, отмечая сам факт фальсификации численности населения в 1939 г., считают ее незначительной и пользуются этой цифрой в своих исследованиях без каких-либо поправок. Например, С.И.Брук ссылается на данные переписи 1939 г. по численности населения СССР в своем справочнике "Население мира"[13], В.А.Исупов приводит без корректировки данные по численности населения СССР в целом и использует их в своей работе, хотя делает попытку внести поправку к численности некоторых сибирских городов, занимаясь проблемами городского населения региона[14].

Наконец, третья группа ученых, признавая факт фальсификации итогов переписи по численности населения в переписи 1939 г., полагает, что ими можно пользоваться при внесении соответствующих поправок (Цаплин В.В.[15], Жиромская В.Б.[16], Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т.)[17].

При этом важно отметить, что исследователи второго и третьего направлений сходятся во мнении, что фальсификация была допущена незначительная по своей величине.

Так, Цаплин В.В. на основании расчетов по естественному приросту населения и сопоставления их с данными переписи 1937 г. считает, что численность населения Союза на январь 1939 г. составляла 168,8 млн. чел.[18] вместо 170,5 млн., фигурировавших в переписи, то есть, иными словами, фальсификация составила 1,7 млн. переучета. Хотелось бы заметить, что трудно в данном случае опираться при подсчетах на данные о естественном приросте населения, поскольку они были явно завышены.

Напротив, С.И.Брук полагал, что данные переписи 1939 г. занижены в связи с недоучетом населения в Сибири и на Дальнем Востоке, где должны были быть расположены места массового заключения. Перепись же, как он пишет, не зафиксировала заметного увеличения населения в этих регионах. Следовательно, Брук считал, что перепись недоучла заключенных. Его выступление прозвучало на Таллиннской конференции по исторической демографии в октябре 1988 г. Однако тогда

еще не было известно, что сохранились материалы спецпереписи НКВД, которая переписывала заключенных. Результаты спецпереписи были приплюсованы к общим итогам переписи 1939 г. Но при этом, чтобы скрыть места заключения, переписные листы на них были перераспределены "мелкими пачками" из мест заключения по различным районам страны более или менее равномерно[19]. Та же операция была проделана и с военнослужащими. Поэтому и не было зафиксировано такое увеличение населения ни в Сибири, ни на Дальнем Востоке, которое бы обратило на себя особое внимание. Тем не менее, отмечая некоторый недоучет населения, С.И.Брук считал, что переписью в целом можно пользоваться и без поправок.

В 1990 г. были одновременно опубликованы два секретных письма лично Сталину и Молотову. Первое письмо, более раннее, принадлежит начальнику ЦУНХУ И.Саутину, сменившему на этом посту арестованного И.Краваля, от 10 февраля 1939 г. (публикация Ю.А.Полякова, В.Б.Жиромской и И.Н.Киселева[20]) и второе, написанное позднее - 21 марта, составлено председателем Госплана СССР Н.Вознесенским и тем же И.Саутиным (публикация А.Г.Волкова[21]). В обоих письмах приводится один и тот же, подлинный результат переписи населения 1939 г. - 167,3 млн. человек. Расхождение с официально опубликованной цифрой[22] составляет 3,2 млн.

Перед исследователями встал вопрос о том, вся ли эта приписка в 3,2 млн. человек является необоснованной? Известно, что она в основном была произведена с контрольных бланков, которые заполнялись после окончания переписи в целях проверки точности учета населения на участках.

Имея ввиду практику переписей 1937 и 1959 гг., почти все исследователи не исключают возможности недоучета населения и в ходе переписи 1939 г., то есть считают цифру 167,3 млн. неполной. Так, М.С.Тольц считал, что необходимо внести поправку по аналогии с переписью 1959 г. в 0,8 млн. недоучтенного населения. Таким образом, его цифра численности населения на январь 1939 г. - 168,1 млн. чел. Стало быть фальсификация, то есть преднамеренная приписка к итогу составляет 2,4 млн. человек, или 1,4%[23].

По мнению работников НИИ при Комитета статистики СНГ Андреева Е., Дарского Л. и Харьковой Т., оправданная поправка, взятая с контрольных бланков, и вероятная поправка на недоучет населения составили I,5 млн. человек, то есть численность жителей СССР составила I68,9 млн., а фальсификация - I,6 млн., или I,0%[24].

По подсчетам С.Максудова, необоснованное преувеличение населения в переписи I939 г. равнялось I,5-2 млн., то есть 0,9-I,2%. Отсюда население страны в I939 г. насчитывало I68,5-I69,0 млн.[25]

В.А.Исупов считает, что при переписи был возможен недоучет населения в пределах I-I,5 млн. человек, то есть, иными словами, оправданная поправка была допустима в пределах I,7-2,5 млн. Следовательно, численность населения, по его мнению, не превышала I69-I69,8 млн. Неоправданная приписка к итогу составляла в этом случае 0,7-I,5 млн.[26], или 0,4-0,9%.

Как видно отсюда, все авторы сходятся в мнении, что поправка на недоучет допустима лишь небольшая. Но тогда в I939 г. под нажимом "сверху" организаторы переписи не только восполнили ее, но и допустили сознательное преувеличение населения, использовав для этой цели контрольные бланки, фальсифицировав тем самым итог по численности населения СССР. Величина приписки колеблется от 0,4 до I,4%, согласно их определениям.

Мы полагаем, что недоучет населения, допущенный в переписи, был еще меньше. Из всех предложенных поправок мы можем согласиться (по аналогии с практикой переписи I937 г. и учитывая данные текущей статистики) лишь на поправку в 0,2% или на 0,3-0,4 млн. человек. В этом случае итоговая цифра по численности населения в I939 г. не будет превышать I67,6-I67,7 млн., а преднамеренная фальсификация составит около 2,8-2,9 млн., или I,7%.

В столь малом недоучете населения нас убеждает сама организация переписи I939 г. Каждый человек переписывался лично и лишь в исключительных случаях сведения о нем собирались у родственников и соседей, а затем проверялись по

домовым книгам. Предусматривалось неоднократное посещение респондента счетчиком. Счетчиков тщательно подготовили на специальных курсах и проэкзаменовали. Программа предусматривала изучение возможных ошибок, приводящих к пропускам населения при переписи. При этом счетчикам постоянно напоминали, что главный "дефект" переписи I937 г. - недоучет населения.

Каждому, кто менял свое местонахождение в период проведения переписи, выдавали справку о прохождении переписи, чтобы он не мог сознательно или несознательно от нее уклониться. Приведены были в порядок домовые и подворные книги в городах и селах, проводилось упорядочение названий улиц, площадей, переулков, нумерации домов. Были составлены и проверены схематические карты районов во избежание пропусков участков. Была проведена массированная пропагандистская кампания под лозунгом "Не пропустить ни одного человека!" Под этим лозунгом было развернуто социалистическое соревнование между районами, городами и селами.

Впервые в практике советского переписного дела было введено уголовное наказание за уклонение от переписи. Был принят специальный секретный указ СНК СССР о розыске и учете при переписи бездомного и непрописанного в городах населения, скрывающегося в подвалах, котлах для варки асфальта, на чердаках, под мостами и т.д. Были посланы экспедиции в пески Каракума и на дальний Север в поисках мест обитания человека.

Из опубликованных писем, упомянутых нами выше, видно, что перепись учла в указанной в них цифре населения и данные спецпереписи НКВД по заключенным, и данные переписи военнослужащих, проведенной народным комиссариатом обороны и военно-морского флота, а также оценку по труднодоступным районам, сделанную на основе переписи и оргплана. Учет населения проводился с большой тщательностью, под контролем органов власти, лично В.М.Молотова, тогда председателя СНК СССР.

В этих условиях трудно предполагать хоть сколько-нибудь значительные пропуски населения. Действительно, конт-

рольные обходы по проверке полноты учета населения первое время не давали ощутимых результатов. В большинстве районов пропусков респондентов вообще не было обнаружено. Тогда усилили "сверху" нажим на счетчиков и инспекторов с помощью "проработок", вынесения выговоров и оргвыводов. Создалась благоприятная атмосфера для приписок. В письме И.Саутина указано, сколько удалось зафиксировать недоучтенного населения на контрольных бланках и сделан намек на возможность пополнения за их счет общей численности населения. Андреев Е.М. и др. его соавторы считают возможным оправдать некоторую часть приписки населения с контрольных бланков в 1939 г., поскольку так сделали в 1959 г. Тогда, в 1959 г. с контрольных бланков было внесено в переписные листы на каждую 1000 переписанных 3,8 чел., что составляло примерно 0,4%. Эти 0,4% они считают допустимыми в качестве поправки на недоучет и в 1939 г., поскольку методика учета населения у этих двух переписей близка. Но хотелось бы заметить, что при большом сходстве методик (не надо этого забывать) ситуация, в которой проводились эти обе переписи, была разной. Перепись 1959 г. проводилась в спокойной обстановке, без ажиотажа, нажимов "сверху", так как не было необходимости в погоне за заранее заданной цифрой населения, не было ни страха, ни нервного напряжения, в котором работали в 1939 г. переписчики. Недоучет населения в 1939 г. был чреват непоправимо тяжелыми последствиями. Вряд ли в этой ситуации кто-либо рискнул недоучесть респондентов. С нашей точки зрения, учитывая эти обстоятельства, поправка в 0,4%, а ее сделали в гораздо большем объеме (6,8 тыс. на каждые 1000 жителей), не может быть принята и оправдана. Другое дело, что авторы, сравнивая итоги переписей 1937 и 1939 гг. и привлекая данные текущего учета населения о его приросте с некоторой коррекцией, предлагают 0,2% поправки на возможный недоучет. С этой поправкой можно, как мы уже писали, согласиться, исключив все другие как необоснованные.

Таким образом, учитывая все сказанное, можно сделать вывод о том, что хотя фальсификация общего итога численности населения СССР имела место в переписи, она незначительна по своей величине. Материалами переписи можно пользоваться, но при условии коррекции.

Если численность населения Союза в целом привлекла усиленное внимание ученых и у нас в стране и за рубежом, то итог по численности населения России пока еще не обсуждался. Между тем фальсификация имела место и в этом случае. Однако, изучив по архивным материалам механизм приписок, можно рассчитать действительную численность населения России на начало 1939 г.

Население России по официальным данным составляло 109 397 463 человека. Из этого числа необходимо вычесть необоснованную приписку, которая, по нашим расчетам, основанным на черновых архивных материалах и учете общего процента поправки, составила 2,5 млн. чел. Следовательно, на момент переписи 1939 г. население собственно России исчислялось примерно в 106,9 млн.[27]

На сегодняшний день лишь в малом числе работ отмечается факт фальсификации в переписи 1939 г. численности городского населения. Этот вопрос поднимался Жиромской В.Б. еще в 1990 г.[28], когда отмечался сам факт фальсификации численности городских жителей, но поправки рассчитаны не были. Впоследствии эта работа была продолжена ею на общесоюзном материале[29].

В 1991 г. другой исследователь - Исупов В.А. - опубликовал расчеты поправок к численности населения некоторых городов Сибири[30]. Так, по его расчетам, к населению г.Омска приписано без всяких на то оснований 5,5 тыс. чел., г. Тюмени - 1,5 тыс. чел. и т.д. Однако следует отметить, что приписка выявлена им не полно, а лишь частично и учитывает только перераспределенные в эти города переписные листы на заключенных. Остались неучтенными и общий процент приписки и приписка военнослужащих, также перераспределявшихся по разным населенным пунктам из мест дислокации.

Численность сельского населения с точки зрения оценки его достоверности в переписи 1939 г. в литературе вообще еще не рассматривалась. Как правило, специалисты-аграрники используют эти данные без всякой корректировки. Между тем

именно в сельской местности концентрировались места заключения и перераспределение их по территории страны производилось главным образом оттуда. В части сел население в связи с этим оказалось преуменьшенным, а в ряде случаев, напротив, преувеличенным, если туда направлялись приписки. Поэтому поправки неравномерны и каждый раз, в каждом отдельном случае их приходится рассчитывать особо. Величина поправок колеблется, по нашим подсчетам, в пределах от -I,5 до +6,0%.

Что касается численности городского и сельского населения России по данным переписи I939 г., то оценка ее достоверности еще не произведена.

Выяснение вопроса об оценке данных переписи I939 г. по числу горожан невозможно без сопоставления этих материалов с переписью I937 г.

Кроме того приходится учитывать и ту ситуацию, в которой проводились обе переписи. Уже от переписи I937 г. ожидалось, что она окажется ярким показателем "грандиозных" успехов страны в области индустриализации и урбанизации. Безусловно, индустриализация, развиваясь форсированными темпами, привела к росту городского населения, что должно было отразиться в данных переписей. Но беда была в том, что предстояло "получить" заранее заданный результат. Известно, что в одном из своих выступлений И.Сталин заявил, что численность городского населения удвоилась[3I] по сравнению с I926 г., когда была проведена перепись, насчитавшая 26 млн. горожан. Заявление вождя было сделано накануне переписи I937 г.

Прогноз этот якобы подтвердился. Этот факт вызывает подозрение, поскольку это был единственный прогноз, который подтвердился. В строго засекреченном письме начальника Центрального управления народнохозяйственного учета И.А.Краваля в ЦК ВКП(б) И.В.Сталину, написанного в марте I937 г. после подведения итогов переписи, фигурирует цифра 5I,9 млн. горожан.

Можно ли без всяких сомнений, на веру принимать эту цифру? Следует иметь в виду, что письмо написано в оправдание

итогов переписи по численности населения, а тон письма соответственно извиняющийся. Бросается в глаза, что главная цель, которую преследует письмо Краваля, - это спасти перепись от опалы, подтвердить и оправдать полученные ею результаты, доказать их достоверность. Письмо пронизано предчувствием нависшей над переписью угрозы. И в этих условиях - численность городского населения Союза - один из главных козырей, которым он стремится смягчить гнев правительства. В этом нас убеждает пышное представление ожидаемой цифры. Выбиваясь из общего тревожного тона письма, Краваль восклицает: "Таких темпов роста городского населения (удвоение за I0 лет) не знает и не знала ни одна страна в мире!"[32] Так ли это на самом деле?

Обратимся к архивным данным. Во-первых, во всех черновых разработочных таблицах, например, по поло-возрастной структуре городского населения, обозначена итоговая цифра в 43,7 млн. чел. В это число не включены военнослужащие, но в городах их насчитывалось всего I,3 млн.[33] Вместе с ними городское население составляло 45,0 млн. человек.

Кроме того сохранилась в архиве секретная записка главного руководителя спецпереписи НКВД в I937 г. полковника В.Цесарского, где указана та же цифра городского населения, что и в разработочных таблицах - 43,7 млн.[34] Следует заметить, что, строго говоря, все записанные за городами военнослужащие не являлись постоянными городскими жителями, а находились в них по долгу воинской службы временно.

Исходя из всего сказанного, можно определить процент приписки и к городскому населению России. В переписи указана цифра 34,4 млн., в нее не включены военнослужащие. Общий процент приписки составляет I4. Следовательно, за вычетом поправки остается 29-30 млн., поскольку приписка составляет 4,5 млн. К сожалению, неизвестно, какое количество военнослужащих было дислоцировано на территории российских городов.

Судя по записке В.Цесарского и разработочным таблицам, цифра 43,7 млн. относилась к населению утвержденных городов

и поселков городского типа, список которых составляется и утверждается перед каждой переписью. Сверх того существовал список рабочих поселков, которым не был присвоен статус города. Видимо, за счет населения этих рабочих поселков и было увеличено число горожан. Трудно теперь судить о том, насколько правомерно было это действие, однако, вряд ли жители всех этих рабочих поселков "скопом" могли быть отнесены к городским жителям. Вопрос этот требует дополнительного изучения.

Уточнения требует и цифра городского населения в переписи 1939 г. Официально опубликованная численность горожан на январь 1939 г. - 55 910 тыс.[35] Нельзя не учитывать, что вопрос о численности городского населения еще более, чем в период переписи 1937 г., был политизирован. Он опять-таки решался в "свете" тех же сталинских указаний, а потому был объявлен делом большой политической важности во всей периодической печати. На специальном совещании Бюро переписи 1939 г. и местных УНХУ было принято решение "проявить большое усердие" в учете городского населения[36]. В этой связи начали большую работу по пересмотру статуса рабочих поселков и сел. Такая работа проводилась по традиции перед каждой переписью. Но на этот раз на нее было обращено особое внимание. В основу были положены документы, в которых был определен статус города, составленные еще в 1924-1925 гг. Теперь в них были внесены коррективы. В частности, учитывались не только единство застройки при определении города, но и подчинение поселения городскому совету.

Очень скоро почувствовалась погоня за определенной цифрой населения. Из СНК СССР полетели во все концы страны указания форсировать работу по переводу рабочих поселков и сел в города. Поначалу этот вопрос представлялся местными органами власти на рассмотрение Верховного Совета СССР. Однако в целях ускорения этой работы на заседании у Калинина М.И. решено было обратиться с письмом к Верховным Советам союзных республик, чтобы те у себя в регионах провели обоснованный перевод сельских поселений в городские.

Тем временем начальник ЦУНХУ И.Саутин откровенно писал

в СНК СССР, что если ряд населенных пунктов, общее число жителей которых составляло в РСФСР 1,9 млн. человек, а на Украине - 2,4 млн., не будет до переписи переведен в городские поселения, то общая численность населения в городах окажется приуменьшенной на 4-5 млн.[37]

Вся работа по изменению статуса селений проводилась в результате в спешке и в одностороннем порядке: обратного перевода городов в села, как это было при других переписях, не производилось. Погоня же за определенной, явно завышенной цифрой, привела к тому, что и с городскими границами обращались довольно свободно, в частности, нарушался критерий принадлежности поселений к городскому или поселковому советам. Так, все дачные поселки и села, в которых проживали рабочие и служащие Москвы и Ленинграда (около 400 человек) были приписаны к этим городам, а между тем большая часть их находилась в ведении поселковых советов.

В итоге предпринятых усилий искомая цифра, более чем в два раза превышающая численность городского населения в 1926 г., была получена.

Обратимся опять к письму И.Саутина от 10 февраля 1939 г., упоминавшемуся нами в связи с общим итогом по численности населения. В нем сообщена не только эта цифра, но и численность городского населения, насчитывавшего, по словам Саутина, 52,4 млн. чел. (без армии и заключенных)[38]. Но зато в эту цифру включены те 4-5 млн., о которых писал Саутин еще до начала переписи в другом письме, касаясь статуса городов.

Исходя из сказанного, можно предположить, что численность горожан в СССР на самом деле не превышала (без армии и заключенных) 47-48 млн. чел. В таком случае приписка составит 8-10%. Надо заметить здесь, что к 1939 г. заключенных в городах, содержащихся в тюрьмах, было немного, большая часть их была передана в лагеря и трудпоселения, составляя даровую рабочую силу, использовавшуюся на строительных и тяжелых видах работ. Но, безусловно, мелкими партиями переписные листы, переданные в города и включенные в число горожан, отразились так или иначе на численности городского

населения, хотя и незначительно.

Полученный нами результат по численности городского населения в 1939 г. вполне сопоставляется с итогом, исчисленным нами по переписи 1937 г. – 43,7 млн. чел. При высоких темпах индустриализации и строительства новых городов прирост городского населения в 3–4 млн. за этот период был возможен.

Имея в виду выявленный нами механизм приписок, попытаемся приблизительно исчислить количество городского населения в России в 1939 г. По официальным данным число горожан в России составляло 36,8 млн. Из этой цифры необходимо вычесть 1,9 млн., о которых упоминал в своем письме И.Саутин. Итог составит 34,9 млн. Из черновых материалов перераспределения приписки, состоящей из переписных листов на заключенных, базировавшихся на самом деле в основном в сельской местности, а также на военнослужащих, и необоснованной общей поправки к населению городов России, ясно, что к городам было добавлено за счет сельского населения помимо 1,9 млн. еще 800 тыс. человек. В результате приписка составила 2,7 млн. То есть истинная численность городского населения России составила 34,1 млн., включая армию и заключенных, или величина приписки равнялась 8%. Не вся эта приписка полностью необоснованна, так как какая-то часть заключенных и военнослужащих перераспредялась между городами. Однако основная масса заключенных и военнослужащих была приписана к городам из деревень.

Черновые материалы переписи 1939 г. позволяют рассчитать примерно величину приписки и истинное население многих городов России, учитывая приведенную здесь методику расчета. Напр., официальная численность населения г. Москвы – 4137,0 тыс., приписка – 104,5 тыс. (2,6%). Истинная численность – 4032,5 тыс. чел. Соответственно – число жителей г. Ленинграда официально – 3191,3 тыс., приписка – 75,8 тыс. (2,4%). Без приписок число ленинградцев – 3115,5 тыс. человек.

Сложнее обстоит дело с очищением от фальсификации отдельных регионов и областей. Как удалось установить по

сохранившимся материалам секретной переписки органов ЦУНХУ, НКВД и НКО с правительственными органами власти, приписка по отдельным регионам, областям, городам и селам состояла из трех слоев. Первый состоял из собственно приписки к общему итогу по численности населения Союза, разложенной по всем населенным пунктам. Этот расклад производился неравномерно и больший процент приходился на те районы, где ощутимее были потери населения, связанные с голодом начала 30-х гг.

Второй слой приписки – это перераспределенные заключенные, о чем мы уже неоднократно упоминали выше. В опубликованном нами письме И.Саутина на имя В.Молотова и Л.Берия от 10 января 1939 г. говорилось на этот счет, что органы ЦУНХУ полученные от НКВД переписные листы на заключенных объединяют с переписными материалами по общегражданскому населению и раскладывают условно по городам и селам страны. Поскольку это значительно изменит итоги численности населения в Приморско-Хабаровскому крае, Архангельской, Новосибирской, Свердловской областях, Бурят-Монгольской, Карельской и Коми АССР, НКВД предлагает значительную часть заполненных переписных листов на контингенты заключенных лагерей, расположенных в указанных выше местах, перераспределить между другими республиками, краями и областями[39]. Это предложение было реализовано и на места была разослана секретная инструкция за подписью зам. начальника ЦУНХУ Д.Бозина от 3 сентября 1939 г., которая гласила: "Все переписные листы, не имеющие адресной части или имеющие неполный адрес, распределяются условно между отдельными территориальными единицами, а в пределах территориальных единиц – между инструкторскими участками в городах и счетными участками в сельской местности районов Крайнего Севера. Распределение производится равномерно, мелкими пачками"[40]. Мы взяли вариант конкретной инструкции, адресованной в районы Крайнего Севера. Но такого рода инструкция лишь с другим адресом была направлена в УНХУ Бурят-Монгольской, Якутской АССР, Омской, Архангельской, Камчатской областей, Красноярского, Хабаровского краев и т.д.

В архивах переписи сохранились многие материалы, по которым можно проследить сложившийся тогда и четко отработанный механизм приписок. Сначала итоги переписи в нефальсифицированном виде из всех районов направлялись в Бюро переписи ЦУНХУ. Туда же поступали секретные сведения по итогам переписи спецконтингентов. В центре подсчитывали общие итоги и определяли, какое количество спецконтингента подлежало распределению по другим районам, затем определялся общий коэффициент приписки. Эти данные сообщались в местные УНХУ, а их секретные отделы распределяли всю приписку по конкретным городам и селам. Затем эти конечные результаты сообщались в центр. Эти последние письма, к великому счастью, сохранились. В центре сведения, полученные таким путем с мест,еще раз корректировались. Приходилось к тому же в центре постоянно сверять полученные итоги с итогами переписи 1926 г., чтобы не получить слишком большой прибыли или, напротив, убыли населения в отдельных местах.

Всего таким путем было перераспределено 750 тыс. заключенных. Эта цифра дошла до нас в виде примечания к спецпереписи НКВД по заключенным и охране. Сохранились и адреса, по которым перераспределялись переписные листы с указанием их количества[41]. Эти материалы и позволяют исчислить население республик, краев, областей, городов и сел страны, избавив цифры от приписок. Приведем пример такого сохранившегося документа - одно из писем Д.Бозину от 13 марта 1939 г. (опубликованного нами еще в 1990 г.[42]) за подписью Бартошевича: "Препровождаю переписные листы на контингент "В" (то есть на заключенных - В.Ж.), поступающие от Коми АССР на 100 тыс. чел. переписанных, Карельской АССР на 80 тыс. чел. переписанных, Бурят-Монгольской АССР на 30 тыс. чел. переписанных, Хабаровской области на 232 530 чел. переписанных, Новосибирской области на 87 356 чел. переписанных, Свердловской области на 67 750 чел. переписанных". В данном случае указано в письме откуда перераспределяются заключенные, в примечаниях же к спецпереписи указано, куда они направляются и к каким населенным пунктам приписываются.

Несмотря на то, что механизм приписок был продуман и выполнялся на местах и в центре довольно четко, бывали и "накладки", которые приходилось ликвидировать. Не всегда все удавалось "предусмотреть". Например, в ходе дела выяснилось, что в Ныробском районе Казахстана заключенные составляли 61% наличного населения, а в трех районах Карелии - Медвежегорском, Беломорском и Тунгудском - спецконтингент чуть ли не 2 раза превысил местное население[43]. Видимо, в этих районах и после перераспределения легко просматривались места заключения, поскольку уж очень велико было "население" трудпоселков. В подобных случаях информация о "накладках" сообщалась в ЦУНХУ и там производилось новое перераспределение спецконтингента.

Учитывая механизм приписок и черновые материалы переписи 1939 г., мы сделали попытку рассчитать численность населения автономий, находящихся в то время на территории РСФСР, освободив данные от приписок необоснованного характера (см. табл.1, 2, 3).

Сложность особого порядка представляют собой расчеты численности населения северных автономий: Коми АССР, Карельской АССР, население которых было не преувеличено, а напротив - приуменьшено, так как оттуда перераспределялось большое количество переписных листов на заключенных. Причем следует учитывать, что некоторая часть из них была возвращена в процессе корректировок данных по России в целом.

Как видно из этих таблиц, после пересчета численности населения автономий сразу обнаружились места массового содержания заключенных - это Бурят-Монголия, Коми и Карелия. В переписи 1937 г. места заключения не были закомуфлированы и при сопоставлении с ее данными виден рост численности населения в этих трех республиках, особенно в Коми АССР и Карелии, очевидно, за счет спецконтингента, поскольку эти территории относятся к малонаселенным.

В целом, завершая сказанное, хотелось бы отметить следующие моменты:

1. Фальсификация итога по общей численности населения Союза и России в переписи 1939 г. не выходит по своей ве-

Таблица I

Население автономных республик РСФСР в 1939 г., оба пола (расчеты автора) в тыс.*

Название автономий	Официальный итог	Нефальсифицированный итог	Приписка	
			абс.ч.	%
Башкирская АССР	3 159,0	3 093,4	65,6	2,1
Бурят-Монгольская АССР	545,8	563,1	-17,3	-3,1
Дагестанская АССР	930,4	910,0	20,5	2,2
Кабардино-Балкарская АССР	359,2	351,5	7,7	2,2
Калмыцкая АССР	220,7	216,0	4,7	2,2
Карельская АССР	468,9	532,6	-63,7	-12,0
Коми АССР	319,0	412,4	-93,4	-22,7
Крымская АССР	1 126,4	1 100,4	26,0	2,4
Марийская АССР	579,6	567,5	12,1	2,1
Мордовская АССР	1 188,0	1 163,2	24,8	2,1
Республика Немцев Поволжья	606,5	553,4	53,1	9,6
Северо-Осетинская АССР	329,2	320,8	8,4	2,6
Татарская АССР	2 915,3	2 853,3	62,0	2,2
Удмуртская АССР	1 219,4	1 188,3	31,1	2,6
Чечено-Ингушская АССР	697,0	680,9	16,1	2,4
Чувашская АССР	1 076,8	1 054,5	22,3	2,1
Якутская АССР	413,2	св.нет	св.нет	-

* Рассчитано по: РГАЭ. Ф.1562. Оп.329. Д.280. Л.177, 184, 186-190, 193-194; Д.283. Л.1, 3, 7, 9, 12, 18, 20-23; Социологические исследования. 1990. № 8. С.40-42; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. М., 1993. С.27-28.

Таблица 2

Население автономных республик РСФСР в 1939 г., мужчины в тыс. (Расчеты автора)*

Название автономий	Официальный итог	Несфальсифицированный итог	Приписка	
			абс.ч.	%
Башкирская	1 493,8	1 443,2	50,6	3,5
Бурят-Монгольская**	275,9	289,6	-13,7	-4,7
Дагестанская	453,2	437,1	16,1	3,7
Кабардино-Балкарская	177,7	171,7	6,0	3,5
Калмыцкая	111,4	107,8	3,6	3,3
Карельская**	241,4	297,5	-56,1	-18,8
Коми**	154,9	228,7	-73,8	-32,3
Крымская	542,2	521,7	20,5	3,9
Марийская	270,7	261,4	9,3	3,6
Мордовская	545,4	526,3	19,1	3,6
Республика Немцев Поволжья	299,9	256,8	43,1	16,8
Северо-Осетинская	159,1	152,3	6,8	4,5
Татарская	1 359,7	1 311,7	48,0	3,6
Удмуртская	566,6	541,4	25,2	4,6
Чечено-Ингушская	344,0	331,2	12,8	3,9
Якутская	225,3	св.нет	св.нет	-
Чувашская	506,1	488,9	17,2	3,5

* Рассчитано по: РГАЭ. Ф.1562. Оп.329. Д.280. Л.177, 184, 186-190, 193-194; Д.283. Л.1, 3, 7, 9, 12, 18, 20-23; Социологические исследования. 1990. № 8. С.40-42; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. С.27-28.

** Точные сведения есть только по общему числу изъятых переписных листов без разделения по полу. Приведенные данные рассчитаны нами по аналогии с другими районами.

Таблица 3

Население автономных республик РСФСР в 1939 г., женщины в тыс. (Расчеты автора)*

Названия АССР	Официальный итог	Неофальсифицированный итог	Приписка	
			абс. ч.	%
Башкирская	I 665,2	I 650,2	I5,0	0,9
Бурят-Монгольская**	269,9	273,5	-3,6	-I,3
Дагестанская	477,2	472,8	4,4	0,9
Кабардино-Балкарская	I8I,6	I79,9	I,7	0,9
Калмыцкая	I09,3	I08,2	I,I	I,0
Карельская**	227,5	235,I	-7,6	-3,2
Коми**	I64,I	I83,7	-I9,6	-I0,7
Крымская	584,2	578,7	5,5	I,0
Марийская	308,9	306,I	2,8	0,9
Мордовская	642,6	636,9	5,7	0,9
Республика Немцев Поволжья	306,7	296,7	I0,0	3,4
Северо-Осетинская	I70,I	I68,5	I,6	I,0
Татарская	I 555,5	I 54I,5	I4,0	0,9
Удмуртская	652,8	646,9	5,9	0,9
Чечено-Ингушская	353,0	349,7	3,3	0,9
Чувашская	570,7	565,6	5,I	0,9
Якутская	I87,9	св.нет	св.нет	-

* Рассчитано по: РГАЭ. Ф.I562. Оп.329. Д.280. Л.I77, I84, I86-I90, I93-I94; Д.283. Л.I, 3, 7, 9, I2, I8, 20-23; Социологические исследования. I990. № 8. С.40-42; Всесоюзная перепись населения I939 г.: основные итоги. С.27-28.

** См. примечание к табл.2.

личине за пределы допустимых погрешностей в практике мирового переписного дела, хотя она и имеет преднамеренный характер. Предел допустимых неточностей возможен до 5%, в то время как мы имеем переучет населения в переписи I939 г. по самым высоким оценкам до I,8%. Небольшая по величине приписка к общему итогу делает допустимым использование его в научных исследованиях без поправки, с одной лишь оговоркой.

2. Другое дело - численность городского населения, равно как и сельского. Здесь величина поправки достигает 8-I0%, выходя за рамки допустимого. Эти данные нуждаются в "очищении" от фальсификации, тем более что возможности для этого есть, хотя работа предстоит трудоемкая.

3. То же надо сказать и по отношению к численности населения отдельных республик, краев, областей, городов и сел. Здесь, как мы видим по автономиям, величина приписок колеблется в пределах от -32,3 до +I6,8%. Главная же сложность состоит в том, что не может быть применена средняя величина поправки. В каждом отдельном случае предстоит особый подсчет.

Вопрос этот в целом нуждается в дальнейшем исследовании, поиск истины необходимо продолжать. Богатейшие материалы переписи I939 г.,до сих пор слабо изученные, должны быть введены в научный оборот в освобожденном от фальсификации виде.

I Тольц М.С. А сколько же нас тогда было? // Огонек. I987. № 52. С.I0-II; Бромлей Ю.В., Поляков Ю.А., Жиромская В.Б. Сколько нас было, есть, будет... // Неделя. I989. № 38. С.II и др.

2 Всесоюзная перепись населения I937 г.: Краткие итоги. М., I99I; Всесоюзная перепись населения I939 г.: Основные итоги. М., I993.

3 Всесоюзная перепись населения I937 г. ... С.47.

4 Там же. С.45.

5 Там же. С.43-45 (подсчеты автора).

6 РГАЭ. Ф.1562. Оп.329. Д.143. Л.20; Всесоюзная перепись населения 1937 г. ... С.19.

7 Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания: Всесоюзная перепись населения 1937 г. // Социологические исследования 1990. № 6. С.24.

8 Лифшиц Ф.Г. Перепись населения 1937 г. // Демографические процессы в СССР. М., 1990. С.174-207.

9 Старовский В.Н. Методика исследования элементов роста народонаселения // Вестн. статистики. 1964. № 11. С.11.

10 Волков А.Г. Из истории переписи населения 1937 г. // Вест. статистики. 1990. № 8. С.46-50, 56.

11 Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Опыт оценки численности населения СССР, 1926-1941 гг. (Краткие результаты исследования) // Вестн. статистики. 1990. № 7. С.34.

12 Российский государственный архив экономики, далее - РГАЭ. РГАЭ. Ф.1562. Оп.329. Д.199. Л.92-93.

13 Брук С.И. Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1986. С.129, 133-134 и др.

14 Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30 - конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991. С.14-15- Он же. Тайны советской статистики // Вестн. Академии наук СО РАН. Сер. история, филология, философия. Вып.1. Новосибирск, 1991. С.33.

15 Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопр. истории. 1989. № 4. С.180-181.

16 Жиромская В.Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов: история подготовки и проведения // История СССР. 1990. № 3. С.86-102; Она же. Перепись 1939 г. // Всесоюзная перепись населения 1939 г. ... С.6-7.

17 Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Указ. соч. С.38.

18 Цаплин В.В. Указ. соч. С.180-181.

19 См.: Всесоюзная перепись населения 1939 г. ... С.12.

20 Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания... // Социологические исследования. 1990. № 8. С.49-50.

21 Волков А.Г. Указ. соч. С.58.

22 Правда, 1939, 2 июня; 1940, 29 апр.

23 Тольц М.С. Репрессированная перепись // Родина, 1989. № 11. С.60; Он же. Недоступное измерение // В человеческом измерении. М., 1989. С.331.

24 Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Указ. соч. С.38.

25 Максудов С. Потери населения СССР в годы коллективизации // Звенья. М., 1990. № 1. С.77-78.

26 Исупов В.А Указ. соч. С.33.

27 РГАЭ. Ф.1562. Оп.336. Ч.1. Д.242. Л.3; Оп.329. Д.280. Л.9.

28 Жиромская В.Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов... С.92.

29 Жиромская В.Б. Перепись 1939 г. С.15.

30 Исупов В.А. Указ. соч. С.33.

31 Сталин И.В. Речь на совещании передовых комбайнеров и комбайнерок с членами ЦК ВКП(б) и правительства, 5 дек. 1935 г. М., 1937. С.5.

32 Всесоюзная перепись населения 1937 г. ... С.35.

33 Там же. С.60.

34 Там же. С.73.

35 Правда, 1940, 29 апр.

36 РГАЭ. Ф.1562. Оп.336. Ч.1. Д.77. Л.17.

37 Жиромская В.Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов... С.92.

38 Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Указ. соч. С.50.

39 См.: Социологические исследования, 1990. № 8. С.44.

40 Там оже.

41 РГАЭ. Ф.1562. Оп.329. Д.280-284.

42 См.: Социологические исследования. 1990. № 8. С.45.

43 Там же.

И.Н.Киселев

ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В 1930-Х ГОДАХ

Естественное движение населения и миграции (как внутренние, так и внешние) населения СССР в 1930-х гг. до самого последнего времени не изучались в советской исторической демографии. Этот период не рассматривался в хронологически локальных исследованиях, в работах же достаточно широких по хронологическим рамкам или в юбилейных публикациях[1] по 30-м гг. приводятся в лучшем случае интерполированные данные (как правило, сглаженная кривая роста населения между уровнями 1926 и 1939 гг.).

Такая ситуация не представляется странной. Публикация развернутых статистико-демографических материалов прекращается с конца 1920-х гг., с начала 30-х гг. постепенно сворачиваются демографические исследования, закрывается Демографический институт АН в Ленинграде, успевший выпустить лишь один том своих трудов, из статистических сборников исчезает раздел демографической статистики. Сведения загсовской регистрации, медицинская статистика смертности, переписка ЦУНХУ с подведомственными ему учреждениями становятся закрытыми: соответствующие архивные материалы того времени начинаются с короткой пометки - "секретно", "не подлежит оглашению". Эти документы стали доступны исследователям лишь в последние два-три года. Основная же причина молчания отечественной исторической демографии вокруг обсуждаемого сюжета (по крайней мере в подцензурных публикациях) понятна и совершенно естественна - демографические процессы в 30-е гг. имели катастрофический характер и их изучение никак не вписывалось в господствовавшие идеологические концепции. Табу с темы снято совсем недавно и пока в отечественной науке делаются лишь первые шаги по пути реконструкции действительной демографической ситуации 1930-х гг.

Длительное время демографическая история СССР 30-х гг. весьма интенсивно изучалась и обсуждалась зарубежными учеными. Необходимо сразу же отметить, что зарубежные исследования и дискуссии не имели характера академических узко

демографических работ. Собственно, демографические материалы рассматривались в контексте крупнейших политических и социально-экономических событий 30-х гг., как их непосредственный итог и ярчайшая иллюстрация.

На Западе существут огромная литература, посвященная голоду на Украине 1932-1933 гг.: статьи, монографии, отчеты для правительственных учреждений, подборки документов[2]. Не меньше по объему массив публикаций, в которых рассматриваются демографические последствия коллективизации, индустриализации, репрессий[3]. Среди этих работ выделяется ряд крупных исследований, охватывающих демографические процессы 1930-х гг. в целом, где представлены динамические ряды (полностью или частично) показателей движения населения СССР[4]. Автор последней из перечисленных работ этой группы С.Максудов является признанным авторитетом в изучении довоенной демографической истории СССР. Его последняя и крупнейшая монография по исторической демографии СССР - "Потери населения СССР", изданная в 1989 г., подводит итог многолетним изысканиям зарубежных и советских исследователей по вопросу движения населения СССР в 30-е гг. (Нужно отметить, что этот вопрос является ключевым, но все же промежуточным в исследовании). С.Максудов определил "в результате критической переработки сведений" различных источников* наиболее вероятные, по его мнению, цифры движения населения СССР[5]:

год	Кр	Кс	год	Кр	Кс	год	Кр	Кс
1927	43,4	21,0	1932	35,0	-	1937	38,7	18,9
1928	44,3	18,2	1933	32,0	-	1938	37,5	18,5
1929	39,8	20,3	1934	30,0	-	1939	36,5	17,3
1930	39,2	20,4	1935	31,4	16,3	1940	31,2	18,0
1931	37,0	-	1936	35,7	-			

* Рассмотренные С.Максудовым источники включают в себя ряд изданий ЦСУ, в том числе внутренний справочник ЦСУ для служебного пользования (по 1933-1934 гг.), работы Б.Ц.Урланиса, Ж.Н.Бирабена, Ф.Лоримера, Р.И.Сифман.

Как видим, Максудов среди рассмотренных им материалов не нашел достаточно убедительных цифр смертности за 1931-1934 и 1936 годы. Для остальных же лет коэффициент смертности невысок и довольно стабилен при минимальных значениях в 1935 и 1939 гг. Рождаемость после 1927 г. неуклонно снижается, достигая в 1934-1935 гг. величины, на треть меньшей показателей 1927-1928 гг. Падение уровня рождаемости в 1940-м г. объясняется, в частности, присоединением к СССР территорий с традиционно невысокими темпами воспроизводства населения.

В том же году, когда была опубликована книга С.Максудова, произошло событие, имеющее, как представляется, решающее значение для изучения демографических процессов 1930-х гг.: были обнаружены материалы Всесоюзной переписи населения 1937 г.[6] Результаты переписи дали, прежде всего, достаточно твердый ориентир численности населения страны на начало 1937 г. Однако, кроме этого, в итогах переписи есть данные, совершенно необходимые для реконструкции движения населения в предпереписной период - возрастная структура и половой состав населения. И вот спустя год после опубликования первых известий о переписи 1937 г. появилась в печати работа группы статистиков (сотрудников Госкомстата СССР), в которой авторы представили результаты своих расчетов динамики населения СССР в 1927-1940 гг., сделанных с учетом материалов найденной переписи[7]. В том же году более полные итоги этих вычислений были опубликованы в издании Госкомстата СССР в серии "История статистики"[8]. К настоящему времени указанная работа является единственной, в которой использованы итоги переписи 1937 г., а также довольно большой массив загсовской статистики начала 30-х гг., поэтому необходимо подробнее рассмотреть ее методические основы.

В качестве источников для расчетов Е.М.Андреева, Л.Е.Дарский и Т.Л.Харькова использовали материалы разных типов. Среди них возрастно-половая структура населения страны по данным переписей 1926 и 1937 гг., таблицы смертности 1926-1927 гг. и 1938-1939 гг., материалы текущей

демографической статистики по рождаемости и смертности, сведения по внешней миграции, полученные в результате обследования 1960 г., повозрастные коэффициенты рождаемости по отдельным поколениям женщин для периода 1927-1937 гг.

Избранная методика расчетов учитывает все традиционные требования демографической статистики к вычислениям подобного рода. Прежде всего было проведено сбалансирование естественного прироста населения за межпереписной период (1927-1937 гг.). В процессе балансировки строились динамические ряды рождаемости и смертности за каждый год рассматриваемого периода. Необходимо отметить, что сбалансирование производилось не только по общей численности населения, зафиксированного каждой из переписей, но и по численностям каждого поколения на начало 1927 и 1937 гг. На последнем этапе расчетов были подключены материалы переписи 1939 г. и сведения о движении населения за 1937-1939 гг., которые потребовали дополнительных корректировок ранее полученных результатов. Итоги вычислений выразились в оценках численности, рождаемости, смертности и естественного прироста (в абсолютных числах) населения СССР в 1927-1940 гг., а также в оценках численности населения страны по пятилетним возрастным группам (раздельно для мужчин и женщин) на каждый год этого же периода[9]. Основная трудность, с которой столкнулись авторы расчетов, заключалась в отсутствии достаточно полной и достоверной ежегодной статистики рождаемости и смертности. В силу этого обстоятельства статистики были вынуждены вводить свои поправки к имевшимся в их распоряжении данным текущей демографической статистики. Авторы вполне справедливо попытались внести поправки двух типов: поправку на неполный охват учетом территорий СССР и поправку на неполноту учета. Размер суммарной поправки колеблется для различных годов рассматриваемого периода и имеет следующий вид (в процентах к данным источника)[10]:

период	поправка на неполноту учета	
	рождения	смерти
I927-I929	23,8	59,7
I930-I933	4I,5	93,5
I934-I936	I6,4	23,5

Таблица впечатляет. Авторы ее, хорошо знакомые с состоянием источниковой базы по текущей статистике населения 30-х гг., пришли к необходимости введения исключительно высоких поправок к исходным материалам. Впрочем, коррективы к статистике смертности за I927-I929 и особенно за I930-I933 гг. трудно назвать поправками в обычном понимании слова - поправки в 60 и 94% практически могут означать отсутствие источника. Такие данные ЦУНХУ в свете принятых поправок представляет интерес разве что для историков отечественной статистики. К сожалению, авторы работы не осветили в своих публикациях достаточно подробно важнейший вопрос о механизме введения поправок. К тому же на первоначальном этапе работы решения о величине поправок принимались "экспертно", что также требует каких-то пояснений. Вопрос о надежности текущей демографической статистики конца 20-х - первой половины 30-х гг. действительно сложен, и поэтому на нем следует остановиться несколько подробнее.

После I9I7 г., когда произошла коренная ломка предыдущей системы демографического учета, началось интенсивное строительство органов регистрации и учета рождений и смерти. Дело шло очень трудно, но к исходу первого десятилетия Советской власти в большинстве регионов страны (по количеству охваченного учетом населения) регистрация актов гражданского состояния была налажена достаточно удовлетворительно[II]. Однако впоследствии развитие системы текущего демографического учета не только останавливается, но и начинается обратное "движение" - надежность и полнота поступающей в центральные органы информации по статистике населения становятся все более низкими. В докладной записке начальника сектора населения и здравоохранения ЦУНХУ Госплана СССР Каплуна, направленной зам. начальника ЦУНХУ

И.А.Кравалю, констатируется: "Начиная с I930 года отмечается ухудшение дела организации ЗАГС и учета явлений рождаемости и смертности, главным образом в сельских местностях"[I2]. К этому выводу пришла комиссия в составе представителей Госплана, Института экономических исследований Госплана, ЦУНХУ и УНХУ РСФСР, созданная в I9[illegible] г. в связи с разработкой проектировок населения на 2-ю пятилетку. В отчете комиссии называются и ближайшие причины ухудшения текущего демографического учета: "а) огромнейшая мобильность населения, затрудняющая приведение в соответствие данных о родившихся и умерших с той массой населения, к которой они фактически относятся; б) ослабление руководства загсами со стороны местных исполкомов, выразившееся в отсутствии ответственных лиц в областях и районах, отсутствии инструктажа и подбора работников загс и пр.; в) несвоевременное и неаккуратное снабжение бумагой в достаточном количестве, необходимой для книг ЗАГС"[I3]. Руководитель комиссии Клевцов (ИЭИ Госплана) установил поправки на естественный прирост для I930 г. в 3% и для I93I и I932 гг. в I0%. Представитель же ЦУНХУ счел эти поправки необоснованно завышенными. Сразу необходимо подчеркнуть, что речь идет здесь именно о поправках к цифрам естественного прироста, то есть эти поправки не сопоставимы с данными приведенной выше таблицы. В пересчете на естественный прирост поправки, введенные статистиками ЦСУ, выглядели бы так:

период	поправка
I927-I929	35,3
I930-I933	52,5
I934-I936	7,I

В I933 и I934 гг. регистрация рождаемости и смертности продолжает ухудшаться. Одновременно возрастает активность партийных и административных органов (эти две линии, впрочем, практически совпадали) по выяснению действительной ситуации (не демографической, а в деле учета), а также по поискам виновных в слабом учете движения населения. Развернулась деятельность комиссий по проверке демографической

отчетности и работы по сбору данных с выездом на места. Одновременно возник и поток отчетов, докладных и объяснительных записок в комиссию партконтроля со стороны ЦУНХУ Госплана и НКВД. Именно эти два ведомства были ответственны за точность данных по движению населения: ЦУНХУ как учреждение, обрабатывающее и обобщающее статистику населения, а НКВД – как ведомство, которое непосредственно руководило работой органов загс. Например, в 1934 г. состояние учета населения по поручению Политбюро проверяла Комиссия советского контроля под руководством Н.А.Вознесенского, в выводах которой резко критиковалось ЦУНХУ. Последнее, в свою очередь, направило председателю Комиссии партконтроля Л.М.Кагановичу и председателю Комиссии совконтроля В.В.Куйбышеву "Пояснения к докладной записке тов. Вознесенского "О статистике народонаселения", в которых доказывало, что "основной причиной недостатков в постановке регистрации... является полная беспризорность этого дела со стороны как местных органов..., так и общих отделов Крайисполкомов, ЦИКов союзных республик, а не постановка этого дела в ЦУНХУ"[14]. В 1935 г. Комиссия партконтроля вновь занимается этим же вопросом. На этот раз выводы Комиссии председатель ее Н.И.Ежов направляет И.В.Сталину. Докладная записка сформулирована уже более целенаправленно: "О работе ЦУНХУ СССР в области учета населения". Текст ее свидетельствует о недобрых предчувствиях в связи с предстоящей переписью населения, проведение которой планировалось в то время на 1936 г. По содержанию своему докладная записка является обыкновенным доносом, слегка разбавленным краткими экскурсами в состояние демографической статистики. Основные же мысли записки заключаются в том, что "секция по учету населения в самом аппарате ЦУНХУ ни в какой мере не обеспечена ни подготовленными коммунистами, ни проверенными специалистами"[15], а потому, в частности, подчеркивают авторы записки Гроссман и Нестеровский, "важнейшее дело подготовки переписи населения

1936 г. находится в руках чуждых людей..."[16] Что же касается непосредственно учета движения населения, от отмечается, что в целом по стране вне системы регистрации остаются 15–20% населения, а в некоторых областях (без обследованных) учетом охвачено 50–70%[17].

По докладным запискам, подобным приведенным, принимались соответствующие постановления, которые спускались по инстанциям, а те, в свою очередь, продуцировали аналогичные постановления. Скажем, Бюро ЦК КП(б) Таджикистана на своем заседании в мае 1936 г., рассмотрев вопрос "О регистрации актов гражданского состояния", пришло к заключения о неудовлетворительности работы загс в республике и постановило, прежде всего, "обязать НКВД и МКФин к 1-му июня проработать вопрос о пересмотре ставок зарплаты работников Горрайбюро ЗАГС"[18] – разумеется, не в сторону уменьшения за плохую работу. Среди прочих пунктов постановления есть и предложения по обеспечению загсов грамотными кадрами, книгами, помещениями и т.д. Относительно самой системы учета отмечено, что "фактические явления рождения и смертей охватываются регистрацией не более чем на 20–25%"[19]. Однако и эти цифры были, очевидно, весьма приблизительными. В записке, направленной из ЦУНХУ в 1940-м г. заместителю наркома здравоохранения СССР, было указано, что в 1936 г. процент охвата населения загсовским учетом в Таджикистане составлял 43,7%[20]. Судя по данным ЦУНХУ, в целом картина охвата населения СССР сетью загсов к 1937 г. была достаточно удовлетворительной[21]:

регион	процент охвата	регион	процент охвата
СССР	99,1	АрССР	100,0
РСФСР	99,7	ТуркССР	99,3
УкрССР	99,9	УзССР	93,8
БССР	100,0	ТаджССР	56,2
АзССР	99,1	КазССР	100,0
ГрССР	100,0	КирССР	75,0

Подчеркнем, что указанные цифры охвата населения регистрацией еще отнюдь не гарантируют точного учета на территориях, где сеть загсов считается налаженной. Так, Грузия в 1937 г. имела стопроцентный охват населения системой регистрации, но в 1938 г. недоучет рождаемости по городу составлял 2%, по селу - 7%, недоучет смертности по городу в том же году был равен 4%, а по селу 34,5%[22]. В Азербайджане не регистрировалось в 1940 г. 6-7% сельских рождений, в Казахстане - 2% родившихся и 3,7% умерших[23]. В Узбекистане в том же 1940 г. недоучет регистрации составлял по городу 24,6% и по селу 35,8%, а в целом - 34,7%[24].

Совершенно ясно, что поправки к данным ЦУНХУ по движению населения, и притом весьма значительные поправки, должны быть сделаны при исчислении динамики народонаселения. Представляется вполне оправданным и то, что величина поправок определялась авторами исчисления - статистиками ЦСУ с помощью передвижек населения по возрастам и стыковки соответствующих возрастных групп на 1937 и 1939 гг. Правда, в этом случае результат (т.е. величины поправок) в очень большой степени зависит от точности выравнивания возрастных структур (устранения возрастной аккумуляции) в материалах переписей 1937 и 1939 гг. К сожалению, авторы не упомянули об этой процедуре, хотя, как мы предполагаем, она была проведена. Можно было бы высказать еще ряд замечаний по отношению к опубликованному статистиками ЦСУ материалу, однако, повторим, в целом методическая основа проделанных исчислений представляется достаточно прочной.

В настоящее время опубликованные ЦСУ результаты определения динамики численности населения в 1930-х гг. являются единственными, в которых учтены итоги демографической переписи 1937 г., а также значительный массив материалов по движению населения страны, ранее недоступных исследователям. В конечном итоге Е.М.Андреев, Л.Е.Дарский и Т.Л.Харькова определили следующие динамические характеристики населения страны на 1927-1940 гг. (тыс.чел.)[25]:

годы	население на начало	родившиеся	умершие	естественный прирост
1927	148656	6950	3984	2965
1928	151622	6944	3878	3066
1929	154687	6876	4132	2745
1930	157432	6694	428	2410
1931	159841	6510	4501	2009
1932	161851	5837	4786	1051
1933	162902	5545	11450	-5905
1934	156797	4780	3410	1369
1935	158167	5249	3282	1967
1936	160134	5589	3223	2366
1937	162500	6549	3557	2992
1938	165492	6516	3483	3033
1939	188794	7634	3829	3805
1940	192598	6999	4205	2794

Согласно итогам исчисления, население СССР после переписи 1926 г. неуклонно возрастало вплоть до 1933 г., когда население за год уменьшилось почти на 6 млн. чел. Последующий рост населения позволил достичь уровня 1932 г. лишь спустя пять лет, после 1937 г. Динамика естественного прироста показывает, что он начал после 1928 г. снижаться, став отрицательным в 1933 г., а затем постепенно увеличивался к 1938 г. до начального уровня (1928 г.)* Более рельефно динамика движения населения отражается в коэффициентах естественного прироста (прирост на тыс. населения)[26]:

1928	20,4	1932	6,5	1935	12,5	1938	18,5
1929	17,9	1933	-36,5	1936	14,9	1939	21,5
1930	15,4	1934	8,6	1937	18,5	1940	14,7
1931	12,7						

Динамика коэффициента прироста отражает в целом те же тенденции, что были видны на абсолютных числах прироста,

---

* Величины населения в 1939-1940 гг. мы здесь не рассматриваем как не полностью сопоставимые с данными за предыдущие годы.

но с некоторыми уточнениями. В 1932 г. обнаруживается резкий спад темпов прироста – в два раза сравнительно с предыдущим годом. В 1935 г. происходит скачкообразное, такой же величины повышение прироста, а уровень 1928 г. достигается в 1939 г. Таким образом, с демографической точки зрения центральным событием 1930-х гг. были катастрофические потери населения в 1933 г.

Широко известна основная причина катастрофы – голод 1932 года. Эта тема, как уже отмечалось, имеет обширную библиографию – в основном зарубежных работ. Для читателей, интересующихся этим сюжетом, укажем (помимо работ, перечисленных выше) две публикации обзорного характера. Первая из них, принадлежащая американскому демографу С.Максудову[27], вошла позднее в его монографию "Потери населения СССР". Вторую годом позже опубликовал советский исследователь В.П.Данилов[28]. Многочисленные опубликованные материалы по голоду 1933 г. мы имеем возможность дополнить сведениями, лишь недавно ставшими доступными исследователям.

Эпицентром демографической катастрофы 1933 г. была **Украина.** В рабочей записке "Материалы к итогам естественного движения населения за 1933 год", под которой стоит подпись начальника сектора населения и здравоохранения ЦУНХУ Каплуна, отмечается, что "из общего отрицательного прироста в I 109 тыс. на Украину падает 950 тыс., или 87,5%[29]. Подчеркнем сразу, что Каплун оперирует цифрами заведомо неполными, о чем он сам и говорит, характеризуя исходный материал. Напомним, что его цифра потерь населения за 1933 г. почти в пять раз меньше оценки, исчисленной сотрудниками ЦСУ Е.М.Андреевым и др. – 5 905 тыс. чел. Однако есть основания полагать, что процентные соотношения и сопоставления с предыдущими годами в "Материалах" Каплуна верно отражают характер распределения потерь. Итак, прирост населения Украины сравнительно с 1932 г. уменьшился на I 064 тыс. чел. за счет увеличения смертности на 641 тыс. и снижения рождаемости на 423 тыс., причем 80,9% смертности и 85,2% снижения прироста падает на сельские местности[30]. Последние цифры отражают не только

преобладание сельского населения в республике, но и то обстоятельство, что наибольшую тяжесть голода несло на себе село. Города также потеряли население, но в меньшей степени. Приоритеты индустриализации имели достаточно яркое выражение в демографических показателях, за которыми стоит разница в обеспеченности продовольствием, медицинской помощью и т.п. Приведем основные показатели движения населения. Коэффициент смертности в сельских местностях Украины составлял 50,5%, отрицательный прирост был равен 46,4%. По крупным индустриальным городам (группа А) эти же показатели давали величины соответственно в 30,6 и 14,7%. Малые индустриальные города (группа Б) по этим коэффициентам занимают на 1933 г. промежуточное положение между селом и крупными городами: 51,7 по смертности и 39,3 отрицательного прироста[31].

Размеры потерь населения Украины были настолько велики, что ЦУНХУ попыталось проверить их – хотя бы в общих чертах, хотя бы как факт больших потерь – по другим источникам. Сопоставление демографической статистики с данными сельскохозяйственного налогового учета за 1932 и 1933 гг. подтвердило резкое уменьшение сельского населения республики, которое никак нельзя было объяснить только миграциями из села в город или другие регионы страны.

Отрицательная величина прироста населения в 1933 г. была зафиксирована не только на Украине. Россия тоже несла потери, но в гораздо меньшей степени. И.А.Краваль в своей записке показывает уменьшение населения РСФСР в 229 тыс. чел. Убыль по данным ЦУНХУ дали следующие регионы: Северный Кавказ (убыль в 180 тыс. чел.), Нижне-Волжский край (103,8 тыс.), Центрально-Черноземная область (68,2 тыс.) и Урал (30,5 тыс.). Перечисленные регионы дали в 1933 г. убыль в 377,5 тыс. чел.[33] В целом помесячные цифры смертности за 1933 г. имеют ту же динамику, что и на Украине, то есть недостаток продовольствия также являлся одной из причин убыли населения. Но структура убыли в России была в целом существенно иной. Если на Украине в отрицательном приросте основной составляющей, как было отмечено выше,

была огромная смертность, то по РСФСР главный вклад - 70% - внесло снижение рождаемости. По отношению к населению городов можно наблюдать картину, аналогичную украинской. Крупные индустриальные города показали уменьшение населения в 10,5 промилле (на тыс. чел.), малые индустриальные ("комбинированные") - 22,1, по неиндустриальным городам коэффициент отрицательного прироста составил 39,8[34]. Однако структура потерь (снижение рождаемости) убеждает, что в снижении прироста в городах значительную роль играет фактор, достаточно известный по демографической истории всех стран - уменьшение рождаемости как следствие урбанизационных процессов.

Итак, Украина и четыре региона России определили катастрофическую убыль населения страны в 1933 г. и оказали превалирующее влияние на последующую динамику общесоюзных коэффициентов естественного движения населения. Вклад большинства других регионов в целом совпадал (значительно варьируя в размерах) с общесоюзными демографическими тенденциями. Например, Западная область после 1927 г. показывала почти постоянное снижение естественного прироста, как это явствует из записки ОблУНХУ "О состоянии воспроизводства населения в Западной области"[35] (приводятся коэффициенты прироста):

1927	24,2	1929	16,9	1931	19,1	1933	9,3
1928	21,4	1930	19,2	1932	15,6	1934	0,2

Большую роль в динамике народонаселения играла форсированная индустриализация страны. Огромные массы населения, в подавляющем своем большинстве сельского, были сорваны со своих мест и переброшены в другие регионы. На селе значительно уменьшилось количество мужчин и женщин, преимущественно молодых и физически крепких, что снижало контингент сельского населения детородных возрастов. Эти люди попадали большей частью на новостройки, где приходилось жить первое (и долгое) время в палатках или бараках. Новая среда обитания с неустроенным бытом, с ненормальным соотношением мужчин и женщин, определявшимся исключительно нуждами

стройки или характером производства, при массовом отсутствии сносного жилья, перемена всего жизненного уклада никак не способствовали созданию нормальной семьи. Такова одна из причин - точнее, комплекс причин - падения рождаемости на селе и в городе. Заметим, что даже при благоприятных условиях жизни в городе снижение рождаемости было бы неминуемым как следствие урбанизационных процессов.

В условиях интенсивного строительства - не городов, а новых индустриальных объектов, при запущенности (как стали позднее говорить) "социальной сферы" резко снизился уровень санитарного и гигиенического состояния населения. В такой ситуации совершенно неизбежно повышение заболеваемости. Медицинская статистика начала 1930-х гг. фиксирует возникновение эпидемий, по своим масштабам подчас сопоставимых с эпидемиями начала 20-х. Известный эпидемиолог О.В.Бароян в обширной работе ретроспективного характера "Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР..." приводит данные, хотя и достаточно приблизительные, по распространенности ряда болезней. Рассмотрим их динамику.

Пик заболеваемости натуральной оспой за всю послеоктябрьскую историю страны пришелся на 1919 г. - эпидемией было охвачено 186,8 тыс. чел. Затем произошел спад эпидемии и в голодном 1922 г. оспой было охвачено 70 тыс. чел., в 1930-м г. - 6 тыс. С 1930 г. начался новый рост заболеваемости с пиком в 1932 г. в 60 тыс. чел. Оспа исчезла в 1936 г.

Свирепствовавший в начале 20-х гг. сыпной тиф в том же 1929 г. имел минимальную распространенность, а к 1933 г. эпидемия достигла размеров в 850 тыс. чел. До уровня 1929 г. эпидемия снизилась в 1940 г.

Заболеваемость малярией в 1930-х гг. достигла размеров, невиданных ни в предыдущие времена, ни когда-либо позднее. Рост ее начался в 1933 г., превысив 8,5 млн. чел., а в 1934 г. эпидемией было охвачено, согласно медицинской статистике, 9 477 077 чел. Затем - медленный спад (в 1935 г.- 9 023 909 чел. и т.д.) к 1940 г.

Также с 1929 г. начинает расти эпидемия дифтерии. В пиковые 1934-1935 гг. заболеваемость ею превышает 200 тыс.

за каждый год.

Практически повторяет динамику перечисленных заболеваний брюшной тиф: начало подъема в 1929 г., максимальная заболеваемость в 1932 г. (300 тыс. чел.) и спад к 1935 г.[36]

Среди факторов, оказывавших непосредственное влияние на демографические процессы населения, следует назвать также массовые репрессии 30-х гг. В эти годы миллионы людей, находившиеся в лагерях и колониях, были исключены из процесса воспроизводства населения. Согласно статистике НКВД, в 1934 г. численность заключенных ГУЛАГа составляла 510,3 тыс. чел., в 1935-1940 колебалась от 965,7 до 1 660,0 тыс.[37] С демографической точки зрения (то есть в плане влияния на воспроизводство населения) и в масштабах всей страны эти цифры невелики. Однако следует помнить, что заключенные не составляли постоянный контингент. Лагерная мясорубка ежегодно перемалывала многие десятки (если не сотни) тысяч человеческих жизней, поэтому постоянный отток людей в лагеря служил постоянным и заметным фактором снижения рождаемости и повышения смертности. Что касается последнего показателя, т.е. смертности в лагерях, то, судя по некоторым материалам, даже сам НКВД не знал о ее истинных размерах. Существует свидетельство, что перед проведением демографической переписи 1937 г. НКВД затребовало из ЦУНХУ для спецпереписи бланков на 4 млн. чел., вернуло же заполненных бланков на 2 млн.[38]

Свой вклад в отрицательный прирост 1933 г. внесли и спецпереселенцы. Статистические данные по этой группе репрессированных, опубликованные В.Н.Земсковым, - количество их на начало каждого года в период с 1932 по 1940 г., ежегодная рождаемость и смертность[39] дают возможность оценить прирост по контингенту спецпереселенцев, размеры которого варьировали от 1 317 тыс. в 1932 г. до 998 тыс. в 1940 г. Коэффициент естественного прироста первые три года (рассматриваемого периода) был отрицательным, причем в 1933 г. достигал чудовищной цифры - 121,5‰. Начиная с 1935 г., прирост постепенно повышался с 4,0 до 17,6‰.

Таковы, как представляется, основные факторы, определявшие естественное движение населения СССР в 1930-х гг. Как видно из предпринятого краткого их обзора, все эти факторы нуждаются в дальнейшем изучении, уточнении их величины с чисто статистической точки зрения, более детальном выяснении степени и характера их влияния на ход демографических процессов 30-х гг.

---

1 См., напр.: Урланис Б.Ц. Динамика населения СССР за 50 лет // Население и народное благосостояние. М., 1968; Кваша А.Я. Динамика численности населения РСФСР за 50 лет// Здравоохранение Российской Федерации. 1967. № 12; Козлова Л. Закономерности естественного движения населения Москвы за 50 лет Советской власти // К 50-летию советской статистики. М., 1969; Рыбаковский Л.Л. Демографическое развитие СССР за 70 лет // Население СССР за 70 лет. М., 1988; Урланис Б.Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы Советской власти // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977; Дробижев В.З., Минаев В.В. Демографическое развитие СССР в период социализма // Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. М., 1989 и др.

2 См., например: Woropay O. The Ninth Circle. Harvard,1983; Mace J. Communism and the Dilemmas of National Liberation: National Communism in Soviet Ukraine, 1918-1933. Cambridge, 1983; Максудов С. География голода 1933 года // СССР: внутренние противоречия. 1983. № 5; Он же. Голод 1933 г. в партийных постановлениях // Там же. 1984. № 10; Carynnik M., Luciuk L., Kordan B. The Foreign Office and the Famine: British Documents on Ukraine and the Great Famine of 1932-1933. Kingstone (On), 1988; The Comission on the Ukrainian Famine: Report to Congress: Investigation of the Ukrainian Famine, 1932-1933. Washington, 1988; Bylocerkowicz J. Focusing on the Ukrainian Famine of 1932-1933 // Problems of Communism. 1989. V.38. July-august. No 4 и др.

3 См., например: Rosefield S. Mortality in the Soviet Union: A Reconsideration of the Demographic Consequencesof Forced Industrialization 1929-1949 // Soviet Studies. 1983. No 35 (July); Weatcroft S.G. Population Dynamic and Factors Affecting it in the Soviet Union in the 1920s and 1930s // CREES Discussion Papers SIPS. 1976. No 2; Hanter H. The Economic Cost of the GULAG Archipelago // Slavic Review. 1980. V.39. No 4 (Oct.); Maksudov S. How Many Millions Perished From 1930 To 1938? // Russia. 1982. No 7-8; Conquest R. Hervest of Sorrow: Soviet Collectivization and Terror Famine. N.-Y., 1986 и др.

4 Lorimer F. The Population of the Soviet Union. Geneva, 1946; Dyadkin I.G. Unnatural Deaths in the USSR, 1928-1954. New Brunswick, 1983; Максудов С. Потери населения СССР. Benson (Vt), 1989.

5 Максудов С. Указ. соч. С.150, 202. Следует отметить, что для обсуждаемого вопроса практически безразлично, в какой форме представлено движение населения - в виде динамики численности населения, абсолютных чисел родившихся и умерших, ежегодного прироста, коэффициентов прироста или же, как в приведенных данных, коэффициентов (в промилле) рождаемости и смертности.

6 См.: Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопр. истории. 1989. № 4. С.175-181.

7 Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Опыт оценки численности населения СССР, 1926-1941 гг. (краткие результаты исследования) // Вест. статистики. 1990. № 7. С.34-46.

8 См.: Экспресс-информация. Сер. "История статистики". М., 1990. Вып.3-4. Ч.1. С.49-71, 147-177.

9 Там же. С.69, 150-157.

10 Указ. соч. С.64.

11 См.: Киселев И.Н. Статистические источники по движению населения СССР в 1920-1926 гг. // Социально-экономическое развитие советского общества: Пробл. историографии и источниковедения. М., 1982. С.20-36; Он же. Развитие системы текущего демографического учета в 1920-х годах // Социально-классовая структура и демографические процессы в России и СССР: вопросы комплексного изучения. М., 1990. С.97-104.

12 РГАЭ. Ф.1562. Оп.329. Д.329. Л.107.

13 Там же.

14 Там же. Д.107.

15 Там же. Л.132.

16 Там же. Л.133.

17 Там же. Л.131.

18 Там же. Л.238.

19 Там же.

20 Там же. Оп.20. Д.193. Л.4.

21 Там же.

22 Там же. Д.224. Л.90.

23 Там же. Л.51,105.

24 Там же. Л.10.

25 Экспресс-информация... С.69. Данные за 1939 и 1940 гг. относятся к границам СССР после сентября 1939 г.

26 Экспресс-информация... С.81.

27 Максудов С. Дискуссия на Западе о потерях населения в эпоху коллективизации // Минувшее. 1987. № 4. С.369-393.

28 Данилов В.П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932-1933 гг. и демографической катастрофе 30-40-х годов в СССР // Вопр. истории. 1988. № 3. С.116.

29 РГАЭ. Ф.1562. Оп.329. Д.107. Л.171.

30 Там же. Л.172.

31 Там же. С.172, 174, 175.

32 Там же. С.173-174.

33 Там же. С.176.

34 Там же. С.177.

35 Там же. Л.75.

36 Бароян О.В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии. М., 1968. С.49, 56, 77, 97, 143.

37 См.: Земсков В.Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные // История СССР. 1991. № 5. С.152.

38 См.: Волков А.Г. Перепись населения 1937 г.: вымыслы и правда // Экспресс—информация. Сер. История статистики. М., 1992. Вып.3-4. Ч.2. С.47.

39 Земсков В.Н. Спецпоселенцы (до документам НКВД-МВД СССР)// Социологические исследования. 1990. № 11. С.6.

Н.А.Араловец

ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ И СССР В КОНЦЕ 20-х - 30-е ГОДЫ В ИСТОРИОГРАФИИ

Людские потери на протяжении всех исторических периодов были связаны с трагическими событиями, происходившими в жизни общества. В истории России 30-х гг. это явление приобрело особую остроту и трагичность из-за его длительного замалчивания. В отечественной историографии данная проблема ранее не изучалась. Между тем западные историки и демографы, давно ею занимающиеся, накопили значительный материал о людских потерях советского общества в 30-е гг., разработали методы его изучения. Так, С.Максудов привел оценки потерь населения, существующие в западной науке. Он назвал как ориентировочную цифру 9,8 млн. чел., погибших в Советском Союзе в 30-е гг. Это число было получено на основании данных о поколениях мужчин и женщин, зафиксированных Всесоюзной переписью населения 1926 г. и расчета доживших из них до 1927-1939 гг. с помощью таблиц смертности 1926-1927 гг., а также путем сравнения результатов этих вычислений с фактическими сведениями о численности населения, в частности с результатами Всесоюзной переписи населения 1939 г. Близок к данной оценке С.Н.Прокопович. Анализируя советские статистические источники, он пришел к заключению, что они составляли около 9 млн. чел. Однако Ф.Лоример оценил их в 4,8 млн. чел.[1] Таким образом, единой точки зрения у западных ученых нет.

Отечественные исследователи смогли активно заняться изучением потерь населения по существу только со второй половины 80-х гг.

В связи с изучением этой проблемы возникает вопрос о слагаемых потерь населения советского общества в 30-е гг. Из характера публикаций как западных, так и отечественных ученых видно, что потери населения включают жертвы голода 1932-1933 гг., раскулачивания, репрессий 30-х гг.

Для определения людских потерь первостепенное значение приобретает надежность статистических данных. Между

тем в большинстве опубликованных в 60-70-е гг. статистических справочниках отсутствуют обоснованные сведения о численности населения 30-х гг.[2] Тем более необходимо обращение историков и демографов к анализу материалов Всесоюзных переписей населения 1937 г. и 1939 г. как архивных, так и в недавнее время опубликованных. В современной историографии проблемы это направление стало важным.[3] Основной задачей статьи является анализ накопленных в советской научной литературе материалов по определению размеров людских потерь в 30-е гг.* на основании изучения отечественными исследователями данных Всесоюзных переписей населения 1926 г., 1937 г. и 1939 г.

Изучение истории организации Всесоюзной переписи населения 1937 г. и ее проведения убедительно доказывает несостоятельность бытовавшего до середины 80-х гг. утверждения о ее дефектности. Исследователи вскрыли причины этого обвинения. Всесоюзная перепись, проведенная 6 января 1937 г., исчисляла население в 162 млн. чел. Однако полученные данные вошли в прямое противоречие с утверждениями И.В.Сталина, сделанными на XVI съезде партии (1930 г.) о 3-х млн. ежегодного прироста населения страны, XVII съезде партии (1934 г.) о 168-миллионной численности населения в конце 1933 г.[4] Не совпали они и с исчислениями Госплана СССР для 1936 г. - 177,7 млн. чел.; ЦУНХУ для 1932 г. - 165,7 млн. чел.; 1933 г. (начало) - 165,7 млн. чел.; 1933 г. (конец) - 168 млн. чел.; 1936 г. - 170,5 млн.чел.; а также долгосрочными прогнозами[5].

Кроме того была распространена тогда точка зрения о том, что социализму якобы присуща иная, чем капитализму, закономерность естественного движения населения: систематическое повышение рождаемости и снижение смертности на фоне роста благосостояния трудящихся и за счет этого постоянно из года в год увеличивающийся прирост населения. Такая точка зрения сохранялась в советской историографии и позднее[6]. Все это привело к тому, что уже в 1929 г. оценки численности населения страны были преувеличены. В статистическом ежегоднике, опубликованном в 1936 г., числен-

* Без людских потерь в результате военных конфликтов 30-х гг. и депортации народов.

ность населения на I января I929 г. составила I54,3 млн. чел.; I933 г. - I65,7 млн. чел.; I934 г. - I68 млн. чел. В более поздних публикациях на I января I929 г. значилась уменьшенная цифра численности населения - I53,4 млн. чел.[7] Однако исследователи считают ее завышенной[8]. В то же время сотрудники ЦУНХУ располагали иными материалами, сравнительно недавно выявленными учеными. По неопубликованным ранее данным ЦУНХУ численность населения СССР в границах до I7 сентября I939 г. составляла (в млн. чел.): I927 г. - I47,0; I928 г. - I49,6, I929 г. - I52,0; I930 г. - I54,5; I93I г. - I56,2; I932 г. - I57,8; I933 г. - I59,I; I934 г. - I59,8. Таким образом, уже из этих данных явно виден процесс снижения естественного прироста населения в 30-е гг., особенно в I933-I934 гг.* Данная тенденция была зафиксирована в статистических публикациях[10] уже в 60-80 гг. и отмечалась некоторыми исследователями[11]. В действительности показатели смертности были еще выше, так как учет погибших в результате репрессий и голода 30-х гг. был далеко неполным[12].

Согласно ошибочному представлению о ежегодном приросте населения, его численность к началу I937 г. должна была быть равно I77 млн. чел., а к концу - I80 млн. чел. За десятилетний период (после проведения Всесоюзной переписи населения I926 г.) население СССР по официально ожидаемому прогнозу должно было вырасти на 23 млн., а по результату проведенной переписи увеличилось на I5 млн. чел.

Исследователями был поставлен вопрос о достоверности результатов переписи I937 г. и возможности недоучета населения в период ее проведения. Изучение ими материалов Всесоюзной переписи населения I937 г. показало, что недоучет населения не выходил за рамки обычной при всякой переписи

---

* О снижении естественного прироста населения свидетельствуют и данные, приведенные в публикации: Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания... // Социологические исследования. I990. № 6. С.2I.

погрешности и составлял по разным оценкам от 0,3 до I,2%[13].

Между тем по данным регистрации рождений и смертей в загсах естественный прирост населения ожидался в 2I,3 млн. чел., а не I5 млн., полученные в результате переписи. В.В.Цаплин, Ю.А.Поляков, В.Б.Жиромская, И.Н.Киселев, А.Г.Волков рассмотрели этот факт, используя "Докладную записку о естественном движении населения в период между двумя переписями I7/XII.I926 г. и 6/I.I937 г." М.В.Курмана, адресованную И.А.Кравалю, где давались объяснения возникшего противоречия: 2 млн. ушли за границу из республик Средней Азии и Казахстана в I930-I933 гг.; 2,5 млн. - незарегистрированная смерть (в результате голода I932-I933 гг. - около I млн., в местах заключения - I,5 млн.); 0,5 млн. - разница между переучетом населения по переписи I926 г. (I,5 млн.) и недоучетом населения по переписи I937 г. (I млн.). Правомерно согласиться с логикой рассуждения и выводом В.В.Цаплина о том, что оставшиеся I,3 млн. - не зарегистрированная смерть от голода и в местах заключения. Следовательно, суммированное число 3,8 млн. можно рассматривать как незарегистрированную смерть в загсах в I927-I936 гг.[14]

Анализ демографами материалов переписи I926 г. с применением новой методики, основанной на скорректировании данных численности детей в возрасте до 3 лет (сопоставлялись сведения переписи в этих возрастах и сведения о родившихся в I926, I925, I924 гг.) с численностью женщин в возрасте 8-27 лет регионов Закавказья, Азербайджана, Средней Азии, изменил устоявшуюся точку зрения. Был найден общий недоучет населения в I,5 млн. чел. Общая численность населения по переписи I926 г. составляет, таким образом, не I47028 тыс. чел., а I48530 тыс. чел. Это некоторым образом меняет расчеты В.В.Цаплина[15].

Если исходить из новой численности населения по переписи I926 г. - I48,5 млн. чел., то население за I0 лет увеличилось на I3,5 млн. чел., а разница между текущей регистрацией рождений и смертей уже не 6,3 млн. чел., а 7,8 млн. чел. Оставив компоненты расчетов В.В.Цаплина неизменными (2 млн. чел. ушедших за границу из республик Средней Азии

и Казахстана; 2,5 млн. чел. - незарегистрированная смерть от голода и в местах заключения), суммируя их с новыми данными недоучета населения по переписи 1937 г. (700 тыс. чел.), получаем оставшиеся 2,8 млн. чел., а не 1,3 млн. в качестве незарегистрированной смерти от голода и в местах заключения. Исходя из предложенной логики рассуждения В.В.Цаплина, можно считать 5,3 млн. чел. (вместо 3,8 млн. чел.) незарегистрированную смерть в загсах в 1927-1936 гг.

Изучение переписи населения 1939 г., последовавшей сразу после неудачных результатов переписи 1937 г., показало завышение в переписи 1939 г. общей численности населения. К такому выводу склоняются почти все исследователи. Перепись зафиксировала общую численность населения в 170 млн. чел. Естественно возникает вопрос о размерах переучета населения.

Анализируя записку Председателя Госплана СССР Н.А.Вознесенского и начальника ЦУНХУ Госплана СССР И.В.Саутина, написанную на имя И.В.Сталина и В.М.Молотова 21 марта 1939 г., А.Г.Волков, М.С.Тольц определили, что по данным приемки переписных листов предварительная численность населения оценивалась в 167,3 млн. чел. Однако после проверки контрольных бланков, а также недоучета населения переписью (1%) получили еще 2826 тыс. чел., что в сумме давало 170126 тыс. чел., названные И.В.Сталиным до этого за десять дней[16]. В итоге результаты переписи были одобрены руководством страны. Исходя из данной ситуации, А.Г.Волков, М.С.Тольц, В.В.Цаплин пришли к выводу, что численность населения по переписи 1939 г. преувеличена на 1-2 млн. чел. В.В.Цаплин, изучив таблицу "Сравнение предварительных неполных итогов переписи населения 1939 г. с итогами переписи 1926 и переписи 1937 года" (февраль 1939 г.), где сведения за 1926 г. и 1937 г. давались без военнослужащих и заключенных, отметил, что численность населения за 1939 г. рассчитывалась аналогичным образом. Он привел данные численности населения по этой таблице: на декабрь 1926 г. - 146 млн.; на январь 1937 г. - 157 млн.; на январь 1939 г. - 161,5 млн. Если иметь в виду, что около 6 млн. чел. (5,8 млн. чел.) переписывались

в "особом порядке" (военнослужащие и заключенные), то численность населения становится 167,5 млн. чел. Однако перепись 1939 г. должна была дать, исходя из численности населения по переписи 1937 г. (162 млн. чел.) и с учетом естественного прироста 3,4 млн. чел. ежегодно, 168,8 млн. чел., а не 167,5 млн. В.В.Цаплин объясняет возникший разрыв в 1,3 млн. чел. незарегистрированной смертью людей в местах заключения в 1937-1938 гг.[17]

В современной литературе, посвященной изучению переписей 1937 г. и 1939 г., имеются и другие точки зрения. Ю.А.Поляков, В.Б.Жиромская, И.Н.Киселев считают предварительные итоги переписи 1939 г. (167,3 млн. чел.) вместо 170,1 млн. чел., объявленных 25 марта 1939 г., близкими к подлинным итогам общей численности населения СССР на январь 1939 г.[18] Данная оценка основывается на анализе письма начальника ЦУНХУ при Госплане СССР И.Саутина от 10 февраля 1939 г. о предварительных результатах Всесоюзной переписи населения 1939 г., адресованного И.Сталину и В.Молотову[19].

Демографы Е.М.Андреев, Л.Е.Дарский, Т.Л.Харькова, сопоставляя итоги переписей 1937 г. и 1939 г. с привлечением данных о числе рождений и смертей за 1937 г. и 1938 г. с соответствующей коррекцией (наиболее вероятную поправку на недоучет в переписи 1939 г. они принимают на уровне 0,2% вместо 1%), установили численность населения по переписи 1939 г. равной 168870,7 тыс. чел. Результат этого исследования совпал с оценкой В.В.Цаплина[20]. Высказанные точки зрения несомненно будут уточняться в связи с изучением естественного и механического движения населения в 30-е гг., а также отдельных слагаемых людских жертв во время голода, выселений крестьян, репрессий и т.д.

В связи с завышением общей численности населения в переписи 1939 г. возникает проблема достоверности ее данных. По-разному исследователи относятся к ней. М.Тольц, например, отмечает, что армия, переписанная в "особом порядке" на бумаге, перераспределялась по территориям, которые по переписи 1937 г. дали падение численности населения. В.И.Козлов подчеркивает такой момент как неизвестность

способа фиксирования переписью заключенных, так как в местах сосредоточения лагерей данных о них нет[21]. В.Б.Жиромская пишет о необходимости уточнения численности городского населения, национального состава и т.д. Тем не менее, анализ переписей 1926 г., 1937 г., 1939 г. позволил ей сделать вывод о том, что с помощью сохранившихся в архивах черновых разработочных материалов переписи 1939 г., ее данные возможно очистить от фальсификации. Такая работа ведется (см. статью В.Б.Жиромской данного сборника). Так, дальнейшее изучение переписи 1939 г. и материалов, относящихся к ней, позволило Ю.А.Полякову, В.Б.Жиромской, И.Н.Киселеву уточнить механизм перераспределения переписанных в 1939 г. заключенных (контингент "В"). Основываясь на указании, содержавшемся в письме И.Саутина и Л.Берия, посланное на имя В.Молотова от 10 января 1939 г., а также специальной секретной инструкции начальника ЦУНХУ Д.Бозина от 3 сентября 1939 г., исследователи показали, что в 1939 г. переписные листы, полученные ЦУНХУ от НКВД на контингенты заключенных лагерей, расположенные в местах наибольшего их скопления (Приморско-Хабаровский край, Архангельская, Новосибирская, Свердловская области, Бурят-Монгольская, Карельская, Коми АССР...), предлагалось НКВД перераспределить их для сокрытия мест нахождения заключенных между республиками, краями, областями[22].

Проделанная историками и демографами работа по выяснению численности населения по переписям 1937 г. и 1939 г. открывает возможности для определения людских потерь на основании их данных.

В этом смысле заслуживает внимание попытка В.В.Цаплина установить примерные потери населения, понесенные обществом за 1927-1938 гг. Сопоставляя возникшие расхождения между полученной численностью населения по переписям 1937 г. и 1939 г. и ожидаемой, он пришел к заключению, что за 1927-1938 гг. умерло от голода и погибло в местах заключения около 9,9 млн. чел. Напомним слагаемые, выделяемые исследователем: умерло от голода 3,8 млн. (2,8 млн. - зарегистрированная смерть; 1 млн. - незарегистрированная смерть); 1,5 млн. - незарегистрированная смерть в местах заключения; 1,3 млн. - дополнительная незарегистрированная смерть; 1,3 млн. - незарегистрированная смерть в 1937-1938 гг.; 2 млн. - покинули пределы СССР из республик Средней Азии и Казахстана[23].

В связи с такими подсчетами важно иметь в виду, что в современной отечественной литературе появились данные, оценивающие людские жертвы в результате голода 1932-1933 гг.* Рассмотрим их.

В.В.Цаплин ориентировочно определил общую смертность от голода. В своих расчетах он опирался на статистику ЗАГСов 30-х гг. Ее изучение показало, что в 1927-1931 гг. в среднем ежегодно умирало 2,6 млн. чел. В 1932-1933 гг. уровень смертности увеличился до 4 млн. чел. Это позволило ученому сделать вывод, что в 1932-1933 гг. зарегистрированная смертность от голода и его последствий составила не менее 2,8 млн. чел. (по 1,4 млн. чел. ежегодно)[24]. Если к этой цифре приплюсовать 1 млн. чел. незарегистрированных смертей, то общая цифра жертв голода и его последствий по мнению В.В.Цаплина - 3,8 млн. чел. Между тем не всегда четкая работа ЗАГСов в 30-е гг. вызывает сомнения в адекватном отражении уровня смертности, в том числе и от голода. Это подтверждает региональное изучение голода 1932-1933 гг.

Исследование смертности населения в результате голода 1932-1933 гг. и его последствий в основном затронули Украину, Поволжье, Казахстан.

Наибольшее число публикаций связано с определением людских потерь от голода на Украине[25]. Остановимся на некоторых из них. В.В.Цаплин отметил, основываясь на "Конъюнктурном обзоре движения населения СССР за 1930-1934 гг.",

---

* Изучение потерь населения от голода в западной историографии см.: Данилов В.П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932-1933 гг. и "демографическая катастрофа" 30-40 годов в СССР // Вопр. истории. 1988. № 3. С.116-121, статью Киселева И.Н. данного сборника.

что число умерших на Украине составило 2,9 млн. чел.[26] Между тем с поправкой на естественную смертность, как считает С.В.Кульчицкий, приведенное число жертв уменьшается до 2,4 млн. Анализируя данное положение, он обратил внимание на неубедительность расчетов, проведенных в результате контрольных обследований сотрудниками ЦУНХУ в 1934 г. в пострадавших районах, из-за ограниченности взятой ими территории[27]. Для выявления численности людских потерь от голода С.В.Кульчицкий предложил оперировать данными о естественном приросте населения за 1933-1934 гг. Располагая отчетными сведениями за 1935 г. - 420 тыс. и за 1936 г. - 534 тыс. (последний квартал этого года - ожидаемый результат), исследователь реконструировал несостоявшийся прирост населения за 1933 г. и вероятный прирост за 1934 г., используя для этого скорректированные по уровню реальных данных 1935 г. прогнозы 1927 г. А.П.Хоменко. В результате естественный прирост для 1933 г. составил 415 тыс., 1934 г. - 418 тыс. чел. Получив величину естественного прироста за 1933-1936 гг. и суммируя их (1787 тыс.) с дефицитом населения на начало 1933 г. по материалам переписи 1937 г. (1744 тыс.), ученый получил демографические потери населения в размере 3531 тыс. чел. (с учетом репрессированных выселений). Используя данные о снижении рождаемости за 1933-1934 гг., вызванной голодом, С.В.Кульчицкий подсчитал примерно полные демографические потери населения. Недобор родившихся для 1932 г. - 299 тыс., 1933 г. - 460 тыс., 1934 г. - 509 тыс. чел. Таким образом, общие демографические потери населения Украины в результате голода составили около 5 млн. чел.[28]

Изучение потерь населения от голода в Поволжье привело к следующим результатам. В.В.Кондрашин, выявив архивные материалы текущего учета (61 архив ЗАГС райисполкомов, 4 архива ЗАГС облисполкомов Волгоградской, Оренбургской, Пензенской, Самарской, Саратовской областей), а также отчетные материалы ЦУНХУ Госплана РСФСР и СССР, пришел к заключению, что органы учета сельских районов Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев учитывали в 1932-1933 гг. голодную смерть. Этот вывод опроверг принятую точку зрения об

отсутствии регистрации среди причин смертности - смерть от голода органами текущего учета населения. Для оценки жертв голода исследователь сначала определил учтенную загсами избыточную голодную смерть 1933 г. (189817 чел.). Затем потери 1933 г. в районах, не охваченных учетом. Для этого он установил средний уровень смертности сельского населения на 1000 чел. на учтенной загсами территории и средний показатель величины изменений уровня смертности 1933 г. по сравнению с 1932 г. на неохваченный учетом территории (142905 чел.). Причем, как считает В.В.Кондрашин, 10% крестьян (33000 чел.) Поволжья погибли от голода вне мест своего постоянного проживания и не были учтены. Общий итог, таким образом, непосредственных жертв голода 1932-1933 гг. в деревне Поволжья - 365722 чел., или 0,4 млн. чел. (с косвенными потерями из-за падения рождаемости - 115665 чел.) - 481387 чел., или 0,5 млн. чел.[29]

Плохая постановка текущего учета населения на территории Казахстана в 30-е гг. обусловила особые трудности при определении жертв голода. В связи с этим некоторые историки считают, что из-за отсутствия точных данных численность людских потерь от голода установить невозможно. Тем не менее такая попытка была сделана. Так, по данным Х.Б.Абылхожина, М.К.Козыбаева, М.Б.Татимова[30] они составили среди казахов около 1,8 млн. чел., Б.Тулепбаева и В.Осипова - 1,3 млн. чел. (речь идет только о "прямых потерях" казахов и казахстанцев других национальностей).

Изучение отдельных регионов, пострадавших от голода 1932-1933 гг., уточнило численность людских потерь: Казахстан - 1,3 млн. чел., Украина - 3,5 млн. чел. (прямые потери), около 5 млн. чел. (косвенные потери); Поволжье - 0,4 млн. чел. (прямые потери), 0,5 млн. чел. (косвенные потери). Суммируя приведенные цифры, получаем численность людских жертв в результате голода (без погибших от голода в местах заключения): 5,2 млн. чел. (прямые потери); 5,5 млн. чел. (косвенные потери без Казахстана). Приведенный подсчет носит приблизительный характер. Кроме того потери населения охватывают лишь территорию Поволжья,

Украины и Казахстана. В связи с таким положением необходимо начать исследования числа людских жертв голода в тех регионах, где оно еще не начато.

Остальные слагаемые потерь населения в 30-е гг. пока еще не определены исследователями. Работа по их выявлению продолжается.

Принимая сделанные уточнения численности населения по переписям населения 1926 г. и 1937 г. Е.А.Андреевым, Л.Дарским, Т.Харьковой, а также оценки людских потерь в результате голода 1932-1933 гг., внесем изменения в оценке людских потерь, представленных В.В.Цаплиным. Пользуясь логикой его рассуждений, попробуем подсчитать людские потери: 2 млн. покинули пределы СССР из республик Средней Азии и Казахстана; 2,5 - незарегистрированная смерть от голода и в местах заключения; 2,8 млн. - дополнительная незарегистрированная смерть от голода и в местах заключения; 5,2 млн. чел. смерть от голода на территории Поволжья, Украины, Казахстана; 1,3 млн. - незарегистрированная смерть в 1937 г. и 1938 г. Таким образом, общий итог людских потерь за 1927-1938 гг. составляет 13,8 млн. чел. Конечно, такие подсчеты, хотя и основаны на новых данных, носят скорее предположительный характер и нуждаются в уточнении.

Анализ первых оценок потерь населения России и СССР показал необходимость дальнейшей разработки методики исследования и в этой связи более широкого знакомства с зарубежным опытом. Опубликованный материал свидетельствует о том, что работа отечественными историками и демографами ведется и достигнуты позитивные результаты. Безусловно, первые оценки численности потерь населения со временем будут уточнены. Немалое значение для этого имеют следующие направления.

Исследование отдельных слагаемых потерь населения - жертв в результате голода 1932-1933 гг., выселений крестьян во время раскулачивания, массовых репрессий 30-х гг.

В этой связи нужен дальнейший анализ архивных и опубликованных материалов Всесоюзных переписей населения 1926 г., 1937 г. и 1939 г.

Уточняющие сведения несомненно принесет региональное и картографическое изучение людских потерь.

Представляется важным раскрытие проблем, связанных с естественным движением населения в 30-е гг. - динамика рождаемости, смертности, продолжительности жизни.

---

1 Максудов С. Потери населения СССР. Benson (Vt), 1989. С.123, 124, 148.

2 См.: Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1936. С.542; Народное хозяйство в 1961 г.: Стат. ежегодник. М., 1962. С.7-8; Народное хозяйство в 1962 г.: Стат. ежегодник. М., 1963. С.3; Народное хозяйство в 1963 г.: Стат. ежегодник. М., 1965. С.7-8; Население СССР, 1973: Стат. сб. М., 1975. С.7.

3 См.: Вишневский А.Г., Кузнецова Л. Люди или население? // В человеческом измерении. М., 1989. С.207-225; Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопр.истории. 1989. № 4.С.175-181; Жиромская В.Б. Всесоюзные переписи населения 1926,1937,1939 годов: История подготовки и проведения // История СССР.1990. № 4.С.84-104; Поляков Ю.А., Жиромская В.Б.,Киселев И.Н. Полвека молчания:(Всесоюзная перепись населения 1937 г.)// Социологические исследования.1990.№ 6-8; Волков А.Г. Из истории переписи населения 1937 года// Вестн.статистики.1990.№ 8.С.45-46; Он же. Шаг к правде: (О статье Ф.Д.Лифшица) // Демографические процессы в СССР. М., 1990. С.167-174; Лифшиц Ф.Д. Перепись населения 1937 года // Там же. С.175-208; Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Крат. итоги. М., 1991; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М., 1993.

4 XУI съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1930. С.35; XУП съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1934. С.25.

5 Социалистическое строительство СССР. М., 1934. С.353; То же. М., 1935. С.539; То же. М., 1936. С.542; СССР в цифрах. М., 1935. С.201; Чрезвычайный УШ Всесоюзный съезд Советов, 25 ноября - 5 декабря 1936 г.: Стеногр. отчет. М., 1936. Бюл. № 10. С.2. См. также: Струмилин С.Г. Наши трудовые ресурсы и перспективы. М., 1922. С.7; Перспективная ориентировка на 1927/28-1931/32 гг. М., 1928. С.40-41; Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М.; Л., 1933. С.234; Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР. М., 1934. Т.I. С.353, 503.

6 См.: Баткис Г.А. Социальная гигиена. М.; Л., 1936. С.162-164; Бешер Р.Я. Проблемы населения в народнохозяйственном планировании. М., 1937. С.15; Дольская А.А. Социалистический закон народонаселения. М., 1959. С.41;

Арутюнян Л.А. Социалистический закон народонаселения. М., 1975. С.22-26; Панкратова Н.В. Закон народонаселения при социализме. М., 1984. С.17-19. См. также: Валентей Д.И. Теория и практика народонаселения. М., 1967. С.160.

7 Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1936. С.542; Население СССР, 1973. М., 1975. С.7; Народное хозяйство СССР в 1962 г.: Стат. ежегодник. М., 1963. С.7.

8 См.: Вишневский А.Г., Кузнецова Л. Люди или население? // В человеческом измерении. С.210; Тольц М.С. Недоступное измерение // Там же. С.329.

9 Исупов В.А. Демографическая сфера в эпоху сталинизма // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990. С.186.

10 См.: Народное хозяйство СССР в 1962 г. С.30; Народонаселение стран мира: Справочник. М., 1984. С.127; Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С.409.

11 См.: Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР. М., 1974. С.44; Население страны за 70 лет. М., 1988. С.100, 112, 119, 120 и др.

12 См.: Андреев Е.М. Продолжительность жизни и причины смерти в СССР // Демографические процессы в СССР. С.92.

13 Старовский В.Н. Методика исследования элементов роста народонаселения // Вестн. статистики. 1964. № 11. С.11; Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания... 1990. № 6. С.24; Волков А.Г. Из истории переписи населения 1937 г. С.55; Лифшиц Ф.Д. Перепись населения 1937 г. С.174-207; Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. Опыт оценки численности населения СССР, 1926-1941 гг. (краткие результаты исследования) // Вестн. статистики. 1990. № 7. С.36; Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Репрессированная перепись // Всесоюзная перепись населения 1937 г. С.19-20.

14 Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы. С.178; Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания... 1990. № 6. С.23-24; Волков А.Г. Из истории переписи населения 1937 г. С.55.

15 Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. Опыт оценки численности населения СССР 1926-1941... С.35.

16 См.: Волков А.Г. Из истории переписи населения 1937 г. С.56; Тольц М.С. Репрессированная перепись // Родина. № 11. С.61.

17 Цаплин В.В.Статистика жертв сталинизма в 30-е годы. С.180.

18 См.: Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания... 1990. № 8. С.51.

19 Там же.

20 Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. Опыт оценки численности населения СССР 1926-1941... С.38.

21 См.: Тольц М. Репрессированная перепись. С.61; Козлов В.И. О людских потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов // История СССР. 1989. № 2. С.134; Жиромская В.Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов... С.92, 102.

22 См.: Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания... 1990. № 8. С.44.

23 Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы. С.178, 180.

24 Там же. С.178.

25 См.: Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме: Ист. очерк // Знамя. 1989. № 2. С.176; Цаплин В.В. Указ. соч.; Хандрос Б. Смертные листы // Юность. 1990. № 2. С.54; Кульчицкий С.В. Демографические последствия голода 1933 г. на Украине // Тезисы докладов и сообщений УП Всесоюзной конференции по исторической демографии. Донецк, 14-16 мая 1991 г. М., 1991. Ч.1. С.38. См. также: Козлов В.И. Динамика национального состава населения СССР и проблемы демографической политики // История СССР. 1983. № 4. С.20, 22; Сов. культура, 1990. 31 марта.

26 Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы. С.178.

27 Кульчицкий С.В. Демографические последствия голода 1933 г. на Украине // Тезисы докладов и сообщений УП Всесоюзной конференции по исторической демографии... С.38.

28 Кульчицкий С.В. Некоторые проблемы истории сплошной коллективизации на Украине // История СССР. 1989. № 5. С.33; Он же. Демографические последствия голода 1933 г. на Украине // Тезисы докладов и сообщений УП Всесоюзной конференции по исторической демографии... С.39.

29 Кондрашин В.В. Общие демографические потери деревни Поволжья во время голода 1932-1933 гг. // Тезисы докладов и сообщений УП Всесоюзной конференции по исторической демографии... С.51-52; Он же. Голод 1932-1933 годов в деревне Поволжья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С.19-22.

30 См.: Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б. Казахстанская трагедия // Вопр. истории. 1989. № 7. С.65-67; Михайлов В.Ф. Хроника Великого Джута: Док. повесть. Алма-Ата, 1990. С.201-202. См. также: Зеленин И.Е. О некоторых "белых пятнах" завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2. С.22.

Ф.К.Межлаук

ДЕЯТЕЛИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ. ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Одним из значительных свершений статистиков-демографов в 30-е гг. явилась Всесоюзная перепись населения 1937 г. Сохранившиеся в Российском государственном архиве экономики (б.ЦГАНХ СССР) личные дела ведущих сотрудников ЦУНХУ, занимавшихся проведением переписи, а также материалы научной библиотеки Госкомстата Российской Федерации содержат интересную информацию, которая в определенной степени может дополнить публикации, посвященные истории статистики тридцатых годов[1].

В данном исследовании приводятся биографические сведения об И.А.Кравале, О.А.Квиткине, Л.С.Брандгендлере, М.В.Курмане, Д.К.Жаке и С.К.Неслуховском.

В "Истории советской государственной статистики", изданной в 1969 г., отмечается, что "Управляющими ЦСУ после П.И.Попова были крупнейшие советские экономисты: В.В.Осинский, В.П.Милютин, И.А.Краваль"[2]. Персональная ответственность за проведение Всесоюзной переписи 1937 г. в целом была возложена правительством страны на И.А.Краваля, начальника ЦУНХУ Госплана Союза ССР, непосредственно осуществлявшего руководство переписью"[3]. Мера этой ответственности выявилась довольно скоро. Проявленная И.А.Кравалем объективность при подведении предварительных итогов переписи, в том числе при определении реальной численности населения страны стоила ему жизни.

Иван Адамович Краваль родился в семье латышского крестьянина 17 марта 1897 г. в деревне Поторовские Пылденской волости Люцинского уезда тогдашней Витебской губернии; впоследствии эта территория отошла к Латвии (г.Люцин - ныне г.Лудза). В автобиографии, написанной в 1921 г., И.А.Краваль рассказывает о своей юности: "Родители мои крестьяне, но отец большую часть своей жизни провел не на крестьянских работах, а на постройках железных дорог (Сибирской, Виндавской, Амурской, Кулундинской и Мурманской) вначале как

тачечник, а потом, после многих лет практики железнодорожных работ, - как десятник, а в последнее время он занимал довольно ответственные посты - как заведующий участком постройки той или другой линии железных дорог. Отец мой, испытав на себе всю тяжесть безграмотности, с 8 лет отдал меня в сельскую школу, по окончании которой я держал испытания и был отдан в гимназию в уездный город Режицу, где я и окончил 4 класса в 1913 г., причем родители меня снабжали всем необходимым для жизни. Лето я всегда проводил в деревне, помогая матери в крестьянских работах. В 1913 г. я, несмотря на нежелание матери, уехал в Питер, поселился у своего дяди, работавшего смазчиком в Экспедиции заготовления государственных бумаг, при его помощи достал несколько частных уроков и зачислился в Питерскую 12-ю гимназию, которую и окончил, совмещая частные уроки, дававшие мне средства к существованию, с собственными занятиями, причем лето 1915 и 1916 г. я провел на постройке Кулундинской ж.д. в качестве десятника по разбивке железнодорожного пути и подсчету выполненных работ, заработав там часть средств для жизни и учения зимой, остальное зарабатывал частными уроками или, если таковых не было или было недостаточно, то получал субсидии от отца до наступления лучшего времени. В 1916 г. я держал испытания в Технологический институт, был туда принят и пробыл там до весны 1917 г. После бурно проведенных февральских и мартовских дней в Питере в начале апреля я был направлен на Западный фронт в 3 батарею 67 артиллерийской бригады, стоявшей под станцией Наречь Виленской губернии в качестве вольноопределяющегося. 6 августа был сильно отравлен удушливыми газами и после месячного пребывания в госпитале получил двухмесячный отпуск по болезни... До октября 1918 г. жил в деревне, занимаясь физическим трудом, ибо в это время Латвия была оккупирована немецкими войсками. Сразу после освобождения нашей местности был избран учителем в I и II Советские школы I и 2 ступени и через небольшой промежуток времени стал заведующим (по избранию) этими школами, совмещая с педагогической работой в этих же школах. В это время уисполко-

мом был назначен членом коллегии уездного отдела Наробраза и избран председателем секции работников народного просвещения в Учпрофсоюзе. В июле 1919 г. Витебским губисполкомом был командирован в Высшую школу советской и партийной работы"[4]. Там он "был вначале зачислен кандидатом в РКП, а с 15/XII - 19 г. действительным членом... С 1920 г., будучи оставленным в лекторской группе, работаю при Свердловском университете как руководитель кружковых занятий по теоретической экономии и историческому материализму"[5].

С 1922 г. И.А.Краваль обучается на экономическом отделении Института красной профессуры, которое оканчивает в 1924 г. При этом он одновременно с учебой преподавал экономические дисциплины в университете имени Я.М.Свердлова, академии имени Н.К.Крупской, на рабфаке имени М.Н.Покровского.

Осенью 1924 г. после окончания ИКП И.А.Краваль получает назначение в ВСНХ СССР, где работает вначале уполномоченным председателя ВСНХ Ф.Э.Дзержинского, с 25 марта 1925 г. является членом коллегии Планово-экономического управления ВСНХ, с 1 декабря 1925 г. он заведует отделом экономики труда. С 1928 по 1930 г. он был членом президиума ВСНХ СССР. И.А.Краваль входил также в состав редколлегий журнала "Пути индустриализации" и "Торгово-промышленной газеты". В апреле 1925 г. И.А.Краваль был утвержден кандидатом в члены Страхового Совета СССР. 22 февраля 1927 г. СНК СССР назначил И.А.Краваля членом Союзного Совета социального страхования при Наркомтруде СССР от ВСНХ СССР[6]. 3 августа 1930 г. ЦИК СССР назначил его заместителем народного комиссара труда СССР[7]. В Наркомтруде он работал до января 1933 г.; одновременно являлся деканом промышленного отделения Инженерно-экономического института имени А.И.Рыкова в Москве. В 1931 г. И.А.Краваль - член делегации Советского Союза на первом Международном конгрессе по экономическому планированию в Амстердаме.

И.А.Кравалю принадлежит целый ряд публикаций по вопросам рационального использования трудовых ресурсов, создания условий для повышения производительности труда, по научной

деятельности в области экономики труда. Он являлся ответственным редактором сборника статей "Вопросы труда в промышленности"[8], был одним из составителей атласа "Вопросы труда в цифрах и диаграммах, 1922-1926 гг.", изданного в 1927 году акционерным обществом "Промиздат" и содержавшего 58 многокрасочных диаграмм. Его опыт решения сложных вопросов в области развития трудовых отношений несомненно был учтен при избрании Краваля кандидатом в члены президиума ВЦСПС. На V пленуме ВЦСПС в 1931 г. И.А.Краваль выступил с докладом, в котором рассматривал проблемы обеспечения промышленности рабочей силой, борьбы с текучестью, подготовки квалифицированных рабочих кадров. В написанной в том же году брошюре "Планирование научно-исследовательской работы в области труда" И.А.Краваль ставил цель добиться, чтобы научные организации оказывали действенную помощь хозяйственным органам в области планирования количественной и качественной потребности в кадрах как путем соответствующих методологических проработок, так и путем широко развернутой работы по изучению типов рабочей силы и специалистов и квалифицированных профилей отдельных их категорий. И.А.Краваль принял активное участие в подготовке первых пятилетних планов развития народного хозяйства СССР.

Новое назначение И.А.Краваль получает в начале 1933 г., когда Совнарком СССР постановлением от 21 января 1933 г. утверждает его первым заместителем начальника ЦУНХУ Госплана СССР и членом президиума Госплана СССР. Начальником ЦУНХУ являлся тогда В.В.Осинский. 10 августа 1935 г. СНК СССР назначил И.А.Краваля начальником Центрального управления народнохозяйственного учета и заместителем председателя Госплана СССР, а также в 1936 г. заместителем председателя Государственной комиссии по определению урожайности[9].

Под редакцией И.А.Краваля публиковались статистические сборники и ежегодники ЦУНХУ, такие как "Труд в СССР", "Женщины в СССР", "Здоровье и здравоохранение трудящихся СССР", он был одним из редакторов статистического ежегодника "Социалистическое строительство СССР". Краваль руководил

проведением ежегодных переписей скота, при его руководящем участии проводились также перепись оборудования в промышленности в 1934 г., общеторговая перепись в 1935 г. Краваль руководил подготовкой Всесоюзной переписи населения 1937 г., разработкой программы и инструкции по ее проведению. Большое значение имела опубликованная им брошюра "Всесоюзная перепись населения 1937 г.", текст которой был напечатан также в журналах "План" и "Большевик". Предварительные итоги переписи опровергали предположения высшего руководства страны о значительном росте населения в предшествующие переписи годы. Реакция на это руководства была крайне негативной. Еще совсем недавно, в феврале 1936 г., И.А.Краваль за заслуги в области планирования и статистики был удостоен - среди очень немногих экономистов - высшей по тому времени правительственной награды - ордена Ленина. "Известия" отмечали тогда в редакционной статье, что награжден "молодой", энергичный тов.Краваль, накопивший богатый статистический опыт"[10]. Как известно, редакционные статьи в "Известиях" писал тогда главный редактор газеты Николай Иванович Бухарин. Теперь же, весной 1937 г., Иван Адамович Краваль был освобожден от всех должностей, арестован и в 1937 г. по сфальсифицированному обвинению расстрелян. Посмертно доктор экономических наук И.А.Краваль был реабилитирован в 1956 г.

Олимпий Аристархович Квиткин (1874-1937) - выдающийся советский статистик и демограф, участник разработки первого в истории статистики баланса народного хозяйства СССР в 1923-24 гг., руководил городской переписью 1923 г., участвовал в подготовке Всесоюзной переписи населения 1926 г., являясь ближайшим помощником Василия Григорьевича Михайловского, а после его неожиданной смерти незадолго до начала переписи возглавил разработку и образцовую публикацию результатов переписи 1926 г., а затем приступил к подготовке очередной Всесоюзной переписи населения, состоявшейся в январе 1937 г. Он был автором талантливых аналитических обзоров, вводил новые понятия, классификации и группировки. Приведем здесь сохранившуюся в архиве автобиографию

О.А.Квиткина, написанную им в середине двадцатых годов.

"Родился в 1874 г. 30 октября в г.Борзне Черниговской губернии. Отец по записи в его послужном списке происходил из крестьян Екатеринославской губ., прошел школу фейерверкеров, был в 1855 г. выпущен фейерверкером, а в 1864 произведен в офицеры в пехоту, где и дослужился до чина подполковника.

Детство я провел в г.Борзне, где стоял полк, в котором служил отец, а в 1886 переехал в Орел, куда был переведен отец. В Орле я поступил в классическую гимназию. С шестого класса гимназии зарабатывал средства к существованию самостоятельно. В 1894 году окончил гимназию и поступил на медицинский факультет Московского университета, где прошел полностью два курса. В 1895 году был выбран представителем Орловского землячества в Союзный Совет и в 1896 году, когда произошли студенческие беспорядки, связанные с попыткой студенчества устроить демонстрацию по поводу Ходынской катастрофы, я, как член Союзного Совета был исключен из университета и выслан под надзор полиции на место родины, т.е. в Борзну Черниговской губернии. Здесь я прожил до осени 1897 года, когда мне было разрешено переехать (тоже под надзор полиции) в Орел. В Орле я вступил в марксистский кружок, который в начале 1898 года установил связи с рабочей организацией на Бежецком заводе, расположенном в нескольких верстах от Брянска. В декабре 1898 года я был арестован по обвинению в пропаганде к восстановлению одного класса населения против другого (забастовка на Бежецком заводе) и содержался под стражей до апреля 1899 года, когда был освобожден впредь до разрешения дела в административном порядке. В связи с возобновлением работы на Бежецком заводе был взят под стражу в феврале 1900 года, просидел в тюрьме три месяца и затем в апреле 1901 года... был выслан под надзор полиции в Вологодскую губернию сроком на 3 года.

Еще будучи студентом участвовал в качестве регистратора в 1896 году в земских статистических работах по описанию крестьянских хозяйств в Елецком уезде. Будучи под надзором полиции, добывал средства к существованию частью частными

уроками, частью случайными статистическими работами, частью переводами.

В г. Вологде я прожил с лета 1901 года до зимы 1904 года. Здесь я получил работу в губернском земском статистическом бюро, находившемся под руководством П.П.Румянцева. Мною были обработаны материалы для обзоров сельского хозяйства по данным текущей статистики за 1901-1902 и за 1902-1903 гг., написаны некоторые статьи в обзоре за 1901-1902 гг., обработаны данные о крестьянских арендах по основному обследованию Грязовецкого уезда и составлена соответствующая статья в сборнике по этому уезду.

В конце 1904 года между ответственными сотрудниками статистического бюро и земской управой произошел конфликт, закончившийся отставкой ответственных сотрудников. Из Вологды я переехал в Орел, где вошел в ближайшую связь с Орловско-Брянским комитетом РСДРП, которым и был делегирован на Лондонский съезд партии 1905 года. На этом съезде я организационно связался с фракцией большевиков, в рядах коей оставался все время моей партийной работы.

В августе 1905 года я получил место статистика в Костромском земском статистическом бюро и по приезде в Кострому был кооптирован в Костромской комитет РСДРП под кличкой "Афанасий". Во время событий конца 1905 был под фамилией Афанасьева товарищем председателя Костромского Совета рабочих депутатов. Под той же фамилией значился неразысканным по делу Костромского Совета. После ликвидации Совета вынужден был оставить работу в земстве и перейти на нелегальное положение, после чего работал в качестве партийного профессионала до 1908 года.

В 1906 году как представитель Костромской организации участвовал в работах Стокгольмского съезда. Летом того же года на конференции организаций Московского промышленного района выбран кандидатом в члены партийного бюро этого района, а осенью, за выбытием нескольких членов этого бюро, вступил в его состав. На последующих конференциях переизбирался и состоял в бюро до марта 1908 г. Участвовал в работе партийной конференции в Таммерфорсе в начале 1907 года, в совещании по выработке большевистской платформы для съезда 1907 года в Куоккале и в партийном Лондонском съезде в качестве делегата от Иваново-Вознесенской организации.

В начале 1908 года, благодаря проникновению в организацию Московского бюро партии провокатора, мне пришлось покинуть Москву и уехать в Орел, где я прописался по своему настоящему паспорту.

В последние месяцы своей партийной работы я в свободные часы занимался математикой. Поселившись в Орле, я отдался этому изучению всецело, оставивши политическую деятельность, к которой я впоследствии не возвращался. Средства к жизни добывал частными уроками, а иногда отдельными статистическими работами, которые я получал от заведующего Орловским статистическим бюро Аркадия Васильевича Смирнова. Небольшие сбережения из этих заработков позволили мне в 1911 году после неудачной попытки поступить в русский университет (мне было отказано в выдаче свидетельства о благонадежности) поехать в Париж, где я в течение двух лет состоял студентом Сорбонны и кончил курс, получивши сертификат по отделам: "Дифференциальное и интегральное счисление", "Теоретическая механика", "Высший анализ", "Математическая физика".

Возвращаться в Париж для дальнейших научных занятий мне помешали в 1913 году недостаток средств, а в 1914 году война.

В 1915 году я переехал из Орла в Москву и поступил в отдел по устройству беженцев Городского и Земского Союзов в качестве инструктора по организации бирж труда. Летом 1916 года вследствии принципиальных разногласий с Главным Комитетом Союзов вместе с рядом других инструкторов (В.П.Милютин, В.П.Ногин и др.) оставил службу в отделе по устройству беженцев и вскоре нашел место в конторе химико-фармацевтической лаборатории, где работал до января 1919 года.

20 февраля 1919 года поступил в ЦСУ на должность помощника заведующего отделом городской статистики, а затем занял должность заведующего, каковую должность занимаю и поныне.

В течение службы моей в ЦСУ участвовал во всех съездах и конференциях ЦСУ, был уполномоченным ЦСУ по производству переписи населения 1920 года на Северном Кавказе, уполномоченным ЦСУ по обследованию голода в Самарской губернии, секретарем постоянной комиссии по переписи 1923 года. В 1925 году (октябрь-ноябрь) был командирован в Германию для изучения переписи 1925 года. С 1922 года состою членом ИКСС'ов*.

Во время службы моей в ЦСУ мною выпущено два выпуска трудов отдела: "Итоги переписи 1923 г. владений, строений и квартир". Напечатан ряд статей в "Бюллетене ЦСУ", редактировались отделы ежегодников и справочников ЦСУ, посвященные жилищным условиям городского населения и коммунальному хозяйству.

На военной службе не состоял".[11]

В январе 1932 года О.А.Квиткин был утвержден начальником секции динамики численности населения сектора учета населения и здравоохранения, а первого апреля 1932 г. назначен начальником Бюро переписи населения. О.А.Квиткин провел колоссальную работу по подготовке и проведению Всесоюзной переписи населения 1937 г. В связи с тем, что перепись была признана проведенной "вредителями", О.А.Квиткина приказом по ЦУНХУ № 98 от 26 марта 1937 г. освободили от обязанностей начальника Бюро переписи населения с 25 марта 1937 г. Впредь до назначения нового начальника непосредственное руководство работой Бюро взял на себя И.А.Краваль[12]. О.А.Квиткин был арестован, а вскоре был арестован и И.А.Краваль. Жизнь О.А.Квиткина оборвалась в 1937 г. Реабилитирован был О.А.Квиткин в середине пятидесятых годов.

Заместителем начальника Бюро переписи населения с июля 1935 г. и ближайшим помощником О.А.Квиткина в этой работе являлся Лазарь Соломонович Брандгендлер. Он принял активнейшее участие в окончательной организации переписи и в непосредственном руководстве ею. Из его личного дела следует, что родился он в городе Андижане 21 апреля 1908 г.,

---

* ИКСС - исполнительная комиссия статистических съездов.

сын служащего. Домашний адрес: Варварка, д.16, квартира 75, 1-я Московская бытовая коммуна. Образовани - окончил в 1930 г. планово-статистическое отделение Плехановского института. Места работы: секретарь уездного бюро Доброхима в 1924-25 гг., счетовод уездной страхкассы в 1924-26 гг., научный сотрудник ЦСУ СССР в 1929 г., ответственный исполнитель группы методологии и организации социалистического учета в 1930-1931 гг.[13] С 1 января 1932 г. начальник секции реконструкции учета сектора методологии и реконструкции учета ЦУНХУ, а с 15 сентября 1932 г. зам. начальника сектора низового учета, с 1 января 1933 г. начальник секции бюджетов и зам. начальника сектора труда, с июля 1935 г. зам. начальника Бюро переписи населения[14]. Отстранен с 31 марта 1937 г. Арестован. Погиб в лагере 11 июня 1942 г. Реабилитирован в середине пятидесятых годов. Вместо Л.С.Брандгендлера 31 марта 1937 г. на должность зам. начальника Бюро переписи был назначен В.Н.Старовский[15].

Другим заместителем О.А.Квиткина был Сергей Константинович Неслуховский (1893-1973 гг.). Он ведал вопросами механизации сводки и разработки материалов переписи. Статистической работой он начал заниматься еще в 1916-1918 гг. в статистическом отделе Союза городов. В 1918-22 гг. работал в ВСНХ, затем до 1927 г. заведовал учетно-плановым отделом и Бюро рационализации Севзапгосторга. В 1927-30 гг. заведовал отделом механизации в ЦСУ. В 1931-33 гг. и в 1937-39 гг. являлся зам. начальника сектора механизации и организации учета ЦУНХУ, а в 1933-37 гг. - зам. начальника Бюро Всесоюзной переписи населения ЦУНХУ. В 1938-41 гг. он принимал руководящее участие в подготовке и разработке итогов Всесоюзной переписи населения 1939 г.; в 1942-54 гг. работал зам. начальника отдела переписи оборудования и материалов; в 1954-57 гг. - зам. начальника отдела статистики материального снабжения и переписи. По совместительству он в 1931-41 гг. преподавал в Московском кредитно-экономическом институте, где руководил кафедрой машинизации учета, а в 1955-59 гг. - в Московском экономико-статистическом институте; по совместительству работал ведущим

конструктором Института точной механики и вычислительной техники АН СССР в 1948–57 гг.

Активное участие в работе по переписи населения 1937 г. принял начальник сектора населения и зам. начальника отдела учета населения здравоохранения ЦУНХУ Михаил Вениаминович Курман – известный статистик-демограф. Он родился 20 июня 1905 г. в г.Лепеле в Белоруссии. В 1928 г. окончил математическое отделение физико-математического факультета Ленинградского государственного университета и получил специальность "математик-статистик". Трудовая деятельность его началась в 1920 г. в г.Лепеле в райпродкоме, где он работал регистратором и в городской библиотеке, где он служил библиотекарем в 1921–22 гг. В сентябре 1927 г. он начал работать в Ленинградском УНХУ и работал там до июня 1932 г., начинал он младшим статистиком и закончил зам. нач. сектора. Работа его проходила в тесном контакте с ленинградским Демографическим институтом АН СССР, в сотрудничестве с С.А.Новосельским и В.В.Паевским, учеником которых он был. В 1932 г. он переводится на работу в ЦУНХУ, где назначается начальником секции по исчислению населения в секторе учета населения и здравоохранения с возложением на него общего руководства секцией динамики численности и состава населения. В ноябре 1932 г. он становится заместителем начальника сектора учета населения и здравоохранения. Сохранилась его характеристика от 1935 г.: "Т.Курман серьезный, вдумчивый хороший работник, практически и теоретически вполне подготовлен, имеет опыт преподавательской работы"[16]. 1 февраля 1936 г. Курман назначается начальником сектора населения и зам. начальника отдела учета населения и здравоохранения. 31 марта 1937 г. Курман отстранен от работы в ЦУНХУ. Арестован. Реабилитирован в середине пятидесятых годов. После освобождения продолжает работать в области статистики в Харькове. Автор ряда монографий и статей. Умер в 1980 г.

Для разработки материалов переписи 1937 г. в Москве, Ленинграде, Харькове были организованы машиносчетные станции*.

---

* Машинный обсчет производился в 1937 г. в СССР впервые. Ранее обработка всегда велась вручную.

Программа и технология разработки материалов на этих станциях были подготовлены О.А.Квиткиным при участии С.К.Неслуховского и Д.И.Жака. Одним из руководителей такой станции в Ленинграде был Давид Константинович Жак – инженер, специалист по механизации учета. Он родился в 1903 г. В двадцатые годы работал в Донском облстатбюро, затем – начальником отделения Бюро переписи населения Северо-Кавказского краевого управления статистики; позднее являлся заместителем начальника машиносчетной станции переписи населения в Ленинграде; с 1945 г. работал в Союзмашучете ЦСУ СССР. Автор ряда работ по механизации учета. В 1932 г. Д.К.Жак предложил своеобразное построение шифров и макетов, реализованное при разработке материалов переписей населения. В 1952–56 гг. он провел опыты по механизации учета в колхозах, а также централизованно в районе.

Материалы о жизни и деятельности статистиков-демографов 30-х гг. способствуют получению более полного представления об их образовании и профессионализме, культуре, истоках их научной стойкости, о причинах, обусловивших определенную объективность государственной демографической статистики в тех сложных условиях, когда конъюнктурные обстоятельства подталкивали статистиков к искажению данных о действительной численности населения страны. Не последнюю роль здесь сыграли и верность традициям земской статистики, совместная работа и тесные научные контакты с такими крупными учеными как В.Г.Михайловский, В.В.Паевский, С.А.Новосельский. Особо ценным является то, что работники ЦУНХУ сумели сберечь важные статистические данные переписи 1937 г. для последующих поколений.

I Пирожков С.И. Жизнь и творческая деятельность О.А.Квиткина: (К 100-летию со дня рождения) // Демографические тетради. Вып.9. Киев, 1974. С.192–224; Он же. О значении статистических работ О.А.Квиткина // Методологические вопросы в экономической статистике (аспекты ист. анализа). М., 1976. С.175–184; Межлаук Ф.К. И.А.Краваль // Вестн. статистики. 1975. № 3. С.58–59; Симчера В.М. Памяти М.В.Курмана // Статистика и информационное обеспе-

чение планирования. М., 1982. С.288-292; Тольц М.С. Репрессированная перепись // Родина. 1989. № 11. С.56-61; Он же. Недоступное измерение // В человеческом измерении. М., 1989. С.325-342; Вишневский А., Кузнецова Л. Люди или население? // Там же. С.207-225; Киромская В.Б., Киселев И.Н. Репрессированная перепись // Всесоюзная перепись населения 1937 г.; Краткие итоги. М., 1991. С.4-21.

2 История советской государственной статистики. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1969. С.9.

3 Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР № 773 от 28 апреля 1936 г. о Всесоюзной переписи населения 1937 г. // Правда. 1936. 29 апр.

4 РГАЭ. Ф.1562. Оп.307. Д.1857. Л.7-7об.

5 Там же. Л.7 об.

6 Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (далее - СЗ). 1927. 8 марта. № 11.

7 Там же. II отд. 1930. 1 сент. № 46.

8 Вопросы труда в промышленности. М.;Л., 1926.

9 СЗ. II отд. 1936. 8 июля. № 18.

10 Известия. 1937. 22 февр.

11 РГАЭ. Ф.1562. Оп.311. Д.625. Л.10-13. Рукописный подлинник.

12 Там же. Л.3.

13 Там же. Оп.309. Д.202. Л.1.

14 Там же. Оп.311. Д.171. Л.1.

15 Там же. Оп.307. Д.1998. Л.6.

16 Там же. Л.4.

В.А.Исупов

СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В ТЫЛОВЫХ РАЙОНАХ РОССИИ В 1941-1942 ГОДАХ

Среди огромного количества монографий, брошюр, статей, в которых раскрывается тема Великой Отечественной войны, лишь единицы посвящены исследованию демографических процессов военных лет. Из поля зрения ученых почти полностью выпал целый пласт сложных и принципиально важных проблем. Во всяком случае, после выхода в свет в 1977 г. статьи И.П.Ильиной[1], а в 1979 г. статьи Р.И.Сифман[2], не было издано ни одной специальной работы, в которой рассматривались бы колебания смертности, рождаемости, брачности, динамика численности и изменения структуры населения России в 1941-1945 гг. И хотя в последние несколько лет брешь в плотине гласных и негласных запретов все же пробита, демографические аспекты истории войны по-прежнему представляют собой обширную лакуну в историческом знании.

Даже те исследователи, которые проявили интерес к демографическим последствиям Великой Отечественной войны, сосредоточились главным образом на расчетах прямых людских потерь в ходе боевых действий[3]. Образовался своего рода перекос, вследствие чего собственно производство населения (изменения смертности, рождаемости, брачности) и связанные с ним сдвиги в численности и поло-возрастном составе населения России остаются, как и прежде, неизученными. В какой-то степени случайное исключение представляет Сибирь[4]. Но и ее демографическая история военных лет нуждается в дальнейшем исследовании.

Аналогичное положение сложилось в зарубежной, в частности, англоязычной историографии. Внимание зарубежных коллег сосредоточено на анализе демографических последствий насильственной коллективизации, повлекшей за собой голод 1932-1933 гг., и государственного террора[5]. Ни одной специальной работы по истории народонаселения России периода Второй мировой войны на Западе издано не было. В лучшем случае, проблема войны затрагивается в ряду других, при

исследовании демографического развития СССР в период между переписями 1939 и 1959 гг.[6]

Между тем практические потребности современного российского общества, в котором обострение демографической ситуации приняло характер глубокого кризиса, выдвигают задачу ретроспективного анализа развития народонаселения. В силу известной пролонгированности процесса развития народонаселения, корни сегодняшнего сложного положения в демографической сфере, балансирующего на грани депопуляции, необходимо искать не только в современных тенденциях, но и в событиях прошлого.

Цель настоящей статьи - определить, насколько это возможно в рамках ограниченной по объему публикации, тенденции смертности населения тыловых районов России в 1941-1942 гг., а также факторы и причины, их определяющие.

Источники

Основными источниками послужили материалы текущего учета естественного движения населения, обработанные в органах статистики. Первичный сбор информации о числе и составе умерших, родившихся и заключающих (расторгающих) браки в городах осуществлялся через сеть загсов. В сельской местности функции регистрации демографических событий были возложены на сельсоветы. Вся работа по сбору данных о народонаселении контролировалась НКВД.

В период войны, как это ни парадоксально, надежность статистической информации о движении населения повысилась. Государство, преследуя мобилизационные цели, было заинтересовано в точной и по возможности полной фиксации рождений и смертей. В 1941-1942 гг. доля населения тыловых районов России, охваченного первичным загсовским и сельсоветским учетом, достигала 99%[7]. Это не значит, что фиксировалось подавляющее большинство демографических событий. Часть из них, особенно в сельской местности, ускользала от учета и не попадала в статистические сводки.

Недостаточно высокой была фиксация качественных характеристик демографического процесса. С серьезными погреш-

ностями регистрировались пол и возраст умерших, возраст женихов и невест. Зачастую "на глазок" определялись причины смерти, а в сельской местности большинства краев и областей такая статистика вообще не велась.

Резко менялись границы учета - они зависели от конфигурации линии фронта. По мере продвижения немецких войск на восток, из сферы статистического учета выпадали сотни городов, рабочих поселков и тысячи деревень. Это, в свою очередь, обусловило несопоставимость многих материалов.

Особенностью отечественной демографической статистики военных лет было наличие больших по численности групп населения, в документах того времени обозначаемых как "нераспределенные по территории". По оценкам ЦСУ СССР, на начало 1942 г. количество населения, нераспределенного по территории, достигало 24,5 млн. чел.[8] К этой группе населения, почти полностью выпадавшей из сферы гражданского статистического наблюдения, обычно относили военнослужащих и спецконтингенты.

Солдаты и офицеры Красной Армии, погибшие в бою, умершие от ран и болезней, учитывались в Наркомате обороны. Их смерть в загсах и сельсоветах не фиксировалась. Имея в виду, что численность РККА в 1942 г. составляла почти 11 млн. чел.[9], это резко снижало качество советской демографической статистики. В тех тыловых регионах России, где размещались эвакогоспитали, умирало больше людей, чем фиксировалось местными загсами и сельсоветами.

Столь запутанная (в целях псевдосекретности) система учета смертей солдат и офицеров способствовала появлению двойного счета. Часть умерших в госпиталях военнослужащих регистрировалась не только Наркоматом обороны, но ошибочно и гражданскими статистиками. Начальник ЦСУ СССР В.Старовский в записке, направленной 15 апреля 1942 г. в Главное управление формирования и укомплектования и в Главное управление милиции, писал: "Военнослужащие ... учитываются в органах Наркомата обороны, и, наряду с этим, смертность их, в ряде случаев, в особенности в тыловых районах, регистрируется в отделах ЗАГС"[10]. Но "очистить" от двойного

счета статистические данные по гражданскому населению не представляется возможным.

Еще более запутан вопрос учета смертности заключенных. Согласно приказа НКВД СССР № 00674-1939 г., данные об умерших в лагерях и колониях узниках передавались в гражданские загсы[11]. Но независимо от территориального расположения лагеря, регистрация погибших заключенных осуществлялась по месту их жительства до ареста на основании извещений, посылаемых в загс или сельсовет администрацией лагеря. Начальник отдела демографии ЦСУ СССР И.Писарев в апреле 1941 г. строго предупреждал начальников провинциальных статистических управлений: "...Вторые экземпляры актов гражданского состояния, полученные от комендатур НКВД, разрабатываются вместе с общим массивом актов (квартальных и годовых разработок). Никаких подсчетов актов по комендатурам производить не следует"[12].

Приказ НКВД СССР, как правило, неукоснительно соблюдался. Так, в 1942 г. в лагерях и колониях ГУЛАГа, разбросанных по огромной территории страны, погибло около 20 тыс. ленинградцев. Но смерть их фиксировалась не в Сибири, на Урале или Дальнем Востоке, где они фактически умерли, а в Ленинграде[13]. В результате региональные уровни смертности в статистических документах искажались, хотя это и не отражалось на показателях воспроизводства населения по Советскому Союзу в целом.

Имеющиеся в распоряжении исследователей материалы не дают точных цифр, но позволяют все же определить общие тенденции изменения смертности гражданского населения тыловых районов России. Вместе с тем, отрывочные сведения о числе и составе умерших военнослужащих, заключенных, спецпереселенцев не дают возможности создать цельную картину демографического процесса. Цифровые данные в статье из-за погрешностей учета носят оценочный характер.

Количественные параметры смертности

Смертность населения, рассматриваемая как социальный процесс, может служить своеобразным, но точным критерием условий жизнедеятельности людей. Война потребовала огромного приоритета военных усилий, резкого ограничения потребления. В конечном итоге это отразилось на показателях воспроизводства населения.

Таблица I

Динамика общих коэффициентов смертности гражданского населения России. 1940-1942 гг. (на 1000 чел.населения)*

Год	Все население	В том числе:	
		городское	сельское
1940	21,8	21,4	22,1
1941	21,2	21,7	20,9
1942	26,5	32,5	22,9
1942 в % к 1940	121,6	151,9	103,6

* Сост. по: РГАЭ. Ф.1562. Оп.329. Д.1009. Л.103.

В 1942 г. общие коэффициенты смертности гражданского населения России (без учета боевых потерь и гибели мирного населения на оккупированных территориях) по отношению к 1940 г. увеличились на 22%, в том числе в городах - на 52, а в сельской местности - на 4%. Реально уровень смертности в деревне был выше, чем это фиксировалось статистическими органами - сказывался существенный недоучет родившихся и умерших. И все же статистические материалы правильно определяют общую тенденцию. Городское население быстрее, а главное, болезненнее реагировало на начало войны. Рост смертности в городах России начался с первых же недель боевых действий. Уже в июле 1941 г. уровень смертности в городских поселениях страны был выше, чем в июне на 20% (см. табл.2).

Таблица 2

Сезонные колебания смертности гражданского населения тыловых районов России. 1941 г. (на 1000 чел. населения)*

Календарный месяц	Все население	В том числе:	
		городское	сельское
Январь	20,2	20,3	20,1
Февраль	18,6	19,1	18,4
Март	20,3	20,8	20,1
Апрель	19,7	20,4	19,4
Май	19,1	20,1	18,5
Июнь	16,7	18,4	15,9
Июль	18,7	22,0	17,0
Август	23,0	25,0	22,0
Сентябрь	25,0	25,3	24,9
Октябрь	24,7	26,6	23,8
Ноябрь	23,7	28,8	21,1
Декабрь	26,6	33,7	22,8

* Сост. по: РГАЭ. Ф.1562. Оп.32. Д.553. Л.1-3.

Увеличение смертности городского населения России в летние месяцы 1941 г. можно было бы отнести на счет ординарных сезонных колебаний, характерных для обществ, в которых смертность еще не стала контролируемым процессом. Но в мирные периоды временное летне-осеннее повышение уровня смертности, как правило, сменяется его снижением с наступлением зимы. Но в городах России в 1941 г. такого снижения не произошло. Смертность продолжала нарастать - особенно круто в ноябре и декабре.

В отличие от городских поселений, в российской деревне процесс повышения показателей смертности был относительно плавным. И все же в декабре 1941 г. общие коэффициенты смертности сельского населения тыловых районов России были выше, чем в январе того же года на 13%.

Структура умерших

Количественные параметры смертности приобретают значение особенно важного информационного ресурса при сопоставлении их с показателями структурного характера.

Таблица 3

Сведения об умерших 1942 г. (35 территорий России)в %*

Возраст умерших(лет)	Мужчины	Женщины
0-4	52,6	47,4
в т.ч. до 1 года	53,7	46,3
5-9	52,7	47,3
10-14	55,6	44,4
15-19	62,3	36,8
20-24	61,7	38,3
25-29	62,3	37,7
30-34	64,8	35,2
35-39	66,5	33,5
40-44	66,2	33,8
45-49	67,4	32,6
50-54	66,4	33,6
55-59	61,2	38,8
60 лет и старше	44,9	55,1
Возраст неизвестен	65,6	34,4
Всего	54,8	45,2

* Сост. по: РГАЭ. Ф.1562. Оп.329. Д.799. Л.3-3 об.

Число умерших мужчин, как "слабой" группы населения, было значительно выше, чем число умерших женщин. В 1942 г. во всей совокупности умерших на долю мужчин приходилось почти 55%, и это при том условии, что вследствие массовых мобилизаций в армию женщины составляли подавляющую часть тылового населения. Следовательно, даже не имея точных сведений о поло-возрастном составе населения России, можно сделать вывод, что интенсивность смертности мужчин была значительно выше, чем у женщин.

Особенно высокими были показатели мужской сверхсмертности в рабочем возрасте, от I5 до 59 лет. На долю лиц мужского пола в совокупности умерших в этом диапазоне возрастов приходилось более 60%, в том числе в возрастной группе 45-49 лет - 67,4%. Процесс интенсивного вымирания мужского населения, оказавшегося болезненно восприимчивым к ухудшению условий существования, вряд ли по традиции можно объяснить факторами биологического характера, устойчивостью женского и слабостью мужского организмов. Ведущую роль играли причины социального характера, в частности, профессиональная деятельность мужчин. Не меньшее значение имел и тот факт, что наиболее жизнестойкая часть мужского населения оказалась на фронте, тогда как в тылу оставались больные, не пригодные к военной службе.

Индекс мужской сверхсмертности в I94I-I942 гг. рассчитать невозможно, т.к. в распоряжении исследователей нет заслуживающих доверия материалов о поло-возрастном составе населения. Не рассчитывались для них лет и таблицы смертности. Поэтому я вынужден обратиться к анализу проблемы на основе прочно забытого современными демографами индекса Покровского-Пирла (индекс жизненности), не требующего для расчета данных о составе населения. Он представляет собой отношение числа родившихся к числу умерших.

Таблица 4

Динамика индекса Покровского-Пирла. Россия. I940-I942 гг.*

Год	Все население		Городское		Сельское	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
I940	I,56	I,64	I,46	I,6I	I,62	I,66
I94I	I,49	I,62	I,34	I,56	I,59	I,65
I942	0,68	0,79	0,5I	0,66	0,83	0,88

* Сост. по: РГАЭ. Ф.I562. Оп.329. Д.402. Л.57-57 об.; Д.546. Л.I5; Д.797. Л.I3.

Индекс Покровского-Пирла дает грубый, но важный для

исследования материал. Если его величина больше I, воспроизводство населения носит расширенный характер, меньше I - суженный.

В нашем случае динамика индекса за I940-I942 гг. отчетливо свидетельствует, сколь резко увеличился разрыв в смертности полов, в первую очередь в городских поселениях. Если у мужчин-горожан индекс жизненности понизился почти на 3 пункта, то у женщин - на 2,4. В сельской местности разрыв в смертности полов был выражен не так резко.

Возраст умерших

Анализ имеющихся статистических материалов свидетельствует, что смертность концентрировалась в детских (0-4 года) и старческих (старше 60 лет) возрастных группах. В России в I942 г. во всей совокупности умерших более 40% составляли дети, 22% - старики старше 60 лет. Именно эти возрастные группы, подверженные массовому вымиранию, понесли наибольшие потери.

Особенно резкая поляризация смертности была характерна для женской части населения. Если среди мужчин доля лиц старше 60 лет во всей совокупности умерших составляла I8%, то среди женщин - более 22%, удельный вес возрастной группы 0-4 года соответственно 39 и 40%.

Обращают на себя внимание огромные величины младенческой смертности.

В I942 г. в России младенческая смертность перекрыла все мыслимые пределы, перевалив за отметку 300%, а в городах вплотную приблизившись к 350%. Именно детская смертность лежала в основе роста общих коэффициентов смертности тылового населения страны.

Особенно высокие показатели младенческой смертности были характерны для районов массового вселения эвакуированных и для территорий, освобожденных от оккупантов зимой I94I-I942 гг. В городах Томской области уровень младенческой смертности в I942 г. достиг 442%, Тюменской - 440, Калининской - 363, Московской области - 405%[I4]. Повышение величины детской смертности, заметно перекрывавшее средние по России показатели, было характерно также для Вологодской,

Таблица 5

Сведения об умерших по возрасту. 1942 г.
(35 территорий России)*

Возраст умерших (лет)	Оба пола	В том числе:	
		мужчины	женщины
0-4	40,4	39,7	40,4
В т.ч. до 1 года	22,8	22,4	22,8
5-9	3,1	2,9	3,1
10-14	1,8	1,8	1,8
15-19	2,8	3,3	2,8
20-24	2,4	2,7	2,4
25-29	2,7	3,1	2,7
30-34	3,4	4,1	3,4
35-38	3,8	4,6	3,8
40-44	3,9	4,7	3,9
45-49	4,0	5,0	4,0
50-54	4,1	4,9	4,1
55-59	4,5	5,0	4,5
70 и старше	22,4	18,3	22,4
Возраст неизвестен	0,7	0,9	0,7
Всего	100,0	100,0	100,0

* Сост. по: РГАЭ. Ф.1562. Оп.329. Д.799. Л.3-3 об.

Молотовской, Свердловской, Горьковской, Кировской, Ивановской, Омской областей[15]. Из отдельных городов наибольшее увеличение детской смертности произошло в Архангельске, Свердловске, Молотове, Новосибирске, Саратове, Куйбышеве, Кирове, Омске, Горьком[16].

Факторы роста смертности

Начальный период Великой Отечественной войны характеризуется резким снижением потребления. Уровень и структура питания претерпели столь серьезные изменения в худшую

Таблица 6

Младенческая смертность в России. 1940-1942 гг.
(На 1000 родившихся умерло в возрасте до 1 года)*

Год	Все население	В том числе:	
		городское	сельское
1940	214,3	224,1	209,4
1941	196,7	203,7	193,1
1942	313,7	344,6	296,7

* Сост. по: РГАЭ. Ф.1562. Оп.329. Д.402. Л.57-57 об.; Д.546. Л.15; Д.797. Л.13.

сторону, что правительство не только вынуждено было перевести городское население на карточную систему снабжения, но и разрешить употребление продуктов, ранее запрещенных санитарным законодательством, а также многочисленных заменителей: финозного мяса, солодового молока, мясо-растительной колбасы, сахарина, мелассы, альбутина. Вследствие применения суррогатов резко возросло число пищевых отравлений, а безбелковое голодание и авитаминозы отрицательно сказывались на здоровье людей, обусловливали снижение сопротивляемости человеческого организма.

Трудное положение сложилось при обеспечении продуктами детей. В докладной записке наркома здравоохранения РСФСР А.Ф.Третьякова, направленной в конце 1941 г. в СНК РСФСР, подчеркивалось: "Набор продуктов, предусмотренный продовольственными карточками, не обеспечивает нормального развития ребенка и не создает необходимых условий для предупреждения среди детей высокой заболеваемости и смертности"[17]. Многие дети, оставшиеся без родителей, не могли отоварить имеющиеся у них карточки и, как указывал А.Ф.Третьяков в аналитической записке о причинах роста детской смертности, "фактически питаются одним хлебом"[18].

Продовольственные трудности в первую очередь коснулись жителей села. Горожане недоедали, но они все же получали хлеб по карточкам, что обеспечивало минимум потребления.

Сельские жители должны были рассчитывать исключительно на свои собственные силы. Сельскохозяйственная продукция, производство которой резко сократилось, почти полностью изымалась в государственный фонд.

Не лучше было положение со снабжением населения промышленными товарами. Люди испытывали острый дефицит одежды, обуви, белья, мыла. Строительство жилья почти прекратилось. Между тем, в тыловые районы переместились миллионы эвакуированных из прифронтовой зоны. Их размещали, уплотняя местных жителей, приспосабливая под жилье склады, чердаки, сараи, недостроенные дома. Люди селились в общежитиях с трехъярусными нарами, в бараках, землянках, вагончиках, палатках.

Но определяющим фактором роста смертности населения России во второй половине 1941 г. - в 1942 г. явились массовые перемещения населения по территории страны. На запад шли воинские эшелоны. Во встречном направлении, в условиях ужасающей антисанитарии, отсутствия чистой воды и продовольствия двигались эвакуированные и спецпереселенцы. В течение июля-декабря 1941 г. на восток СССР было эвакуировано около 17 млн. чел. Второй этап эвакуации развернулся летом и осенью 1942 г. Всего в 1941-1942 гг. в тыловые районы страны было вывезено 25 млн. чел.[19]

Санитарные службы оказались неподготовленными к массовым перевозкам людей. Противоэпидемические мероприятия практически не проводились. Медицинская помощь отсутствовала. В отчете Госсанинспекции по Новосибирской области за 1942 г. содержится весьма примечательное признание того факта, что "большинство эшелонов, ... прошедших через узловые станции, не проходили санобработки на местах формирования, а многие из них и на крупных станциях в пути: продолжительность пребывания в пути этих эшелонов составляла не менее одного месяца"[20]. Между тем, только через Новосибирск в 1942 г. проследовало 322 эшелона с 742 тыс. пассажиров[21].

В таких условиях первоначально спорадические вспышки инфекционных заболеваний не могли не перерасти в эпидемии. Этому в значительной степени способствовал тот факт, что

люди, заболевшие в пути острозаразными болезнями, не изолировались, а долгое время оставались среди здорового населения. По данным О.В.Барояна, в 1941-1942 гг. в СССР было зарегистрировано 800 тыс. заболеваний сыпным и брюшным тифом, 700 тыс. случаев коклюша, 1,6 млн. случаев кори[22]. Особенно круто возросла инфекционная заболеваемость в районах массового вселения эвакуированных - в Поволжье, на Урале, в Западной Сибири. К примеру, только в Алтайском крае заболеваемость в 1942 г. превысила уровень 1940 г. по сыпному тифу в 6 раз, по паратифу - в 7, по брюшному тифу - в 3 раза[23]. Одновременно органы санитарной статистики все чаще стали фиксировать болезни, вызванные авитаминозом - паратит, цингу, пеллагру.

И все же, в целом по России рост инфекционной заболеваемости не был столь резким, чтобы вызвать массовое вымирание населения.

Данные табл. 7 свидетельствуют о крутом увеличении заболеваемости населения СССР такими крайне опасными инфекциями, как сыпной тиф (рост более чем в 14 раз) и брюшной тиф (рост в 1,8 раза), дифтерия (рост в 1,2 раза). Вместе с тем, в 1942 г. понизилась заболеваемость скарлатиной, корью, коклюшем.

Следовательно, причины роста смертности в начале Великой Отечественной войны нельзя искать только в повышенной болезненности населения России. Основную роль, скорее всего, играло снижение способности общества сопротивляться ухудшению условий внешней среды. Спустя несколько лет после описываемых событий заместитель наркома здравоохранения СССР Н.Н.Приоров отметил, что в 1941-1942 гг. было допущено "ослабление руководства гражданской сетью лечебно-профилактических учреждений"[24]. В действительности речь должна вестись не об "ослаблении руководства", а о почти полном развале системы медицинских служб страны.

Заводы и фабрики, выпускавшие лекарственные препараты, с началом войны оказались на территории, оккупированной немецко-фашистскими войсками. Ряд предприятий был демонтирован и находился в пути - следовательности, они прекратили

Таблица 7

Число зарегистрированных инфекционных заболеваний по сопоставимой территории СССР, 1940–1942 гг. (без районов, подвергшихся оккупации) тыс. случаев*

Вид заболеваний	1940 г.	1942 г.	1942 г. в % к 1940 г.
Брюшной тиф	64	116	181,3
Сыпной тиф	25	363	1452,0
Возвратный тиф	0,2	0,1	50,0
Скарлатина	130	105	80,0
Корь	713	370	51,9
Коклюш	265	228	86,0
Дифтерия	120	148	123,3

* Сост. по: РГАЭ. Ф.1562. Оп.329. Д.2248. Л.23, 26.

работу. В сущности, выпуск медицинских препаратов прекратился. По сравнению с предвоенным периодом, к ноябрю 1941 г. медицинская промышленность выпустила всего 8,4% лекарственных средств[25]. В 1942 г. по отношению к 1940 г. производство столь необходимых больным и раненым препаратов сульфаниламида уменьшилось в 2,2 раза, акрихина – более чем в 14 раз, кофеина – в 6, салициловых препаратов – почти в 7 раз, фенацетина – в 33, а пирамидона – в 199 раз[26].

Значительный урон понесла созданная в предвоенные годы система противоэпидемических служб. На оккупированной территории осталось 70% имевшихся в СССР к началу войны санитарно-бактериологических станций, 34% дезопунктов, 73% имевшихся дезотрядов[27]. В связи с призывом в армию в тыловых районах резко сократилось количество врачей, фельдшеров, медицинских сестер. Уменьшилось количество мест в больницах. И если в январе 1941 г. в городских больницах СССР имелось 197 тыс. мест, то в январе 1942 г. – 155 тыс. (по сопоставимой территории)[28]. По сути, во второй половине

1941 – в 1942 гг. гражданское население тыловых районов России осталось фактически без медицинской помощи. Соответственно уровень летальности – этот важнейший показатель эффективности работы органов здравоохранения резко повысился. В 1942 г. в СССР (по сопоставимой территории, не подвергшейся оккупации) летальность по отношению к 1940 г. возросла от скарлатины – на 9,7%, от дифтерии – на 24,8, от кори – на 5,8%[29]. Это значит, что число выздоравливающих уменьшалось, а количество смертельных исходов увеличивалось.

Структура причин смерти

С позиций анализа смертности как социального процесса особое значение имеет деление причин смерти на две группы: эндогенные (результат внутреннего состояния организма) и экзогенные (результат внешнего воздействия, условий жизни, питания, здравоохранения и т.д.). В структуре причин смерти населения России в 1942 г. возросла доля экзогенных воздействий, что в конечном итоге и привело к резкому увеличению размеров сверхсмертности.

Таблица 8

Причины смерти городского населения России, 1942 г.*

Причины смерти	Тыс. чел.			Доля в %		
	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола
I	2	3	4	5	6	7
Острые инфекции	59593	50164	109757	12,3	14,0	13,1
в том числе:						
– тиф (все виды)	6258	5873	12131	1,3	1,6	1,4
– корь	11544	11418	22962	2,4	3,2	2,7
– скарлатина	2225	2041	4266	0,5	0,6	0,5
– коклюш	2288	2854	5142	0,5	0,8	0,6
– дифтерия	5696	5407	11103	1,2	1,5	1,3
– грипп	2243	1827	4070	0,5	0,5	0,5
– дизентерия	17557	13342	30799	3,6	3,7	3,7

I	2	3	4	5	6	7
- гемоколит	5244	2018	7262	I,I	0,6	0,9
- прочие острые инфекции	6538	5484	I2022	I,2	I,5	I,5
Хронические инфекции	61859	35240	97099	I2,8	9,9	II,6
в том числе:						
туберкулез (все виды)	60654	34423	95077	I2,6	9,6	II,3
- сифилис (все виды)	510	255	765	0,I	0,I	0,I
- малярия	595	488	I083	0,I	0,2	0,2
- прочие хронические инфекции	I00	74	I74	0,0	0,0	0,0**
Насильственные смерти	3I69	I735	4904	0,7	0,5	0,6
в том числе:						
- убийство	774	452	I226	0,2	0,I	0,2
- самоубийство	I823	I062	2885	0,4	0,3	0,3
- неустановлено убийство или самоубийство	572	22I	793	0,I	0,I	0,I
Травмы	I6708	897I	25679	3,5	2,5	3,I
в том числе:						
- производственные	I055	327	I382	0,2	0,I	0,2
- непроизводственные	692I	3858	I0779	I,4	I,I	I,3
- прочие	8732	4786	I35I8	I,9	I,3	I,6
Рак (все виды)	9839	I0834	20673	2,0	3,0	2,5
Новообразования доброкачественного характера	344	396	740	0,I	0,I	0,I
Ревматизм	3I2	473	785	0,I	0,I	0,I
Диабет	2I3	2I3	426	0,0	0,I	0,I
Менингит (неэпидемический)	4874	3925	8799	I,0	I,I	I,0
Артериосклероз мозга	6832	80I9	I485I	I,4	2,2	I,8
Грудная жаба	I683	II08	279I	0,3	0,3	0,3
Прочие болезни сердца	58652	55300	II3862	I2,I	I5,5	I3,6
Болезни органов кровообращения	4265	4838	9I03	0,9	I,4	I,I
Воспаление легких (все виды)	72006	52II8	I24I24	I4,9	I4,6	I4,8

I	2	3	4	5	6	7
Прочие болезни органов дыхания	7226	3334	I0560	I,5	0,9	I,3
Токсическая диспепсия	204I4	I9034	39448	4,2	5,3	4,7
Острый гастроэнтероколит	30236	22754	52990	6,3	6,4	6,3
Аппендицит	350	I99	549	0,I	0,I	0,I
Болезни печени, желчных путей и желчного пузыря	993	I0I3	2006	0,2	0,3	0,2
Прочие болезни органов пищеварения	I0920	5630	I6556	2,3	I,6	2,0
Карбункул, фурункул, флегмона, абсцесс	I370	922	2292	0,3	0,3	0,3
Воспаление почек	5333	4369	9702	I,I	I,2	I,2
Болезни беременности, родов и женских половых органов	-	I894	I894	-***	0,5	0,2
Болезни новорожденных	II424	934I	20765	2,4	2,6	2,5
в том числе:						
- врожденная слабость	3875	3079	6954	0,8	0,9	0,8
- преждевременные рождение	3808	3346	7I54	0,8	0,9	0,9
- врожденные пороки развития	I628	I378	3006	0,3	0,4	0,4
- прочие болезни новорожденных	2II3	I538	365I	0,5	0,4	0,4
Прочие причины смерти	63565	36759	I00324	I3,2	I0,3	II,9
Неточно обозначенные и не вошедшие в классификацию I942 г.	29233	I8099	47332	6,0	5,0	5,3
Всего	482570	357525	840095	I00,0	I00,0	I00,0

* Сост. по: РГАЭ. Ф.I562. Оп.329. Д.80I. Л.5-5 об.

** 0,0 - величина менее 0,1%.

*** Явление отсутствует.

Причинами смерти городского населения России в 1942 г. (по сельской местности подобная статистика отсутствует) стали болезни, носившие отчетливо социальный характер: острые инфекции - в основном корь, дизентерия, тиф, туберкулез, воспаление легких, желудочно-кишечные заболевания, травмы. Структура причин смерти свидетельствует, что условия жизни населения тыловых районов страны резко ухудшились, а органы здравоохранения не в состоянии были противостоять напору неблагоприятных факторов внешней среды.

Смертность неординарных групп тылового населения

Еще одним фактором, стимулирующим рост смертности населения в тылу, явилась огромная смертность среди спецпереселенцев и заключенных. Учет показателей рождаемости и смертности среди спецпереселенцев был налажен только в 1944 г. До этого времени имеются лишь отрывочные, косвенные данные, которые не дают возможности даже приблизительно оценить динамику смертности. Но во всяком случае, спецпереселенцы были поставлены на грань физического уничтожения. В акте обследования условий существования немцев, депортированных в Красноярский край, инспектор Госсанинспекции записал: "Все спецэвакуированные размещены под открытым небом. Кипяток готовится на таганках, воду берут из колодца и из реки. Горячее питание получают только I раз в день - одно I-е блюдо и 500 гр. хлеба. Уборных нет. Вся территория загажена экскрементами. Через медпункт прошло I22 чел., из которых I6 с желудочно-кишечными болезнями"[30]. По свидетельству Э.Беккера, значительная часть немцев, попавших в лагеря и трудовые армии, погибла от голода и болезней[31].

Историкам, демографам и статистикам еще только предстоит проделать работу по выявлению и анализу сведений о заключенных. Но уже сейчас имеющиеся материалы позволяют с достаточной уверенностью сделать вывод: уровень смертности заключенных в 1942 г. достиг катастрофической величины. И если в 1940 г. из каждой 1000 узников ГУЛАГа погибло 33 чел., то в 1941 г. - 65, в 1942 г. - 227

чел.(!)[32]. Люди погибали в таких количествах, что в начале 1943 г. начальник ГУЛАГа НКВД старший майор госбезопасности Наседкин вынужден был разрешить погребение погибших заключенных без гробов, белья и в братских могилах[33].

Основными факторами сверхсмертности заключенных были хроническое голодание, нечеловеческие условия быта, напряженный физический труд, отсутствие медицинской помощи. В совокупности это приводило к быстрому износу человеческого организма, вызывало авитаминоз, пищевые отравления, туберкулез, желудочно-кишечные и гнойничковые заболевания.

Именно экзогенные воздействия стали в 1942 г. основными причинами смерти населения России. Они унесли сотни тысяч жизней и явились главной причиной демографической катастрофы, разразившейся в тыловых районах страны.

I Ильина И.П. Влияние войн на брачность советских женщин // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977.

2 Сифман Р.И. К вопросу о причинах снижения детской смертности в годы Великой Отечественной войны // Продолжительность жизни: Анализ и моделирование. М., 1979.

3 Соколов Б.В. О соотношении потерь в людях и боевой технике на советско-германском фронте в ходе Великой Отечественной войны // Вопр. истории. 1988. № 9; Нестеров Л. Цена войны // Вест. статистики. 1990. № 5 и др.

4 Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986; Исупов В.А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х - конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991.

5 Wheatcroft S.G. Famines and factors affecting mortality in the USSR: The demographic crises of 1918-1922 and 1930-1933 // Famine in history newsletter. Budapest, 1982; Rosefielde S. The First "Great Leap Forward" Reconsidered Lessons of Solzenitsyn's gulag Archipelago// Slavic Review, 1980. N 4.

6 Anderson B., Silver B. Demographic Analysis and Population Catastrophes in the USSR // Slavic Review. Vol. 44. N 3; Dyadkin I.G. Unnatural Deaths in the USSR, 1928-1954. New Brunswick; London, 1983.

7 РГАЭ. Ф.1562. Оп.329. Д.546. Л.14; Д.797. Л.13.

8 Там же. Д.791. Л.68.

9 Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С.424.

10 РГАЭ. Ф.1562. Оп.329. Д.791. Л.66.

11 Государственный архив Алтайского края, далее - ГААК. Ф.635. Оп.2. Д 74. Л.76 об.

12 РГАЭ. Ф.1562. Оп.329. Д.540. Л.57.

13 Там же. Д.1471. Л.22.

14 ГАРФ. Ф.374. Оп.11. Д.158. Л.99-99 об.

15 Там же. Ф.482. Оп.47. Д.447. Л.10.

16 Там же. Д.440. Л.16.

17 Там же. Л.41.

18 Там же. Л.21.

19 Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: Энциклопедия. М., 1985. С.803; Эшелоны идут на Восток: Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941-1942 гг. М., 1966. С.13.

20 ГАРФ. Ф.9226. Оп.1. Д.483. Л.89 об.

21 Там же.

22 Бароян О.В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии. М., 1968. С.56, 103, 121, 143.

23 ГААК. Ф.726. Оп.3. Д.35. Л.6 об.

24 Приоров Н.Н. Важнейшие задачи органов здравоохранения на 1946 год // Советская медицина. 1946. № 1-2. С.1.

25 Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: Энциклопедия. С.440.

26 РГАЭ. Ф.4372. Оп.46. Д.835. Л.11.

27 ГАРФ. Ф.9226. Оп.1. Д.636. Л.38, 40.

28 Советская мадицина. 1944. № 6. С.1.

29 Рикман О.А. Детские инфекции в годы Великой Отечественной войны // Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации: Труды второй конференции (17-19 дек. 1946 г.). М., 1948. Т.1. С.152.

30 ГААК. Ф.1384. Оп.1. Д.133. Л.34.

31 Беккер Э. Возвращение на круги своя (немцы в России и СССР) // Форум. 1986. № 15. С.92.

32 Рассчитано по данным: Аргументы и факты. 1989. 11-17 ноября; Дугин А. Сталинизм: легенды и факты // Слово. 1990. № 7. С.23.

33 ГААК. Ф.635. Оп.2. Д.74. Л.76.

О.М.Вербицкая

КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ В 20-50-е ГОДЫ

Изучение истории крестьянской семьи в настоящее время актуально, как никогда прежде. Демографический кризис, переживаемый Россией в последние десятилетия, самым непосредственным образом отражается на семье, приобретая именно в ней наиболее явственные черты. Некогда прочный институт семьи ныне сильно зашатался: постоянно растет количество разводов, резко упала рождаемость, все больше становится так называемых неполных семей и т.п.

Кризис современной семьи - явление общемирового порядка, но на эволюции российской семьи сказались не только глобальные тенденции. Тяжелую печать на ней оставили и многочисленные социально-экономические преобразования XX в., причем не только со стороны большевиков, но и нынешних так называемых "демократов", немало способствовавших своей несбалансированной политикой резкому падению жизненного уровня и соответствующему снижению потенциала средней российской семьи.

Четкий отпечаток происшедших перемен несет на себе крестьянская семья, которая из некогда полнокровной и самодостаточной ячейки общества в целом ряде центральных областей Российского Нечерноземья как таковая постепенно исчезает. Здесь во многих еще сохранившихся деревнях основную часть поредевшего населения сегодня составляют одинокие пожилые люди. Наряду с этим, очевиден переворот в осознании крестьянством главных жизненных ценностей. Так, если раньше единоличный крестьянин был заинтересован в рождении и воспитании большого количества детей - потенциальных помощников и работников в семейном хозяйстве, то в условиях колхозной действительности, когда крестьянский двор фактически утратил свою самостоятельную производственную функцию, а трудовая деятельность взрослых членов почти полностью переместилась в сферу колхозного и общественного производства, исчезла и заинтересованность крестьянской семьи в большом количестве детей[1].

Постепенная смена демографических установок у крестьянской семьи привела к далеко идущим последствиям, так как крестьянство в России долгое время составляло подавляющее большинство населения. В частности, изменение репродуктивного поведения крестьянства сыграло решающую роль в постепенном переходе в России от многодетной семьи к преимущественно средней и малодетной. Мало того, постепенное сокращение численности и удельного веса сельского населения не могло не привести к все большему распространению городских семей вместо традиционного для России преобладания сельских (крестьянских) семей.

Для правильного понимания причин и исторических условий, так или иначе повлиявших на развитие крестьянской семьи в данном направлении, и более точных, научно обоснованных прогнозов необходимы серьезные исследования ученых. Сегодня всем понятно, что для благополучной демографической ситуации в стране необходима эффективная государственная политика в области народонаселения, опирающаяся на добротный анализ общих тенденций и закономерностей предыдущего развития.

Однако в обществоведческой литературе особенности развития крестьянской семьи, в том числе и на этапе 20-50-х гг., совершенно не изучены. К настоящему времени уже нет недостатка в постановках и разработке общетеоретических и методологических вопросов данной проблемы: демографами выработан необходимый инструментарий специальных терминов, определены основной круг и методика обработки и использования фактического материала. Но отсутствие специальных исследований о крестьянской семье в исторической ретроспективе тормозит дальнейшее изучение и понимание современных тенденций в демографическом развитии России.

Вопрос о семье, особенностях ее исторического развития невозможно обойти в целом ряде научных дисциплин, где в центре внимания находится человек (право, медицина, педагогика, психология, этнография, экономика, социология, статистика и, наконец, демография), в силу чего уже сделанное учеными-предшественниками требует дальнейшего

продолжения. В последующем изучении, восполнении имеющихся пробелов, представляется, основную роль предстоит сыграть именно специалисту по исторической демографии. Назрела необходимость перейти на качественно более высокий уровень исследования исторических проблем семьи: простую констатацию количественных и качественных изменений в составе отдельных групп населения дополнить углубленным анализом факторов и причин, обусловивших данные сдвиги, непосредственно увязывая их с конкретными событиями прошлого.

При изучении истории крестьянской семьи возникают особые трудности, вызванные как заметно меньшим интересом к ней со стороны предшественников (а в итоге - более слабой разработкой), так и состоянием источниковой базы. Пожалуй, именно последнее обстоятельство и сказалось в том, что крестьянская семья изучена в гораздо меньшей степени, чем семья городская.

В настоящее время в научной литературе сложилось следующее понимание термина "семья". Ее рассматривают как "основанное на браке или кровном родстве объединение людей, связанных общностью быта и взаимной ответственностью. Будучи необходимым компонентом социальной структуры любого общества и выполняя многие социальные функции, семья играет важную роль в общественном развитии"[2].

Представляется, что данное определение раскрывает большинство основных сторон и связей института семьи, акцентируя кровно-родственную близость между отдельными членами, существующее между ними единство и общность в вопросах организации повседневной жизни и воспитании подрастающего поколения. Однако к этому необходимо добавить и такую важную характеристику, как относительную хозяйственную самостоятельность семьи. Семья только тогда и является таковой, когда ее члены связаны единым семейным бюджетом, т.е. когда заработки всех трудоспособных членов семьи создают базу для потребления всеми, в том числе и нетрудоспособными, материальных и духовных ценностей, необходимых человеку для поддержания жизни. Поэтому,

наряду с проблемами чисто демографическими, связанными с воспроизводством населения, при изучении семьи, на наш взгляд, отнюдь не второстепенное значение имеют вопросы формирования семейного бюджета, труда различных членов семьи, потребления и т.д.

Основные стороны функционирования семьи исторически меняются в зависимости от происходящих событий, которые накладывают на нее свой отпечаток. Понятно, что научные дисциплины имеют дело не с отдельной семьей, а со многими совокупностями семей, изучают наиболее типичные их черты, типы, различные стадии жизненного цикла, семейное положение различных членов, их возраст и т.п. - все это изучается на обобщенном материале. В каждый данный момент семейный состав населения отражает поло-возрастную и брачную структуру населения, сформировавшуюся под влиянием демографических процессов в прошлом. Отсюда вытекает огромная важность изучения демографического развития семьи с исторической точки зрения.

Итак, на протяжении XX в., особенно в советский период истории, традиционный институт семьи в России претерпел существенные перемены. В целом они были вызваны особенностями исторического развития, в том числе и резким обновлением политической, экономической и социальной структур советского общества. Насильственное пресечение естественного хода событий в результате революции 1917 г. повлекло за собой целый ряд демографических кризисов и катастроф (гражданская война, голод начала 20-х и 30-х гг. и др.). Резко сократили численность, ухудшили качественный состав населения деревни и такие социальные потрясения, как коллективизация крестьянских хозяйств, раскулачивание и высылка кулацких семей, индустриализация страны и последовавшая за ней усиленная миграция сельского населения из деревни в город. Особо тяжелый след оставила и Великая Отечественная война 1941-1945 гг., унесшая многие миллионы жизней и изуродовавшая на многие годы поло-возрастную структуру сельского населения России.

Одновременно с отмеченными событиями происходили и

большие изменения в идеологической надстройке: ранее повсеместно господствовавшее религиозное сознание претерпело массовую и форсированную попытку привития коммунистического, атеистического мировоззрения. Что касается семьи и внутрисемейных отношений, то здесь налицо, по крайней мере - формальные, изменения в способах познания личностью окружающего мира. В массовом масштабе произошла секуляризация сознания, поскольку влияние церкви на формирование личности было резко ограничено. Это очень существенно повлияло на положение женщины в обществе и семье. Юридическое уравнение в правах мужчин и женщин, массовое вовлечение женщины в различные сферы общественного производства, хотя и имело зачастую вынужденный характер, все же на деле обеспечило ей относительную независимость от мужа и семьи.

Эти перемены в известной мере способствовали дальнейшей эволюции семьи, развитию и преодолению кризиса семейных патриархальных отношений, что явно ощущалось уже в начале 20-х гг. Однако из-за противоречивости происходящих перемен, непоследовательности их осуществления семья столкнулась с новыми проблемами. В итоге, постепенно утрачивая способность выполнять многие исконно присущие ей функции, семья оказалась перед новым кризисом. Это - существующая в общественном сознании неудовлетворенность низким уровнем материальной обеспеченности, не позволяющим большинству семей иметь желаемое количество детей, ослабление крепости семейно-родственных уз, возможность и готовность родственников к взаимовыручке и помощи, все более развивающееся чувство одиночества личности в семье и т.п. Иными словами, семья сегодня оказывается не в состоянии выполнять многие традиционно возлагаемые на нее обществом функции психологической рекреации, обеспечивать человеку надежный "тыл" от различных внешних конфликтов, а также задачи полноценного всестороннего воспитания подрастающего поколения, прививания ему здоровых морально-нравственных принципов. Эти перемены произошли не вдруг, они вызревали на протяжении нескольких предыдущих десятилетий.

Таким образом, наиболее существенные изменения в кре-

стьянской семье, начиная с 20-х гг., вкратце можно охарактеризовать следующим образом, выделив в ее развитии основные моменты:

I. За истекший период крестьянская семья в России потеряла свое доминирующее положение в обществе. Этот вывод следует из резкого снижения численности и удельного веса сельского населения РСФСР за 80 с небольшим лет. В 1926 г. сельское население республики насчитывало 73,1 млн. человек (83% общей численности), а в 1959 г. - соответственно 55,9 млн. (52%)[3]. Об этом же убедительно свидетельствует и сокращение в 3 раза дееспособного населения России, имевшего в те годы сельскохозяйственные занятия: с 45,7 млн. человек - в 1926 г. до 14,9 млн. - в 1959 г.[4], и особенно чисто крестьянского населения, ставшего с 30-х гг. членами колхозов, которое только за период с 1940 по 1960 г. по разным причинам уменьшилось в 1,6 раза[5].

Постоянная убыль сельского, и в том числе крестьянского населения привела к соответствующему уменьшению доли его семей в общем составе населения России. Уже к моменту переписи 1959 г. сельское население уступало по численности городскому и составляло в целом по РСФСР 47,5%. Данная тенденция постоянного снижения доли сельских семей оказалась необратимой. Так, только за период между двумя Всесоюзными переписями 1926 и 1939 гг. доля сельских семей уменьшилась в 2 раза, продолжая постоянно снижаться и в последующие годы. Если в 1939 г. она составляла еще 66%, в 1959 г. - 47,5%, то в 1970 г. - 42, в 1979 г. - 36 и в 1989 г. - всего 32%[6].

2. Средний размер крестьянской семьи заметно уменьшился. И хотя не менее 9/10 общего количества населения России жило и по-прежнему предпочитает жить в семьях, их средняя величина постоянно уменьшается. К сожалению, материалы Всесоюзных переписей 1926 г. и 1939 г. не содержат данных о количественном составе сельских семей. Однако о тенденции постоянного уменьшения величины семьи в РСФСР говорят усредненные цифры о ней: в 1939 г. число членов средней российской семьи составляло 4,1, в 1959 г. - 3,7, а в 1989 г. - уже 3,5

человека. Иными словами, в России происходит постоянное сокращение средней семьи и за 50 лет она стала меньше на 15%. Этот процесс идет медленно, но достаточно верно.

Уменьшение среднего размера семьи объясняется падением рождаемости и, как следствие, заметным сокращением доли крупных семей (с 5 и более членами): в расчете на 1 тыс. сельских семей в 1939 г. их было 420, а в 1959 г. - только 299[7]. В последующие годы количество крупных семей, в том числе и многодетных, снижается еще быстрее.

3. За исследуемые годы в эволюции семьи прослеживается четкая тенденция к постепенному преобладанию малых нуклеарных семей. К настоящему времени в населении сложилось 3 основных типа нуклеарных семей. А) Супружеская пара с детьми или без них - простая нуклеарная семья; Б) Один из родителей с детьми - неполная нуклеарная; В) Супружеская пара с детьми или без них, но с одним из родителей супругов или другим родственником - сложная нуклеарная семья. Этот последний тип семей быстро исчезает, в том числе и в сельской местности.

В последние десятилетия доля нуклеарных семей быстро увеличивается, в то время как доля сложных семей уменьшается.

4. Брак. За годы рассматриваемого 40-летнего периода неоднократно менялось отношение населения к браку. После Октябрьской революции и примерно до начала 50-х гг. как в городах, так и в сельской местности, наряду с юридически оформленными браками, заметное распространение получили так называемые гражданские, фактические браки. Это были не регистрированные ни в церкви, ни в ЗАГСе, но тем не менее признаваемые обществом формы сожительства супругов. Вплоть до 1944 г., когда был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР об обязательной регистрации брака, законодательство большинства союзных республик, в том числе и РСФСР, допускало признание в судебном порядке юридической силы за фактическим обраком. После введения в действие упомянутого Указа установление фактических брачных отношений не допускалось. Поэтому с конца войны и в первые

послевоенные годы в органах ЗАГСа было зафиксировано рекордное число брачных союзов. В 1950 г., например, в стране на каждую тысячу человек населения регистрировалось 11,6 брака против 6,3 - в 1940 г.[8] В этот период в ЗАГСах регистрировались браки как со стороны только что вступивших в брачные отношения пар, так и тех, кто до этого уже прожил в качестве мужа и жены определенное время, юридически не оформляя свой союз.

5. Разводы в среде сельского населения постепенно перестали быть исключительно редким явлением. В целом уровень разводимости определяется многими причинами, в том числе и существовавшим в разные годы законодательством о расторжении брака. В дореволюционной России эта функция, как и заключение брака, находилась в ведении церкви, что в огромной степени затрудняло разводы, особенно для православного населения. Поэтому число фактических разводов между супругами во много раз превышало количество юридически оформленных. Передача обязанностей учета естественного движения населения светским органам - ЗАГСАм в условиях, когда признавался фактический брак, значительно упростила процедуру развода. Число юридически оформленных разводов выросло и стало отражать реальную картину с распавшимися брачными союзами. В 1927 г., например, разводимость в России была очень высокой: в городе на каждую 1 тыс. заключенных браков приходилось в среднем около 465 разводов, в том числе по крупным городам с населением более 100 тыс. человек - 607,7, а в сельской местности - примерно 225 разводов. Понятно, что в эти годы во многих случаях, наряду со "свежими" разводами, оформлялся фактический распад семьи, имевший место в прошлом. В 1936 г. разводимость брачных пар заметно снизилась и составляла соответственно: по городам - 214 разводов на каждую тысячу заключенных браков (в том числе по крупным городам - почти 230) и по сельской местности - 166[9]. В дальнейшем, пережив этап существенного падения в послевоенные годы, число разводов стало примерно с начала 60-х гг. постепенно увеличиваться. В то же время приведенные данные о числе разводов свидетельствуют, что по сельской местности они хотя и были чуть ли не в 2 раза ниже, чем в городах, все же после революции развод и в деревне перестал быть исключительным явлением.

6. Появление детей в семье как, и их общее количество, тесным образом связано с материальным уровнем жизни, общим уровнем рождаемости, а также младенческой и детской смертностью. Именно в рождении на свет детей и заключается основная функция семьи - воспроизводство населения. В демографии семья рассматривается главным образом под углом зрения воспроизводства населения, в связи с чем на передний план выдвигается репродуктивная функция семьи. В целом за годы исследуемого периода среднее число рождений, приходящееся на одну женщину в детородном возрасте, снизилось, что с учетом других факторов сказалось на уменьшении числа детей в средней российской семье.

7. Проблема основных функций семьи. Кроме уже упомянутой главной ее задачи - воспроизводства населения, семья традиционно выполняет и другие функции: воспитание подрастающего поколения, передача культурно-бытовых и нравственных традиций от родителей к детям. Кроме того, именно в семье реализуются наиболее индивидуальные и интимные потребности и стремления людей.

Следует специально подчеркнуть, что основные функции крестьянской семьи за истекший период ощутимо перегруппировались. Если в 20-е гг., как отмечалось выше, конкретные экономические условия требовали от семьи как можно большего числа работников для семейного сельского хозяйства, возможно более раннего приобщения детей к труду, то к концу исследуемого периода социально-экономическая обстановка была уже иной. Крестьянская семья, все трудоспособные члены которой практически всегда являлись членами колхоза и были вынуждены основную часть рабочего времени отдавать общественному производству, уже не стремилась обзаводиться большим количеством детей. Изменились и ценностные ориентации - все больше крестьянских детей и подростков на примере родителей и собственном опыте убеждались, что работать на колхозной земле невыгодно, этот труд не

престижен, и что куда интереснее жить и работать в городах. Немало превращений произошло и с традиционными так называемыми родственными чувствами, готовностью членов семьи придти немедленно на помощь, выручить любой ценой. Труд отдельных членов крестьянской семьи на различных участках в колхозе, постепенное перекладывание забот по ведению крохотного приусадебного семейного хозяйства на плечи не работавших женщин и стариков, фактически разобщали семью, вырабатывали у родственников привычку рассчитывать только на собственные силы вместо прежних взаимовыручки и коллективизма.

8. Как подчеркивалось ранее, в исторической демографии семья как объект исследования, не может быть оторвана от конкретных исторических условий, в которых она функционировала. Поэтому кроме чисто демографических характеристик представляется необходимым исследование проблем трудовой деятельности крестьянской семьи, а также источников формирования семейного бюджета, размеров потребления и качества питания, обеспеченности различными товарами, услугами и т.д.

Таков, на наш взгляд, основной круг проблем, исследование которых обязательно при разработке истории крестьянской семьи. Для более полного раскрытия перечисленных выше и других, возможно, упущенных нами, сторон деятельности семьи в 20-50-е гг., необходима солидная источниковая база. Это представляет для исследователя отдельную серьезную проблему.

Важнейшим источником данных о семье должны стать переписи населения. На протяжении избранного нами периода их было несколько: в 1920, 1923, 1926, 1937, 1939 и 1959 гг. Выборочная перепись 1920 г. проводилась вместе с сельскохозяйственной переписью, ее программа содержала 18 признаков, в том числе и основные демографические вопросы. Она охватила менее 3/4 населения Советской страны, в виду военных действий.

Перепись населения 1923 г. проводилась только в городах и поэтому, несмотря на то, что одной из основных форм

опроса населения была семейная карта с массой характеристик городской семьи, для нашего исследования данная перепись представляет лишь относительный интерес, не давая конкретных сведений о семье крестьянской.

Перепись 1926 г. была первой Всесоюзной, охватывала все население страны. Однако семейная карта заполнялась опять же только в городах, хотя материал был собран наиподробнейший. Существует мнение, что аналогичное подробное обследование сельских семей предполагалось провести отдельно, спустя некоторое время. Однако последовавшие вскоре после переписи события конца 20-х гг. в деревне (коллективизация сельского хозяйства и все, что было с этим связано) вызвали настолько тяжелые последствия во всех сферах жизни не только деревни, но и всей страны, что о проведении семейной переписи среди крестьян не могло быть и речи.

Материалы Всесоюзной переписи 1937 г., как известно, в течение более 50 лет не издавались, но и недавняя их публикация показала, что они ничего дополнительного для исследования крестьянских семей не дают.

Определенная часть данных Всесоюзной переписи населения 1939 г., опубликованная для сопоставления в материалах Всесоюзной переписи 1959 г., также весьма мало содержит показателей по крестьянской семье. Возможно, новая и более пространная публикация предоставит нам больше сведений о демографическом составе сельского населения накануне войны. Известно, что переписной лист списочной формы Всесоюзной переписи 1939 г. заполнялся поквартирно, а внутри квартиры - посемейно, однако мы и поныне не знаем, в какой мере это распространялось на сельское население.

К настоящему времени из опубликованных материалов переписи 1959 г. в сравнении с 1939 г. имеются сведения лишь об общем числе сельских семей (по различным категориям), а также их численный состав (величина). Возможно, более пространная публикация материалов Всесоюзной переписи 1939 г., которая сейчас осуществляется Институтом Российской истории РАН, обогатит уже имеющиеся об этом представления.

Минимально необходимые сведения о сельской семье представлены в уже упоминавшихся итогах Всесоюзной переписи населения 1959 г. Эта перепись дает многие важные демографические характеристики сельского населения о его занятиях, основных источниках дохода, состоянии в браке, численности семей, членах семей, проживающих отдельно и вместе с семьями, главах семей, распределении семей по количеству членов.

И все же в целом материалы проводившихся в течение 20-50-х гг. переписей населения сами по себе еще не дают достаточно полного представления об эволюции крестьянской семьи. Кроме недостатка многих фактических данных, трудность работы с этим корпусом документов заключается и в недостаточной сопоставимости материалов различных переписей между собой. Данные переписей населения, даже если в них больше внимания уделено характеристике сельских семей (как за 1959 г.), сами по себе еще не позвсляют в необходимом объеме воспроизвести основные характеристики и тем более отразить их жизнедеятельность.

Во многом недостатки этого вида источников восполняются с помощью данных текущего учета населения, систематически проводившегося плановыми статистическими органами РСФСР. Это прежде всего документы Отдела демографии ЦСУ РСФСР, начиная с 1918 г. Они предоставляют богатейший материал о естественном и механическом движении населения, в том числе и сельского. Такой материал имеется практически по всем годам избранного нами периода. Данные о естественном движении населения, как правило, группировались в специальные таблицы с весьма детальными показателями рождаемости, смертности, общего количества умерших (с выделением поло-возрастных групп, в том числе и детей до 1 года), о числе браков и разводов. Эти сведения имеются практически по всем областям и краям Российской Федерации. Трудность, однако, в том, что практически полностью отсутствуют обобщающие данные по республике в целом и ее отдельным экономическим регионам.

Внимательное изучение этих материалов, их обобщение, позволяют проследить наиболее типичные черты демографичес-

кого поведения сельского населения: по возрасту вступления в брак (отдельно для жениха и невесты), о частоте заключения повторных браков, степени распространенности разводов, социальной и национальной принадлежности брачующихся и разводящихся. Детально разработаны и данные о смертности, правда, по сельскому населению их маловато. Но они дают представление о возрасте, профессии, социальному составу умерших, причине смерти и т.д. Отдельно разработаны материалы о механическом движении населения. Применительно сельскому населению это проследить не так просто, как по городскому, но при определенных источниковедческих приемах столь массивный статистический материал начинает "говорить" о миграции из села, ее основных каналах и направлениях. Представляется, что такие сведения необходимы при анализе причин уменьшения величины средней крестьянской семьи, в том числе и за счет оттока сельского населения из деревни.

Безусловно, при характеристике крестьянской семьи материалы текущего учета имеют значение важного дополнительного источника необходимых демографических сведений. Но приходится все же констатировать, что как и при анализе данных всесоюзных переписей населения, многие прямые данные о величине, составе, динамике изменений за ряд лет, похоже, вообще в природе не существуют из-за того, что специального демографического обследования и изучения крестьянских семей не проводилось вплоть до переписи 1970 г.

В известной мере недостаток прямых данных о составе крестьянских семей можно восполнить, используя налоговые сводки по единому сельскохозяйственному налогу за 20-е гг. В этих сводках крестьянские хозяйства разбиты на 9 групп, сообразно количеству земли (от 1/4 дес. до более 3 дес.), приходящемуся на одного едока. Налоговые сводки содержат сведения о количестве крестьянских дворов и числе едоков по каждой из групп. Это позволяет исчислить среднюю величину крестьянских семей в зависимости от ее земельного надела. Очень важно, что данные приведены по различным губерниям, областям и подсчитаны в целом по регионам России. Это дает возможность проследить процесс с его

особенностями как на протяжении ряда лет, так и в территориальном разрезе.

С большой полнотой многие стороны жизнедеятельности крестьянских семей раскрыты в материалах бюджетных обследований. Кроме данных о полово-возрастном составе, числе членов семьи и т.п. в них есть все необходимые сведения об использовании труда отдельных членов семьи, семейном бюджете, его доходной и расходной частях, а также о внутрисемейном потреблении. Наряду с достаточно высокой репрезентативностью этого источника (500 и более семей по каждой из обследованных областей России) достоинством крестьянских бюджетов является то, что они позволяют проследить процесс на примере одного и того же круга семей, причем за ряд лет.

Бюджетные обследования крестьянских семей восходят еще ко временам земской статистики конца XIX - начала XX в., и с небольшими перерывами систематически проводились на всем протяжении интересующего нас периода. И хотя менялась форма отчетности, полнота и круг заполняемых данных в зависимости от цели обследования, которые в годы единоличного хозяйства и существования колхозов, естественно, различались, этот источник остается важнейшим кладезем всех необходимых данных о составе семьи и важнейших сторонах ее жизнедеятельности.

Со второй половины 30-х гг. было положено начало новому виду статистических документов - ежегодной отчетности колхозов о своей деятельности. В 30-40-е гг. колхозами было охвачено более 80% сельского населения, поэтому их годовые отчеты могут считаться наряду с бюджетными обследованиями крестьянских семей ценнейшим источником по истории крестьянского населения. Они представляют собой богатейший материал не только с точки зрения производственной деятельности, трудовой активности колхозников и их участия в общественном колхозном производстве, но и в известной мере - о поло-возрастном составе крестьянства. Правда, методика выделения возрастных групп в крестьянстве, принятая в годовых отчетах колхозов, для демографов оставляет ожидать лучшего. Например, они подразделяют колхозное население

всего лишь на следующие укрупненные категории: дети до 12 лет, подростки - 12-16 лет, трудоспособные работники (женщины 16-55 лет, мужчины 16-60 лет), престарелые (мужчины старше 60 лет и женщины - старше 55 лет). Такое деление также вытекает из производственного подхода к крестьянству, прежде всего как к производящему классу.

Для нас большой интерес представляют также данные о числе колхозных (крестьянских) дворов в целом по России и на один колхоз. И хотя понятия "колхозный двор" и "колхозная семья" далеко не идентичны, все же они дают недостающие в других источниках очень важные сведения о примерной величине крестьянских семей в их динамике. Годовые отчеты колхозов также дают возможность проследить эту динамику во времени и пространстве, установить существовавшие региональные особенности в демографическом составе крестьянских семей.

Все вышеперечисленные виды источников (Всесоюзные переписи населения, данные текущего демографического учета, налоговые сводки, материалы бюджетных обследований крестьянских семей и годовые отчеты колхозов) в совокупности дают огромный фактический материал по крестьянскому населению на всем протяжении избранного нами 40-летнего отрезка российской истории.

Однако при использовании этих во многом разноплановых документов, естественно, возникают немалые трудности. Прежде всего, крестьянская семья как таковая в "чистом виде" в них, за небольшим исключением, фигурирует редко. Это вынуждает исследователей широко использовать косвенные данные, а также прибегать к различным подсчетам и экстраполяциям. Кроме того, при наложении аналогичных данных по всем типам источников обнаруживаются определенные расхождения, порой весьма существенные. Нами, например, установлено, что разночтения в количественном составе семей по данным бюджетов и годовых отчетов колхозов можно объяснить различной степенью охвата обследуемых хозяйств (семей). Эти расхождения тем существеннее, чем больше разница в количестве обследованных семей по тому или другому документу

В отношении достоверности статистических данных можно сказать, что за исключением, быть может, лишь Всесоюзной переписи населения 1939 г., которая, как известно, во многом была фальсифицирована, документы колхозной отчетности и бюджетных обследований вполне достоверны. Эта убежденность основывается на том, что все данные о крестьянской семье или хозяйстве являются усредненными, не зависящими от таких сверхвеличин, как общая численность населения страны, республики и т.д. Кроме того, представляется, что дело не столько в тех или иных десятых и сотых долях числа, сколько в тенденции, общей направленности процесса, происходящего в средней крестьянской семье, который очевиден на всех уровнях.

Кроме обширного массива перечисленных статистических фондов, естественно, при изучении крестьянской семьи необходимо использовать другие разнообразные документы: тематические статистические сборники документов (которые, как правило, почти не содержат данных о демографическом развитии, но содержат сведения о других сторонах жизни), материалы периодической печати того времени, различные документальные публикации о сельской и крестьянской жизни, в том числе воспоминания, письма крестьян и т.д. Все они дают бесценный фактический материал, столь необходимый для всестороннего изучения проблемы истории крестьянской семьи в 20-50-е гг.

В целом изучение источниковой базы по данной теме приводит к глубокому убеждению, что она вполне достаточна для освещения основных сторон функционирования этого древнейшего института жизнедеятельности человека, в том числе и на отрезке избранного нами 40-летия XX в.

И хотя в силу того, что специального демографического обследования крестьянских семей, тем более всесоюзных сельскохозяйственных переписей, в это время не проводилось и в настоящее время у нас нет возможности с бухгалтерской точностью ответить на вопрос, какой точно была величина крестьянской семьи в России в 20, 30, 40, 50-е гг., все же, представляется, что задача исследователя-историка - несколько в ином. Суть дела заключается в изучении конкретных условий ее существования, выявлении факторов, предопределивших постепенное растворение, почти полное исчезновение истинно крестьянской семьи в нашем современном обществе, утрате ею старого былого численного превосходства в общем составе населения России. Дело состоит и в том, чтобы раскрыть конкретные параметры ее демографического развития, показать общие и особенные черты эволюции крестьянской семьи как по отдельным регионам России, так и в общемировом процессе. Эти задачи могут быть решены лишь при комплексном подходе к предмету, демографические стороны которого следует постепенно увязывать с общеисторическими, экономическими и социальными явлениями данной эпохи.

---

1 См. об этом: Перковский А.Л., Пирожков С.И. Демографические потери Украинской ССР в 30-е гг. // Укр. ист.журн. 1989. № 8. С.24-25.

2 Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С.395

3 Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.: РСФСР. М., 1963. С.11.

4 Там же. С.290.

5 Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х - начало 60-х гг. М., 1992. С.84,

6 Волков А.Г. Семья - объект демографии. М., 1986. С.32; Вестн. статистики. 1990. № 6. С.78.

7 Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. С.450 (подсчеты автора).

8 Демографический энциклопедический словарь. С.435-436; ГАРФ. Ф.374. Оп.30. Д.9628. Л.7.

9 ГАРФ. Ф.374. Оп.20. Д.70. Л.34; Ф.374. Оп.23. Д.303. Л.10

О.В.Горбачев

ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОГО РАЙОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Западный район России, включающий в себя три области - Брянскую, Калужскую и Смоленскую, - отличается определенной спецификой демографических процессов. Она обусловлена выраженной мелкоселенностью, преимущественно аграрным типом хозяйства, связанным с относительной отдаленностью крупных урбанистических структур. При этом на юге района, занимаемом Брянской областью, присутствуют такие характеристики населения, которые позволяют классифицировать его по черноземному типу. В рассматриваемый период разрушительные последствия войны все еще сильно сказывались на формировании демографического лица региона.

Сельские жители традиционно составляют большинство в населении рассматриваемых областей, хотя процессы урбанизации постепенно уравнивали соотношение сельского и городского населения. Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1970 г., оно было таким:

Таблица 1

Доля городского населения в западных областях (%)*

Регион	1959 г.	1970 г.
Центральный район	59	71
Брянская область	35	47
Калужская -"-	37	52
Смоленская -"-	32	48

* См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., М., 1972. Т.I. С.10-11.

Как видим, к началу 70-х гг. перевес городских жителей в населении региона оказался незначительным, главным образом в Калужской области. В 50-е гг. перевес сельского населения все еще был устойчив, в то время как в первые годы

после войны оно преобладало: в 1946 г. в городах жило 22% брянского населения и 15% смоленского[1].

Анализ распределения сельского населения Центрального экономического района выявил следующую картину (см.табл.2).

Таблица 2

Распределение сельского населения западных областей, в % ко всему сельскому населению Центрального экономического района*

Регион	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.
Центральный регион	100	100	100	100
Брянская область	8,63	9,89	10,47	9,87
Калужская область	6,05	5,76	6,03	6,09
Смоленская область	10,33	7,60	7,26	7,15

* См.: География населения СССР в условиях НТР: Основные факторы изменения расселения. М., 1988. С.91.

Удельный вес Брянской области в сельском населегии региона, как видно из табл., возрос. Это говорило о более медленном сокращении здесь числа жителей деревни. Причиной тому стал повышенный естественный прирост, покрывавший отток населения до начала 70-х гг. - заслуга "деревенского" типа воспроизводства населения. Но перепись 1979 г. показала, что к этому времени данный фактор уже перестал действовать.

Напротив, в Смоленской области доля сельского населения быстро уменьшалась. Кроме тяжелого положения в аграрном секторе было еще несколько причин, тесно связанных с первой - наибольший военный ущерб и общая негативная направленность демографического развития области. Исследователи отмечали, что за 120 лет, с 1858 по 1978 гг., население Смоленщины почти не выросло[2].

Из чего складывались данные абсолютного сокращения сельского населения региона в различные годы послевоенной истории? Если мы возьмем 1946-47 гг., то обнаружим, что в это время действовала тенденция восстановления демографи-

ческого потенциала деревни. Около половины всех демобилизованных из армии воинов вливалось в сельское в сельское хозяйство. Например, доля демобилизованных, прибывших в село Калужской области, составляла от 46 до 57%[3]. Наиболее значительным прирост населения был в Брянской области. Даже в 1948 г. в ряде районов, в том числе Клинцовском, Погарском, Унечском наблюдалось увеличение числа сельских жителей[4]. Правда, этого прироста тогда едва хватало, чтобы обеспечить положительный среднеобластной баланс. По сравнению с предшествующим годом население области увеличилось лишь на 377 чел.[5]

В Калужской области на I января 1946 г. насчитывалось 662,6 тыс. сельского населения, т.е. на 30 тыс. больше, чем в 1945 г. В начале 1949 г. оно осталось практически на том же уровне - 662,4 тыс.[6]

На Смоленщине поначалу было такое же положение, но изначально менее устойчивое. Численность колхозного населения составляла в 1945 г. - 864,4, тыс. чел., 1946 - 835,7 тыс. чел., 1947 - 869,9 тыс. чел.[7] В 1948 г. произошло новое падение численности - на 36,5 тыс. чел., и впоследствии положительный прирост уже не наблюдался[8].

У нас нет оснований полагать, что жители области в те годы в массовом масштабе покидали село. Стихийных мигрантов было только 6,7 тыс. чел.[9] Гораздо более влиятельным фактором послужил меньший естественный прирост населения. В Смоленской области он составлял всего 9,9 тыс. чел., в то время как, например, в Брянской - 15,7 тыс. чел.[10]

Начавшееся в 1948 г. сокращение численности сельского населения было характерным не только для Смоленщины. Согласно данным, именно с 1948 г. происходит уменьшение колхозного населения по Нечерноземью в целом, а годом позже начинает сокращаться и число трудоспособных. Одновременный рост численности рабочих и служащих не нарушает общей тенденции ввиду их относительной малочисленности. Что касается Западного района, то к 1950 г. в колхозах Калужской и

Смоленской областей проживало на 14-18% меньше населения, чем в начале 1946 г.[12] Сокращение брянского колхозного населения за то же время составляло от 7 до 9%[13].

Представляется сложным определить точные размеры сокращения численности жителей села западных областей России из-за разноречивости данных. Так, Калужское облстатуправление сообщает цифры, на 18 тыс. чел. превышающие аналогичные данные Всесоюзной переписи населения 1959 г. Тем не менее, можно утверждать, что процессы депопуляции села в трех областях проходили с разной степенью интенсивности. Подъем сельской экономики, наступивший в середине 50-х гг., имел наибольшие демографические последствия для Калужской области. С 1954 по 1958 гг. здесь наблюдался рост численности жителей сел. Это произошло вследствие превышения размера естественного прироста населения над его механической убылью. Ничего подобного не случилось в Смоленской области, а в Брянской было лишь достигнуто некоторое равновесие, позволившее в течение указанного периода поддерживать численность сельского населения примерно на одном уровне. Из этого можно заключить, что внедрение нового хозяйственного механизма именно в Калужской области сталкивалось с наименьшими трудностями и поэтому дало самые ощутимые результаты. Более традиционный, с чертами патриархального уклада характер хозяйства Брянской области, и хронически страдающий от недостатка рабочих рук аграрный сектор Смоленщины не позволили им извлечь максимум пользы из новых условий. С 1944 по 1959 гг. сельское население Брянской области сократилось лишь на 67 тыс. чел. и превышало миллион. Для сравнения - в Калужской области примерно такое же сокращение произошло при вдвое меньшем населении, а в Смоленской - потери составили около 300 тыс. чел. при том, что сразу после войны ее население почти равнялось населению Брянщины[14].

Последующее развитие событий, связанное с неудачей семилетки и реформами конца 50-х - начала 60-х гг., имело чрезвычайно тяжелые последствия для Нечерноземья. Темпы сокращения населения резко увеличились. Калужская область может служить примером, иллюстрирующим среднерегиональные

показатели. За пятилетие с I960 по I964 г. убыль сельского населения здесь была такой же, как за предыдущие I6 лет[I5]. Кампания преобразований колхозов в совхозы на Смоленщине в начале 60-х гг. оказалась не способна остановить данный процесс, так как необратимые изменения уже произошли. Численность жителей села Смоленской области по переписи I959 г. составляла менее 50% довоенной[I6]. Разумеется, полумеры были здесь эффективны меньше, чем где бы то ни было, и к I970 г. село Смоленской области не досчиталось еще 200 тыс. чел.[I7]

В начале 60-х гг. был нарушен естественный баланс и в сельском населении Брянской области. Ежегодная убыль нескольких тысяч сельских жителей, которую поначалу можно было интерпретировать как погрешность исчисления, обернулась в первой половине нового десятилетия стабильным и весьма интенсивным оттоком. Потери области за I960-I964 гг. двукратно превысили сокращение I945-I959 гг.[I8] В последующие 70-е гг. миграционная активность сельских жителей снизилась и серьезных качественных изменений в составе населения не произошло. Но было бы несправедливо умолчать о том, что, начавшись позднее, процесс активной миграции из села Брянской области продолжался еще в течение нескольких лет, сменившись относительной стабильностью в середине 70-х гг.

Следует подчеркнуть взаимосвязь экономического и демографического развития села, которая, как известно, опосредована. Улучшение условий труда и жизни в определенный период (в нашем случае - в годы восьмой пятилетки) способно заставить человека отложить ранее принятое намерение переехать в город, и это свидетельствует о тесной взаимозависимости экономики и миграции как одного из видов демографических изменений. Разумеется, процессы рождаемости, смертности и естественного прироста менее подвержены внешним влияниям.

Итак, логично было бы ожидать улучшения демографической ситуации после в целом прогрессивных мер по подъему сельского хозяйства, принятых в середине 60-х гг. Улучшение действительно последовало, но оно выразилось скорее в

стабилизации процесса оттока населения. К тому же следует учитывать, что удар начала десятилетия, разрушивший структуру естественного прироста, оказался слишком силен. Поэтому демографический результат I965 г. оказался гораздо скромнее итогов I953 г.

Настоящее же значение экономических реформ для демографического развития села можно определить, проследив количественные изменения в сельском населении после прекращения действия этого фактора, по сути - в начале девятой пятилетки. При этом выясняется, что за I97I-I972 гг. сельское население западных областей России сократилось примерно так же, как за всю восьмую пятилетку (причем наибольшими потери были в Брянской области)[I9]. По результатам переписи I979 г., в Российской Федерации оставалось на 26,2%, а в Нечерноземной зоне - на 36,9% сельского населения меньше, чем в I959 г. За это же время Брянская область потеряла 39,7%, Калужская - 36,6%, Смоленская - 44,8% сельского населения[20].

С учетом того, что данные численности проживающих в конкретной местности складываются из двух составляющих - естественного и механического прироста населения - есть смысл более подробно остановиться на действии каждой из них применительно к исследуемому региону.

Специфика рассматриваемых областей состоит в том, что на протяжении очень долгого времени баланс сельского населения в них поддерживался почти исключительно благодаря естественному приросту. Невысокая по сравнению с черноземными районами отдача сельского хозяйства не привлекала сюда переселенцев, а близость промышленных центров стимулировала отток населения.

Традиционный расчет на собственные людские ресурсы впервые был поставлен под сомнение во второй половине 20-х гг., с началом коллективизации. С этого времени показатели естественного прироста год от года ухудшались. Частичное выполнение потока отъезжающих почти завершилось в 70-е гг., после чего размеры миграции из села несколько уменьшились.

Последствия сельской миграции в западных областях России, как и в Центральном районе в целом, не определяются исключительно арифметической разницей в цифрах выехавших и вернувшихся. Данные, характеризующие естественное движение населения, оказываются не менее, если не более значимыми для определения будущего региона. Кстати сказать, этот фактор гораздо легче корректируется в районах нового освоения с их традиционно переселенческой ориентацией. Дисбаланс в качественной структуре населения там ликвидируется включением рычага материального стимулирования новых работников. Как показала вся послевоенная практика, этот путь не был характерным для Нечерноземья.

В литературе уже обращалось внимание на неполноту сведений о естественном приросте сельского населения РСФСР, так как обобщенные данные по городу и селу недостаточны для суждений об особенностях этого процесса в деревне[21]. Проблема эта наиболее актуальна для первых послевоенных лет, характеризующихся неполнотой источников. К сожалению, использование и более поздних данных, когда они имеются, возможно лишь с большими оговорками. Документы государственных архивов дают разноречивые сведения, на что часто оказывала влияние недоступность материалов.

Несмотря на это, имеющиеся данные подтверждают некоторые предположения относительно естественного прироста населения. Во-первых, действительно наблюдается его значительное увеличение в первые послевоенные годы. Причем, если в 40-е гг. причиной роста стало возвращение демобилизованных, то в последующие несколько лет, особенно в середине 50-х гг., его можно отнести на счет улучшения экономического состояния деревни. Чрезмерно политизированные отчеты статуправлений часто упоминали только второе обстоятельство, игнорируя первое[22]. Во-вторых, необходимо выделить еще один взлет естественного прироста на исходе 60-х гг. Он оказался недостаточно велик для того, чтобы эффективно противодействовать усилившемуся оттоку населения. А причиной роста стало вступление в брачный возраст к тому времени довольно многочисленного послевоенного поколения[23].

Наконец, в-третьих, в цифрах естественного прироста нашли подтверждение отмеченные ранее региональные особенности. Так, наибольшим он оказался в Брянской, вдвое меньшим в Калужской и незначительным - в Смоленской области. Например, в 1960 г. естественный прирост на Брянщине составил 17,7 на тысячу человек сельского населения, в Калужской области - 7,9 чел., в Смоленской - около 2[24].

По данным А.В.Воронцова, за время с 1959 по 1965 гг. естественный прирост на селе Брянской области сократился примерно в 2 раза, Калужской - в 3 раза, а в Смоленской - более чем в 8 раз. Вообще, начиная с 1948 г., в последней происходило ежегодное двукратное снижение естественного прироста, в результате чего за 17 лет он уменьшился почти в 17 раз[25].

На основании данных Всесоюзной переписи населения 1970 г. представляется возможным определить величину (в данном случае отрицательную) механического прироста сельского населения в областях запада России (см. табл.3). Количество мигрирующего населения из села региона оказывается несколько меньшим среднего показателя по Центру России. Исключение составляет Калужская область, где данные близки к средним. Это подтверждает приведенные выше соображения о специфике демографических процессов в западных областях. В 1970 г. Брянская область располагала по-прежнему значительным демографическим потенциалом. Нетрудно убедиться, что ее население значительно превышало смоленское и особенно калужское. Ни одна из областей не могла претендовать на роль выраженного индустриального лидера, скорее уместно говорить об их примерно одинаковом экономическом развитии. Число рабочих мест, занимаемых мигрантами из села, было, таким образом, ограничено реальными возможностями промышленных предприятий. Из таблицы видно, что из села Брянской области выбывало гораздо больше жителей, чем из Калужской и Смоленской, и если бы указанное обстоятельство, отток был бы еще значительнее. Об этом же говорят и данные о вернувшихся в село по Брянской области. Они меньше в соотнесении с числом выбывших, чем по другим областям. Значит, мигранты

Механический прирост сельского населения, 1970 г.*

Таблица 3

Регион	Численность сельского населения, тыс.	Количество прибывших в сельскую местность, тыс.	Количество выбывших из сельской местности, тыс.	Механический прирост сельского населения, тыс.	То же, на 1000 сельских жителей, чел.
Центральный район	7948,9	344,1	640,5	-296,4	- 37
Брянская область	932,1	20,5	45,8	- 25,3	- 30
Калужская область	478,5	17,8	34,5	- 16,7	- 36
Смоленская область	576,8	19,3	33,7	- 14,3	- 25

* Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т.I. С.II; Миграция населения РСФСР. М., 1974. С.25-27.

Механический прирост сельского населения, 1950 г.*

Таблица 4

Регион	Численность сельского населения, тыс.	Количество прибывших в сельскую местность, тыс.	Количество выбывших из сельской местности, тыс.	Механический прирост сельского населения, тыс.	То же, на 1000 сельских жителей, чел.
РСФСР	65241,8	1120,2	2253,6	- 1133,3	- 17
Брянская область	1058,1	10,9	23,6	- 12,9	- 12
Калужская область	598,9	6,1	13,4	- 7,3	- 12
Смоленская область	909,3	9,0	20,0	- 11,0	- 12

* Рассчитано по: ГАРФ. Ф.374. Оп.II. Д.999. Л.I-2, 9, 25-26, 69.

здесь - люди в активном возрасте, обладающие высокой степенью адаптивности.

Согласно данным той же таблицы, Калужская область в 1970 г. еще не прошла стадию максимального оттока сельского населения, Брянщина к ней только приближалась, а у Смоленской она была уже позади. Наименьшая миграция по сравнению с соседями меняла немногое - уже с 1967 г. естественный прирост сельского населения в области стал отрицательным[26].

Таким образом, Всесоюзная перепись населения, впервые в послевоенное время анализируя миграцию, застала в областях западной части РСФСР три разных стадии этого процесса. Более ранние наблюдения, которые велись местными статистическими органами, помогают проследить его эволюцию. Так, сведения 1950 г. (см. табл.4) не позволяют выделить какую-либо из областей по показателю механического прироста сельского населения. Вместе с тем везде он был ниже, чем в среднем по республике. Помня об изначально аграрной ориентации западных областей, мы вправе предположить распространенность сельского типа воспроизводства населения, еще сохранившего свое значение в регионе в начале 50-х гг. и предусматривающего в числе прочего крепость традиционных семейных связей. Это обстоятельство могло тормозить миграцию.

Однако известно, что уже тогда все три области теряли сельское население с разной степенью интенсивности. Значит, главное, что определяло специфику демографического развития в 1950 г. при равенстве показателей механического прироста - естественный прирост населения. Он нигде не превышал миграционного оттока, но был почти равен ему - в Брянской области, изрядно проигрывал в Калужской и сильно уступал в Смоленской. В последующие три года темпы миграции, по тем временам довольно сильные, сохранятся, но начиная примерно с 1954-55 гг. наступает стабилизация населения, продлившаяся до конца десятилетия[27]. Реформы 1953 г. к этому времени уменьшили миграцию на селе Брянской области до 7 чел. на тысячу, в Калужской - до 8, и никак не повлияли на Смоленщину[28]. Тем не менее в 1956-58 гг. сельское насе-

ление в Смоленской области не уменьшалось, а оставалось неизменным, как и на Брянщине[29]. В Калужской же области оно увеличилось более чем на 50 тыс. чел.[30]

Ситуация объясняется увеличением естественного прироста. Улучшение положения в сельском хозяйстве способствовало росту числа работников в активном возрасте, а значит, увеличило рождаемость. Причем экстенсивное хозяйство Брянской области отреагировало на перемены не так сильно и здесь было меньше переездов в город, чем в Смоленщине и Калужской области. В итоге в безусловном выигрыше оказались только калужане. В Смоленской области с годами успел уже сложиться определенный стереотип миграционного поведения, своеобразная установка на миграцию. С середины 50-х гг. уже можно говорить о формировании урбанистической ориентации в сознании сельских жителей области. Повышенный естественный прирост говорит о пока еще недостаточном ее распространении, а также о том, что эта ориентация еще не превратила сельский тип воспроизводства населения в городской. Но к началу 60-х гг. переворот можно считать завершившимся.

Рассмотрение показателей механического прироста в 60-е гг. не вносит новых черт в уже законченную картину. Значительная миграция из брянского села по-прежнему в основном компенсируется положительным естественным приростом, что было характерно для первой половины десятилетия[31]. Во второй половине она стала превышать естественный прирост[32]. Невысокий миграционный отток в Калужской области (в сравнении с Брянщиной) оказался достаточным, чтобы перекрыть более низкий естественный прирост и обеспечить прогрессировавшее сокращение населения. Смоленская область, начиная с 1959 г. и до начала 70-х гг., ежегодно теряла не менее 26 чел. на тысячу сельского населения, что выглядит почти катастрофически на фоне столь же ощутимых потерь Брянской области, но с чуть ли не вдвое большим сельским населением[33].

Все это свидетельствует о сложном характере демографических изменений, происходивших в селе Западного района России в послевоенные десятилетия. Два разных сценария

событий в аграрно-индустриальных регионах на примере Брянской и Смоленской областей убеждает, что территориальный тип демографического развития достаточно устойчив к действию внешних факторов. Лишь к началу 70-х гг. области запада России оказались примерно в равной готовности к восприятию урбанистических стандартов. Депопуляция села, происходившая по двум направлениям, - естественного и механического сокращения населения - стала в конце концов определяющей в развитии деревни этого района.

---

1 Государственный архив Брянской области, далее ГАБО. Ф.1649. Оп.1. Д.432. Л.59; Смена. Смоленск, 1989. 18 февр.

2 Население Смоленщины: прошлое и настоящее. Смоленск, 1988. С.7.

3 Донченко В.Н. Демобилизация Советской Армии и решение проблемы кадров в первые послевоенные годы // История СССР. 1977. № 3. С.100.

4 ГАРФ. Ф.374. Оп.11. Д.657. Л.32.

5 Там же. Л.31.

6 Государственный архив Калужской области, далее ГАКО. Ф.3469. Оп.1. Д.4424. Л.47; Д.4477. Л.70.

7 Государственный архив Смоленской области, далее - ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.589. Л.202.

8 ГАРФ. Ф.374. Оп.11. Д.657. Л.31.

9 Там же.

10 Там же. Л.31, 113.

11 Вербицкая О.М. Изменение численности и состава колхозного крестьянства РСФСР в первые послевоенные годы (1946-1950) // История СССР. 1980. № 5. С.130.

12 Волков И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства. М., 1972. С.220.

13 ГАБО. Ф.2419. Оп.1. Д.212. Л.2; Ф.1649. Оп.1. Д.432.Л.59.

14 Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т.1. С.10-11; ГАБО. Ф.2419. Оп.1. Д.212. Л.14; ГАКО. Ф.3469. Оп.1. Д.10232. Л.1; ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.589. Л.202.

15 ГАКО. Ф.3469. Оп.6. Д.1392. Л.9.

16 Народное хозяйство Смоленской области в 1970 г. М., 1972. С.13.

17 Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т.1. С.10-11.

18 ГАБО. Ф.2419. Оп.1. Д.1512. Л.21.

19 Там же. Ф.2201. Оп.8. Д.310. Л.88.

20 Ануфриева Н.А. Состояние и динамика социально-демографического состава населения // Проблемы развития социального облика Нечерноземной зоны РСФСР. Саранск, 1979. С.49.

21 Вербицкая О.М. Колхозное крестьянство РСФСР в 1946-1950 гг. Численность, состав, трудовая активность. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. С.75.

22 ГАКО. Ф.3469. Оп.1. Д.10179. Л.38.

23 См.: Кутафьева З.С., Трудова М.Г. Миграция и трудовые ресурсы (на примере Центрального экономического района)// Миграция населения в РСФСР. М., 1973. С.136.

24 ГАБО. Ф.2419. Оп.1. Д.1435. Л.34; ГАКО. Ф.3469. Оп.5; Д.1990. Л.5; Народное хозяйство Смоленской области в 1970 г. С.14.

25 Воронцов А.В. Завершающий этап культурной революции на селе. На материалах Смоленской, Брянской и Калужской областей. Дис. ... канд. филос. наук. Л., 1969. С.86.

26 Казаков А.И. Миграция сельского населения: причины, характер, интенсивность, направленность // Сельское хозяйство и крестьянство Нечерноземья в период строительства социализма. Смоленск, 1979. С.59.

27 ГАРФ. Ф.374. Оп.11. Д.Ш. Л.1-2,9,25-26,69; ГАКО. Ф.3469. Оп.1. Д.1911б. Л.4.

28 ГАКО. Ф.3469. Оп.1. Д.10200. Л.18; ГАРФ. Ф.374. Оп.30. Д.11984. Л.62; ГАБО. Ф.2419. Оп.1. Д.1417. Л.107.

29 ГАРФ. Ф.374. Оп.30. Д.3334. Л.60; Д.11981. Л.62; ГАБО. Ф.2418. Оп.1. Д.1414. Л.71; Д.3463. Л.60-61.

30 ГАКО. Ф.3469. Оп.1. Д.10200. Л.17; Ф.883. Оп.7. Д.545. Л.200.

31 ГАБО. Ф.2419. Оп.1. Д.1444. Л.8; Д.1516. Л.3.

32 Там же. Д.3524. Л.14.

33 Казаков А.И. Указ. соч. С.59.

В.Н.Земсков

СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ
(1930-1959 гг.)

30-е - начало 50-х гг. отмечены в истории нашей страны как период широко практиковавшихся выселений больших масс людей и даже целых народов. Подавляющее большинство людей, подвергавшихся депортациям, направлялось на спецпоселение. Меньшая часть депортированных становилась ссыльнопоселенцами (отправленные в ссылку навечно), ссыльными (отправленные в ссылку на сроки), высланными и административно высланными. Кое-кто попадал и в лагеря ГУЛАГа.

Специфика настоящей статьи заключается в том, что в ней основное внимание уделено не статистике депортаций вообще, а в основном статистике спецпоселенцев (термины "депортация" и "спецпоселение" не являются синонимами). Тем не менее в статье приводятся основные статистические сведения и о ссыльнопоселенцах, ссыльных, высланных и административно высланных, что позволило не упустить из поля зрения ни одного сколько-нибудь значительного депортационного потока.

Как известно, коллективизация сельского хозяйства в 1929-1933 гг. сопровождалась раскулачиванием части крестьян. Кулаки были разделены на три категории: 1 - контрреволюционный актив: кулаки, активно противодействующие организации колхозов, бегущие с постоянного места жительства и переходящие на нелегальное положение; 2 - наиболее богатые кулаки, местные кулацкие авторитеты, являющиеся базой для формирования кулацкого антисоветского актива; 3 - остальные кулаки. На практике выселению с конфискацией имущества подвергались не только кулаки, но и так называемые подкулачники, т.е. середняки, бедняки и даже батраки, уличенные в прокулацких и антиколхозных действиях.

Главы кулацких семей первой категории арестовывались, и дела о их действиях передавались на рассмотрение спецтроек в составе представителей ПП ОГПУ, обкомов (крайкомов) ВКП(б) и прокуратуры. Кулаки, отнесенные к третьей

категории, как правило, переселялись внутри области или края, т.е. не направлялись на спецпоселение.

Раскулаченные крестьяне второй категории, а также семьи кулаков первой категории высылялись в отдаленные районы страны на спецпоселение, или трудпоселение (иначе это называлось "кулацкой ссылкой" или "трудссылкой"). В справке Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ под названием "Сведения о выселенном кулачестве в 1930-31 гг." указывалось, что в этот период выселено (с отправкой на спецпоселение) 381 026 семей общей численностью 1 803 392 человека[1]. В этом же документе была представлена статистика выселенных семей по регионам (см. табл.1).

В приведенной справке Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ встречаются отдельные нестыковки в статистических выкладках. В сумме количество семей, указанных в графе "Откуда выселены", составляет не 381 026, а 388 334, т.е. на 7308 больше (последняя цифра в точности соответствует числу семей, выселенных из Западной обл. на Урал). В графе "Куда выселены" общее количество выселенных семей - 388 481, или на 147 больше, чем в графе "Откуда выселены" (цифра 147, безусловно, слагается из 97 семей, выселенных из Украины в Якутию, и 50 - из Нижегородского края в Казахстан). Из Украины и Нижегородского края, следовательно, было выселено в 1930-1931 гг. на спецпоселение соответственно 63 817 и 9219 семей.

До 1934 г. крестьяне, направленные в "кулацкую ссылку", назывались спецпереселенцами, в 1934-1944 гг. - трудпоселенцами, в 1944-1948 гг. - снова спецпереселенцами, с 1949 г. - спецпоселенцами (все эти три термина являются синонимами). Несмотря на то, что и после 1931 г. продолжались поступления в "кулацкую ссылку", численность спецпереселенцев (трудпоселенцев) была значительно ниже количества направленных туда. Главными причинами этого являлись высокая смертность выселенных крестьян во время транспортировки и в первые годы жизни на спецпоселении и их массовые побеги. 1 января 1932 г. на учете состояло 1 317 022 спецпереселенца, из них на Урале - 484 380, в Северном крае -

Таблица 1

Отправка крестьян в "кулацкую ссылку" в 1930-1931 гг.*

Откуда выселены	Число выселенных семей	Куда выселены	Число семей
1	2	3	4
1. Украинская ССР	63 720	Северный край	19 658
		Урал	32 127
		Западная Сибирь	6 556
		Восточная Сибирь	5 056
		Якутия	97
		Дальневосточный край	323
2. Северный Кавказ	38 404	Урал	25 995
		Северный Кавказ	12 409
3. Нижняя Волга	30 933	Северный край	10 963
		Урал	1 878
		Казахстан	18 092
4. Средняя Волга	23 006	Северный край	5 566
		Урал	663
		Восточная Сибирь	620
		Казахстан	11 477
		Дальневосточный край	2 180
		Средняя Волга	2 500
5. Центрально-Черноземная область	26 006	Северный край	10 236
		Урал	1 408
		Восточная Сибирь	2 367
		Казахстан	10 544
		Дальневосточный край	1 097
		Якутия	354
6. Белорусская ССР	15 724	Северный край	4 763
		Урал	9 113
		Дальневосточный край	1 561
		Якутия	287
7. Крым	4 325	Северный край	1 553
		Урал	2 772

I	2	3	4
8. Татария	9 424	Урал	7 8I0
		Дальневосточный край	I 6I4
9. Урал	28 394	Урал	26 854
		Ленинградская обл.	I 540
I0. Нижегородский край	9 I69	Северный край	2 47I
		Урал	5 20I
		Казахстан	50
		Нижегородский край	I 497
II. Западная обл.	7 308	Урал	7 308
I2. Башкирия	I2 820	Западная Сибирь	5 305
		Восточная Сибирь	I 5I5
		Башкирия	6 000
I3. Северный край	3 06I	Северный край	3 06I
I4. Ивановская промышленная обл.	3 655	Урал	3 655
I5. Московская обл.	I0 8I3	Урал	3 II2
		Западная Сибирь	4 729
		Казахстан	2 972
I6. Ленинградская обл.	8 604	Урал	337
		Западная Сибирь	I 269
		Восточная Сибирь	929
		Якутия	725
		Ленинградская обл.	5 344
I7. Дальневосточный край	2 922	Дальневосточный край	2 922
I8. Западная Сибирь	52 09I	Западная Сибирь	52 09I
I9. Восточная Сибирь	I6 068	Восточная Сибирь	I6 068
20. Средняя Азия	6 944	Казахстан	I59
		Северный Кавказ	2 2I3
		Украина	3 444
		Средняя Азия	I I28
2I. Казахстан	6 765	Казахстан	6 765
22. Закавказье	870	Казахстан	870

* Сост. по: ГАРФ. Ф.9479. Оп.I. Д.89. Л.205.

I20 509, Западной Сибири - 265 846, Восточной Сибири - 9I 720, на Дальнем Востоке - 40 440, Алдане - 4724, в Северном Казахстане - I39 039, Южном Казахстане - 4I 669, Средней Азии - I0 47I, на Украине - I4 934, Северном Кавказе - 55 3I8, в Горьковском крае - 5888, Ленинградской обл. - 32 288, на Средней Волге - 4I36 и в Башкирии - 5660 чел.[2] В табл.2 представлена динамика движения населения в "кулацкой ссылке" в I932-I940 гг.

В документах центральных и местных органов НКВД в 30-х гг. почти нет сведений о национальном составе трудпоселенцев. Лишь в крайне редких случаях в отчетах местных органов НКВД назывался их национальный состав по семейному признаку, т.е. по национальности глав семей. Так, Отдел трудовых и специальных поселений УНКВД Архангельской обл. в отчете за первый квартал I94I г. отметил, что в области проживают I2 683 семьи трудпоселенцев (36 I8I чел.), из них 5327 русских семей, 4II3 украинских,2283 белорусских, 499 немецких, 3I2 польских, I65 татарских, I3I мордовских, 54 удмуртских, 48 болгарских, 27 латышских, 25 чувашских, I8 казахских, I4 греческих и 9 литовских семей[3].

В состав трудпоселенцев входили не только бывшие кулаки. По данным на I октября I94I г., среди 936 547 трудпоселенцев 87I 85I человек, или 93,I%, составляли бывшие кулаки, выселенные в I929-I933 гг. из районов сплошной коллективизации, а также бывшие кулаки, бежавшие из деревень в города и впоследствии снятые с промышленности по постановлениям органов НКВД. Остальные 64 696 трудпоселенцев (6,9%) составляли следующие лица: выселенные по решениям судов за срыв и саботаж хлебозаготовительной и других кампаний; городской деклассированный элемент, выселенный преимущественно в I933 г. по постановлениям троек ОГПУ за отказ выехать из Москвы, Ленинграда и других режимных центров в связи с паспортизацией; выселенные (в основном в I935-I937 гг.) по постановлениям органов НКВД в порядке очистки государственных границ; осужденные органами ОГПУ и судами на срок от 3 до 5 лет (кроме "особо социально опасных") с

Динамика движения спецпереселенцев (трудпоселенцев) "кулацкая ссылка"* Таблица 2

	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940	Всего за 1932-1940
Наличие на 1 янв.	I 317 022	I 142 084	I 072 546	973 693	I 017 133	916 787	877 651	938 552	997 513	
Прибыло за год	201 502	398 407	254 997	246 194	164 902	128 047	424 565	220 699	137 278	2 176 600
в том числе:										
родилось	18 053	17 082	14 033	26 122	27 617	29 036	31 867	33 716	32 732	230 258
прибыло из других республик, краев и областей	71 236	268 091	24 196	66 704	16 645	10 789	11 765	13 467	6 929	489 822
прибыло из других организаций	-	-	79 241	40 874	54 342	49 249	331 997	132 627	78 882	767 212
возвращено из бегов	37 978	54 211	45 443	33 238	23 075	17 384	10 939	8 290	4 562	235 120
прочие причины прибытия**	74 235	59 023	92 084	79 256	43 223	21 589	37 997	32 599	14 182	454 188
Убыло за год	376 440	467 945	353 850	202 754	265 248	167 183	363 664	161 738	204 579	2 563 401
в том числе:										
бежало	207 010	215 856	87 617	43 070	26 193	27 809	9 712	7 345	4 430	629 042
осуждено	-	-	-	3 038	3 492	17 385	23 830	2 644	2 823	53 212
умерло	89 754	151 601	40 012	22 173	19 891	17 037	15 961	16 691	16 401	389 521
освобождено как "неправильно высланных"	-	-	15 366	5 736	5 678	4 119	616	962	578	33 055
освобождено на учебу	-	-	-	-	-	-	-	11 204	7 247	18 451
освобождено по постановлению СНК СССР от 22 октября 1938 г.	-	-	-	-	-	-	-	1 824	77 661	79 485
передано на иждивение	-	-	9 663	9 137	8 471	4 805	1 489	1 246	1 475	36 286
передано в другие организации	-	-	94 888	39 391	63 608	58 412	266 326	93 470	80 300	696 395
прочие причины убытия***	79 676	100 488	106 304	80 209	137 915	37 616	45 730	26 352	13 664	627 954
Наличие на 31 декабря	I 142 084	I 072 546	973 693	I 017 133	916 787	877 651	938 552	997 513	930 221	

* Сост. по: ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.89. Л.216.

** В графу "Прочие причины прибытия" в 1932-1933 гг. вошли так же спецпереселенцы, возвращенные в спецпоселки по отбытии ка наказания в лагерях и тюрьмах, а также переданные внутри области (края) из одних хозорганов в другие.

*** В графу "Прочие причины убытия" в 1932-1933 гг. вошли так же осужденные, "неправильно высланные", переданные на иждиве ние и переброшенные внутри области (края); в 1935-1937 гг. освобожденные на учебу и вышедшие замуж за нетрудпоселенцев.

срока отбывания наказания в местах лишения свободы направлением на постоянное жительство в трудпоселки (спецпоселки)[4].

С конца 30-х гг. численность трудпоселенцев (спецпоселенцев контингента "бывшие кулаки") стала сокращаться. На это повлияли следующие решения директивных органов: постановление СНК СССР от 22 октября 1938 г. о снятии с учета трудпоселений детей трудпоселенцев по достижении 16-летнего возраста; постановление ГКО от 11 апреля 1942 г. о призыве трудпоселенцев - бывших кулаков на военную службу; приказ НКВД СССР от 22 октября 1942 г. об освобождении из трудссылки призванных в Красную Армию и их жен и детей; приказ НКВД СССР от 25 мая 1944 г. о снятии с учета спецпоселений детей спецпереселенцев - бывших кулаков, направленных в школы ФЗО и ремесленные училища; приказ МВД СССР и Прокуратуры СССР от 28 сентября 1946 г. об освобождении из спецпоселения спецпереселенцев бывших кулаков: имеющих детей в рядах Красной Армии и участников Великой Отечественной войны; награжденных правительственными наградами; женщин, вступивших в брак с неспецпереселенцами. Кроме того, за период с августа 1946 по январь 1952 гг. Совет Министров СССР принял 14 постановлений, согласно которым в 28 республиках, краях и областях спецпереселенцы контингента "бывшие кулаки" полностью освобождались из спецпоселения.

В общей сложности в 1941-1952 гг. было освобождено 882 622 спецпоселенца контингента "бывшие кулаки", в том числе с 1 января 1941 г. по 1 октября 1948 г. - 810 614, с 1 октября 1948 г. по 1 октября 1949 г. - 21 824, а с 1 октября 1949 г. по 1 января 1950 г. - 7628 и в 1950-1952 гг. - 42 556 чел.[5] Соответственно этому из года в год неуклонно снижалась численность спецпоселенцев этого контингента: 1943 г. - 724 498 чел., 1944 г. - 669 687, 1945 г. - 631 173, 1946 г. - 599 477, 1948 г. - 210 556, 1949 г. - 130 463, 1950 г. - 108 386, 1952 г. - 42 166 чел. (данные на 1 января каждого года)[6]. Правда, многие бывшие кулаки, снятые с учета спецпоселений, продолжали по разным причинам

проживать в местах бывшей высылки, но поскольку они уже юридически не являлись спецпоселенцами, то и не включались в их число. Такая же ситуация сложилась в середине 50-х гг. и у ряда других контингентов бывших спецпоселенцев (немцы, крымские татары, турки-месхетинцы и др.).

По постановлению СНК СССР № 776-120сс от 28 апреля 1936 г. из приграничных с Польшей районов Украины и Белоруссии было осуществлено выселение поляков в Казахстан. Эти лица формально не являлись трудпоселенцами и по сравнению с последними имели бо́льшую свободу передвижения внутри области, куда они были выселены. Молодежь беспрепятственно выезжала в другие области на работу или учебу. Позднее, уже во время Великой Отечественной войны, по специальному приказу ГУЛАГа НКВД СССР эти поляки были приравнены к трудпоселенцам, т.е. включены в контингент "бывшие кулаки". В докладной записке зам. начальника ГУЛАГа И.И.Плинера на имя Г.Г.Ягоды от 26 сентября 1936 г. отмечалось, что по постановлению СНК СССР от 28 апреля 1936 г. было выселено 59 518 чел. В документах МГБ СССР и МВД СССР 50-х гг. указывалось, что в 1936 г. было выселено 41 772 поляка[7]. По-видимому, последняя цифра включает в себя только поляков, остававшихся на поселении в Казахстане к моменту включения их в контингент "бывшие кулаки". Осенью 1947 г. в Казахстане были полностью освобождены спецпереселенцы контингента "бывшие кулаки". Вместе с ними были освобождены и поляки. Однако в 1948 г. они вновь были взяты на учет спецпоселений в качестве самостоятельного контингента (контингент "поляки").

17 июля 1937 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление об организации специальных запретных полос (приграничных зон). По этому постановлению были депортированы тысячи людей, в основном из приграничной полосы на территории Армянской, Азербайджанской, Туркменской, Узбекской и Таджикской ССР (иначе этот контингент назывался "выселенные с иранской и афганской границ"). Большинство их составляли курды. Часть из них влилась в состав трудпоселенцев, многие были расселены вне зон действия комендатур НКВД, а некоторые отнесены к высланным. Все это очень затрудняет устано-

вить точную численность этого контингента и его дальнейшую судьбу.

Осенью 1937 г. с Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию были выселены корейцы. Всего было выселено около 172 тыс. чел. Эта акция повлекла за собой большую смертность корейцев при транспортировке и в первые годы жизни в местах высылки. Корейцы, расселенные в Казахстане и Средней Азии, не были трудпоселенцами. Им даже были сохранены паспорта, в которых, однако, была сделана отметка об ограничении проживания районом высылки (фактически корейцы стали административно высланными). В начале 1945 г. численность корейцев, выселенных в 1937 г. с Дальнего Востока, составляла 123 тыс. чел., из них 74,5 тыс. находились в Узбекской ССР, 46 тыс. - в Казахской ССР, 1 тыс. - на работах в угольной промышленности Московской и Тульской областей и 1,5 тыс. - в Ухтинском лагере НКВД[8].

В 1940 г. появился новый большой контингент спецпоселенцев под названием "польские осадники и беженцы". Осадники - это переселенцы из Польши, в основном бывшие военнослужащие польской армии, отличившиеся в польско-советской войне 1920 г. и получившие в 20-30-х гг. землю в районах, заселенных украинцами и белорусами. Кроме того, они выполняли определенные полицейские функции в отношении местного украинского и белорусского населения. После того как в 1939 г. Западная Украина и Западная Белоруссия вошли в состав СССР, польские осадники были объявлены "злейшими врагами трудового народа" и выселены с семьями в Сибирь, Казахстан, Поволжье, Урал, Европейский Север СССР. Выселялись, конечно, не одни только осадники. Депортации подверглись десятки тысяч других лиц польской национальности, включая беженцев из оккупированной гитлеровцами Польши.

Всего в 1940-1941 гг. из Западной Украины и Западной Белоруссии, а также из Литвы было депортировано около 380 тыс. поляков. Большинство их попало на спецпоселение (именно к ним впервые был применен термин "спецпоселенцы", поглотивший впоследствии термины "спецпереселенцы" и "трудпоселенцы"). По состоянию на 1 апреля 1941 г., когда

Таблица 3

География расселения спецпоселенцев - польских осадников и беженцев (по состоянию на 1 апреля 1941 г.)*

Области, края и республики	Всего	В том числе:	
		осадники	беженцы
1. Архангельская обл.	50 944	38 622	12 322
2. Свердловская обл.	26 702	13 562	13 140
3. Новосибирская обл.	19 628	3 191	16 437
4. Коми АССР	18 772	9 954	8 818
5. Красноярский край	14 788	13 339	1 449
6. Вологодская обл.	13 357	9 433	3 924
7. Ивановская обл.	11 513	11 513	-
8. Молотовская обл.	10 544	9 040	1 504
9. Алтайский край	9 886	5 926	3 960
10. Омская обл.	8 538	6 946	1 592
11. Марийская АССР	5 693	-	5 693
12. Казахская ССР	5 307	5 307	-
13. Якутская АССР	3 510	-	3 510
14. Иркутская обл.	2 914	593	2 321
15. Горьковская обл.	2 604	1 725	879
16. Кировская обл.	2 204	2 204	-
17. Челябинская обл.	2 172	1 653	519
18. Чкаловская обл.	625	625	-
19. Ярославская обл.	503	503	-
20. Башкирская АССР	275	275	-
21. Унжлаг НКВД**	80	80	-
Итого:	210 559	134 491	76 068

* Сост. по: ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.89. Л.6, 30.

** Только спецпоселенцы, без заключенных.

Таблица 4

Национальный состав спецпоселенцев - польских осадников и беженцев (по состоянию на I апреля I94I г.)*

Национальность	Всего	В том числе:	
		осадники	беженцы
I. Поляки	96 593	88 654	7 939
2. Евреи	59 03I	I79	58 852
3. Украинцы	9 334	7 8II	I 523
4. Белорусы	9 084	9 022	62
5. Немцы	27I	I52	II9
6. Другие	2 730	I 5I4	I 2I6
Итого:	I77 043**	I07 332	69 7II

* Сост. по: ГАРФ. Ф.9479. Оп.I. Д.89. Л.22I.

** На I апреля I94I г. отсутствовали сведения о национальном составе 33.5I6 спецпоселенцев (27.I59 осадников и 6.357 беженцев), проживавших преимущественно в Казахской ССР, Красноярском крае и Вологодской области.

депортация поляков еще не была завершена, контингент спецпоселенцев "польские осадники и беженцы" насчитывал 2I0 559 чел. (см. табл.3). Следует иметь в виду, что этот контингент был многонациональным по своему составу (см. табл.4). Кроме того, в ссылке в Казахстане находились около 66 тыс. членов семей репрессированных офицеров и других чинов Польши[9].

В первый период Великой Отечественной войны депортированные в I940-I94I гг. из западных областей поляки были освобождены из спецпоселения и ссылки. В I94I-I942 гг. из лагерей ГУЛАГа было освобождено свыше 43 тыс. польских граждан[I0]. На их основе на территории СССР были сформированы две польские армии (под командованием Андерса и Берлинга).

Незадолго до начала Великой Отечественной войны было осуществлено выселение "антисоветского элемента" из Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Правобережной Молдавии (большинство их было депортировано в течение двух суток - I3 и I4 июня I94I г.). В мае-июле I94I г. в ссылку на поселение поступило 85 7I6 чел , из них 27 887 было выселено из Западной Белоруссии, 22 648 - Молдавии, I2 682 - Литвы, 9595 - Западной Украины, 9236 - Латвии и 3668 - из Эстонии. Из этого числа I9 362 чел. было расселено в Новосибирской обл., I7 446 - Алтайском крае, I6 784 - Красноярском крае, I5 4I3 - Казахской ССР, II 556 - Омской обл., 3I06 - Коми АССР и 2049 - в Кировской обл.[II] На положение спецпоселенцев эти лица были переведены только в I952 г., а до этого относились к категории ссыльнопоселенцев.

С конца августа I94I г. началось выселение немцев. Их поступило на спецпоселение во время войны 949 829 чел., из них 446 480 было выселено из бывшей АССР немцев Поволжья, I49 206 - Краснодарского и Ставропольского краев, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР, а также из Тульской обл. (включая около 50 тыс. немцев, эвакуированных летом I94I г. из Крыма в Ставропольский край), 79 569 - из Запорожской, Ворошиловградской и Сталинской областей, 46 706 - Саратовской обл., 46 356 - Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР, 38 288 - Ростовской обл., 26 245 - Сталинградской, II 000 - из Ленинграда и Ленинградской обл., 8787 - Куйбышевской обл., 8640 - Москвы и Московской обл., 7306 - Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР, 5965 - Калмыцкой АССР, 5308 - Воронежской обл., 3384 - Днепропетровской, 3I62 - Горьковской, 2233 - из Крыма (без эвакуированных летом I94I г. в Ставропольский край), остальные - из ряда других областей[I2].

В послевоенное время на спецпоселение направлялись советские немцы, выявленные среди репатриантов. В I945-I946 гг. на положение спецпоселенцев была переведена часть немцев, мобилизованных в I942-I944 гг. в рабочие колонны (трудовую армию), но не подвергавшихся выселению. В течение I946-I95I гг. немцы - местные жители Урала, Сибири, Дальнего

Востока, Казахстана, Средней Азии и некоторых других районов, откуда не производилось выселение немецкого населения, были взяты на учет спецпоселений по месту своего постоянного жительства. В результате в начале 50-х гг. численность спецпоселенцев немецкого контингента превысила 1,2 млн. чел.

В течение 1943–1944 гг. судьбу немцев разделили калмыки, карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары, греки, болгары и армяне. В 1944 г. из Грузии были выселены турки-месхетинцы, курды, хемшилы. Вместе с указанными народами частично выселялись и представители других национальностей. Например, в марте 1949 г., когда численность подконтингента "другие" в крымском контингенте спецпоселенцев составляла 3628 чел. (не входившие в состав татарских, греческих, болгарских и армянских семей), среди них было 1280 русских, 1109 цыган, 427 немцев, 272 турка, 257 украинцев и 283 прочих; у северокавказцев соответственно 1602 человека (без 1617 кабардинцев, выделенных позднее в самостоятельный контингент) – 485 кумыков, 311 аварцев, 235 дагестанцев, 186 тавлинов, 52 абазина, 49 осетин, 41 ногаец, 35 русских, 34 даргинца и 174 прочих; у выселенных в 1944 г. из Грузии – 26 044 человека (24 304 азербайджанца, 676 турков, 411 аджарцев, 224 грузина и 429 прочих).

В момент прибытия на спецпоселение было учтено 608 749 выселенных с Северного Кавказа (362 282 чеченца, 134 178 ингушей, 68 327 карачаевцев, 37 406 балкарцев и 6556 других), 228 392 – из Крыма (в том числе 183 155 крымских татар), 94 955 – из Грузии и 91 919 калмыков. До 1 октября 1948 г. из этого числа были исключены 32 981 северокавказец и 979 калмыков как дважды учитывавшихся в момент первоначального вселения (следовательно, на спецпоселение поступило 575 768 северокавказцев и 90 940 калмыков). В дальнейшем эти контингенты пополнялись демобилизованными из Красной Армии, репатриантами и др. Так, до 1 октября 1948 г. на спецпоселение дополнительно поступило 7219 чел., включенных в крымский контингент, 2759 – в северокавказский.

Имело место и освобождение "неправильно высланных". До 1 октября 1948 г. из спецпоселения было освобождено 7018 выселенных с Северного Кавказа, 3531 – из Крыма, 2175 – из Грузии, 1364 калмыка. С момента первоначального вселения и до 1 октября 1948 г. у северокавказцев родилось 28 120 и умерло 146 892 чел., у крымчан соответственно 6564 и 44 887, у выселенных из Грузии – 2873 и 15 432, у калмыков – 2702 и 16 594 человека. С 1949 г. рождаемость стала выше смертности[13].

В марте 1942 г. из Ленинграда и его окрестностей были выселены ингерманландцы и финны. Всего поступило на спецпоселение 44 737 чел. (в документах НКВД они назывались финнами-спецпереселенцами), из них 17 837 было расселено в Красноярском крае, 8267 – Иркутской обл., 3602 – Омской обл., остальные – в Вологодской обл. (небольшое их количество было и в Кировской обл.)[14]. По приказу НКВД СССР от 28 января 1946 г. эти ингерманландцы и финны были сняты с учета спецпоселений. После этого они задним числом были взяты на учет как высланные в административном порядке в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. (как "социально опасный элемент", высланный из областей, объявленных на военном положении).

Несколько иначе сложилась судьба десятков тысяч ингерманландцев, проживавших на территории Ленинградской обл., оккупированной фашистскими войсками. В 1943–1944 гг. по приказу немецко-фашистского командования происходила тотальная "эвакуация" населения Ленинградской обл. Ингерманландцы вынуждены были покинуть свои селения и оказались в Эстонии, где были поставлены перед выбором: либо эвакуация в Германию, либо в Финляндию. Они предпочли Финляндию. После подписания 19 сентября 1944 г. Соглашения о перемирии между СССР, Великобританией и Финляндией, началась массовая репатриация этих лиц в СССР. По постановлению ГКО от 19 ноября 1944 г. они направлялись на постоянное жительство в Ярославскую, Калининскую, Новгородскую, Псковскую и Великолукскую области. Спецпереселенческий статус на них не был распространен. Репатриированные ингерманландцы фактически

превратились в административно высланных, без права возвращения на свою историческую Родину.

В мартовском (1946 г.) отчете Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации было указано число репатриированных ингерманландцев - 43 246 чел.[15] Во всех других документах указанного ведомства отмечалось, что к этому времени из Финляндии было репатриировано 55 942 ингерманландца, из них 19 336 расселено в Ярославской обл., 14 169 - Калининской, 10 513 - Новгородской, 6335 - Псковской и 5589 - в Великолукской обл.[16] Из этого числа уже к 16 января 1945 г. в указанных областях было расселено 55 650 чел. Расхождение в документах Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации в определении численности репатриированных ингерманландцев (43 246 и 55 942) объясняется тем, что в первом случае учитывались только этнические ингерманландцы, а во втором - вместе с представителями других национальностей, репатриированных из Финляндии и направленных с ингерманландцами на поселение в указанные области. Например, в составе 5589 репатриантов из Финляндии (в документах все они назывались ингерманландцами), поступивших к середине января 1945 г. в Великолукскую обл., было 3922 ингерманландца, 754 ижорца, 704 русских, 141 карел, 111 вепсов, 28 эстонцев, 14 украинцев, 3 литовца, 1 норвежец и 11 других[17].

В 1942 г. из Краснодарского края и Ростовской обл. был выселен "социально опасный элемент" (преимущественно греки). В июле 1944 г. из Воронежской, Орловской и Рязанской областей были выселены 1502 члена семей репрессированных участников религиозной секты "Истинно православные христиане" ("ИПХ")[18]. В 1944-1945 гг. на спецпоселение поступило 5914 "фольксдойчей" и "немецких пособников" (члены семей фольксдойчей из Украинской ССР - 2826 чел. и члены семей немецких пособников из городов Северного Кавказа - 3088 чел.)[19].

В 1946 г. появился новый, довольно значительный контингент спецпереселенцев под названием "власовцы" (до этого они содержались в проверочно-фильтрационных лагерях

НКВД). В этот контингент, помимо собственно власовцев, были включены лица, служившие в немецкой армии и строевых немецких формированиях, легионеры, полицейские и т.п. Сюда же попала часть побывавших в фашистском плену советских офицеров, которые не имели никакого отношения ни к генералу А.А.Власову, ни к ему подобным. Всего в 1946-1947 гг. на спецпоселение поступило 148 079 "власовцев". Перед отправкой на спецпоселение им было объявлено, что по статье 193 УК РСФСР за переход военнослужащих на сторону врага в военное время предусматривается только одно наказание - высшая мера с конфискацией имущества, но в связи с победой над Германией Советское правительство проявило к ним снисхождение, освободив от привлечения к уголовной ответственности за измену Родине, и ограничилось переводом на спецпоселение сроком на 6 лет. В марте 1949 г. национальный состав 112 882 находившихся в наличии спецпоселенцев контингента "власовцы" (без арестованных и бежавших) выглядел следующим образом: русские - 54 256, украинцы - 20 899, белорусы - 5432, грузины - 3705, армяне - 3678, узбеки - 3457, азербайджанцы - 2932, казахи - 2908, немцы - 2836, татары - 2470, чуваши - 807, кабардинцы - 640, молдаване - 637, мордва - 635, осетины - 595, таджики - 545, киргизы - 466, башкиры - 449, туркмены - 389, поляки - 381, калмыки - 335, евреи - 171, другие - 4264 чел.[20]

В 1952 г. большинство спецпоселенцев "власовцев" было снято с учета спецпоселений по истечении 6-летнего срока. В документах 9 управления МГБ СССР и Отдела "П" МВД СССР приводятся разные сведения о числе освобожденных к концу 1952 г. спецпоселенцев "власовцев" - от 87 631 до 95 553 чел. Большинство "власовцев" немецкой, калмыцкой, чеченской, ингушской, балкарской, карачаевской, греческой и крымскотатарской национальностей было переведено на спецпоселение навечно (5819 чел.). Часть "власовцев" русской, украинской и других национальностей, занятых на незавершенных строительных объектах, была временно оставлена на учете спецпоселений. В течение 1953-1955 гг. они освобождались из спецпоселения по мере завершения того или иного строительства[21].

Несмотря на крупномасштабное освобождение спецпоселенцев контингентов "бывшие кулаки" и "власовцы", общая численность спецпоселенцев во второй половине 40-х - начале 50-х гг. не только не уменьшилась, но из года в год неуклонно возрастала. Количество направленных на спецпоселение было значительно больше, чем число освобожденных оттуда. За 1946-1952 гг. на спецпоселение поступило 678 010 чел., в том числе в 1946-1947 гг. - 255 198, в 1948 г. - 89 261, в 1949 г. - 221 231, в 1950 г. - 43 738, в 1951 г. - 45 723 и в 1952 г. - 22 859 чел.[22] Только с 1 января 1949 г. по 1 января 1953 г. число спецпоселенцев возросло с 2 300 223 до 2 753 356 чел.[23] Основной поток депортированных шел из Западной Украины, Прибалтики, Правобережной Молдавии, Закавказья.

В течение 1944-1952 гг. из Западной Украины происходило выселение так называемых "оуновцев" (сокращенное от "Организации украинских националистов"). На спецпоселение поступило 142 543 чел., выселенных в 1945-1949 гг. из Прибалтики[24]. В июле 1949 г. из Молдавской ССР было выселено 35 796 чел.[25] В 1949 г. из Грузинской, Армянской, Азербайджанской ССР, Краснодарского края и с Черноморского побережья (Одесса и Крым) были выселены греки, турки и так называемые "дашнаки" (лица армянской национальности). По учету Отдела спецпоселений МВД СССР этот контингент условно назывался - "с Черноморского побережья" (естественно, этот термин сильно суживал географию проведенной депортации). На спецпоселение поступило 57 680 чел., выселенных в 1949 г. с "Черноморского побережья"[26].

В конце 40-х - начале 50-х гг. коллективизация сельского хозяйства в Прибалтике, Западной Украине, Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии и Северной Буковине сопровождалась раскулачиванием и выселением десятков тысяч крестьян. Большинство последних по учету Отдела спецпоселений МВД СССР и 9 управления МГБ СССР не вычленялись в качестве самостоятельных контингентов и входили в состав спецпоселенцев "оуновцев", прибалтийского и молдавского контингентов послевоенной депортации. Меньшая часть раскулаченных крестьян, поступивших на спецпоселение из западных регионов СССР, была разбита на четыре самостоятельных контингента: "кулаки из Измаильской области в 1948 г.", "кулаки из западных областей УССР в 1951 г.", "кулаки из Литвы в 1951 г.", "кулаки из западных областей БССР в 1952 г."

2 июня 1948 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР "О выселении в отдаленные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни". Выселялись, как правило, колхозники за невыработку обязательного минимума трудодней. Срок высылки - 8 лет. В 1948-1952 гг. на спецпоселение поступило 33 266 выселенных по этому Указу (в 1948 г. - 27 335, 1949 г. - 4756, 1950 г. - 675, 1951 г. - 240 и в 1952 г. - 260 чел.). В это число не входят 13 598 членов семей "указников", добровольно последовавших вместе с последними в места высылки. До 20 марта 1953 г. из спецпоселения было освобождено 3915 выселенных по Указу от 2 июня 1948 г. как "неправильно высланных" (в 1948 г. - 596, 1950 г. - 816, 1951 г. - 1327, 1952 г. - 974 и в январе-марте 1953 г. - 202 чел.). По состоянию на 20 февраля 1952 г., из 33 012 чел., подвергавшихся выселению по Указу от 2 июня 1948 г., 9441 был выселен из Украинской ССР, 1687 - Узбекской, 1621 - Казахской, 508 - Грузинской, 297 - Белорусской, 269 - Азербайджанской, 257 - Армянской, 157 - Киргизской, 96 - Таджикской, 26 - Карело-Финской ССР, 1690 - из Курской обл., 764 - Вологодской, 681 - Иркутской, 548 - Воронежской, 746 - Кемеровской, 566 - Орловской, 585 - Пензенской, 394 - Ульяновской, 344 - Молотовской, 322 - Рязанской, 301 - Калужской, 292 - Куйбышевской, 285 - Костромской, 261 - Сталинградской, 259 - Брянской, 661 - из Краснодарского края, 463 - Красноярского, 812 - из Татарской АССР, 509 - Мордовской, 425 - Башкирской, 396 - Удмуртской АССР, остальные - из других республик, краев и областей[27].

В 1950 г. было произведено выселение "антисоветского элемента" из Пыталовского, Печорского и Качановского районов Псковской обл. До 1940 г. эти районы с преобладающим

русскоязычным населением входили в состав Латвии и Эстонии, а после вступления последних в состав СССР отошли к РСФСР. Всего из Псковской обл. было выселено 1415 чел.[28] По постановлению Совета Министров СССР от 11 января 1950 г. из Таджикской ССР были выселены бывшие басмачи с семьями – 2795 чел.[29] В постановлении Совмина СССР от 21 февраля 1950 г. говорилось о выселении из Грузинской ССР иранских подданных, иранцев без гражданства, бывших иранских подданных, принятых в советское гражданство, кроме лиц армянской национальности. На спецпоселение поступило 4776 чел. контингента "иранцы"[30]. По постановлению Совмина СССР от 6 марта 1951 г. граждане СССР, интернированные и взятые в плен в 1944–1945 гг. на территории Польши, были освобождены из лагерей Главного управления лагерей военнопленных и интернированных МГБ СССР и направлены на спецпоселение[31].

Согласно постановлению Совета Министров СССР от 13 февраля 1951 г. из Западной Украины, Западной Белоруссии и Литвы были выселены репатриированные во второй половине 40-х гг. из Англии бывшие военнослужащие польской армии Андерса с семьями (было выселено более 4,5 тыс. чел.)[32]. В постановлении Совмина СССР от 3 марта 1951 г. говорилось о выселении из прибалтийских республик, Молдавии, западных областей Украины и Белоруссии активных участников антисоветской секты иеговистов и членов их семей (1 июля 1952 г. контингент спецпоселенцев "иеговисты" насчитывал 9389 чел.)[33].

В 1951 г. на спецпоселении появился еще один контингент, а именно: выселенные по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1951 г. об ответственности за уклонение от общественно полезного труда и за ведение антиобщественного паразитического образа жизни. Выселялись, как правило, за бродяжничество и попрошайничество.

29 ноября 1951 г. было принято постановление Совета Министров СССР о выселении враждебных элементов из Грузинской ССР. Под "враждебными элементами" подразумевались близкие родственники эмигрантов, изменников Родине и невозвращенцев, проживающих за границей и ведущих подрывную

работу против СССР, реэмигранты, прибывшие в 1946–1949 гг. в Грузию из Франции, Ирана и Китая, бывшие закордонные ходоки, подозрительные по связям с турецкой разведкой, и др. На спецпоселение поступило 11 643 чел.[34]. В это число входили ассирийцы (айсоры) и некоторые другие.

Статистика всех контингентов спецпоселенцев, состоявших 1 января 1953 г. на учете 9 управления МГБ СССР, представлена в табл.5.

По состоянию на 1 января 1953 г. национальный состав находившихся в наличии 1 810 140 взрослых спецпоселенцев (от 17 лет и старше) был следующий: немцы – 788 975, чеченцы – 183 445, украинцы – 163 653, татары – 111 037, литовцы – 75 024, русские – 56 589, калмыки – 53 019, ингуши – 46 303, греки – 40 590, карачаевцы – 37 225, латыши – 33 102, поляки – 31 654, турки – 29 848, молдаване – 25 873, азербайджанцы – 20 860, армяне – 20 238, балкарцы – 19 762, эстонцы – 16 070, болгары – 11 432, грузины – 7169, белорусы – 6621, евреи – 5168, курды – 4993, узбеки – 3459, казахи – 2074, кабардинцы – 1572, гагаузы – 1352, ассирийцы – 1257, таджики – 1237, цыгане – 1063, румыны – 977, хемшилы – 720, осетины – 616, башкиры – 529, чуваши – 520, мордва – 480, туркмены – 430, киргизы – 399, иранцы – 380, финны и карелы – 375, кумыки – 375, аджарцы – 338, аварцы – 313, лазы – 265, каракалпаки – 212, удмурты – 193, чехи – 183, черкесы – 174, езиды – 174, абазины – 160, абхазцы – 153, лезгины – 127, марийцы – 123, буряты – 122, адыгейцы – 90, коми – 83, венгры – 74, австрийцы – 61, ногайцы – 59, даргинцы – 50, уйгуры – 39, караимы – 37, голландцы – 35, якуты – 29, албанцы – 25, французы – 24, хакасы – 21, итальянцы – 20, лакцы – 17, эвенки – 17, словаки – 15, арабы – 13 человек. Остальные 429 взрослых спецпоселенцев принадлежали к различным другим национальностям, из них 339 человек относились к коренным народам СССР (шорцы, алтайцы, тувинцы, табасараны, ханты и др.) и 90 – к некоренным (сербы, хорваты, шведы, норвежцы, афганцы, китайцы и др.)[35].

Все 2 753 356 спецпоселенцев, по данным на 1 января 1953 г., состояли на учете в следующих республиках, краях

Численность и состав спецпоселенцев (по состоянию

Таблица 5

на I января I953 г.*)

Контингенты	Состояло на учете	Находилось в наличии	в том числе: мужчины	в том числе: женщины	в том числе: дети	Числилось в розыске	Было арестовано
I	2	3	4	5	6	7	8
I. Немцы	I.224.93I	I 209 430	326 538	473 I29	409 763	834	I4 667
выселенные	855 674	846 340	229 850	330 262	286 228	642	8 692
репатриированные	208 388	203 796	45 24I	88 763	69 792	I47	4 445
местные	III 324	II0 332	28 037	4I I5I	4I I44	25	967
мобилизованные	48 582	48 00I	23 250	I2 305	I2 446	20	56I
другие	963	96I	I60	648	I53	-	2
2. С Северного Кавказа	498 452	489 II8	I25 237	I62 807	20I 074	I07	9 227
чеченцы	3I6 7I7	3I0 630	8I 450	I02 I76	I27 004	78	6 009
ингуши	83 5I8	8I I00	20 249	26 I24	34 727	2I	2 397
карачаевцы	63 327	62 842	I5 223	22 028	25 593	7	478
балкарцы	33 2I4	32 887	7 84I	II 854	I3 I92	I	326
другие	I 676	I 659	474	627	558	-	I7
3. Из Крыма	204 698	I99 2I5	57 759	80 328	60 628	333	5 I50
татары	I65 259	I60 734	46 46I	64 053	50 220	207	4 3I8
греки	I4 760	I4 486	4 444	6 323	3 7I9	33	24I
болгары	I2 465	I2 I93	3 689	4 962	3 542	I8	254
армяне	8 570	8 3I0	2 409	3 758	2 I43	44	2I6
другие	3 644	3 492	756	I 732	I 004	3I	I2I
4. "Буновцы"	I75 063	I7I 566	47 4I4	83 905	40 247	358	3 I39
5. Из Прибалтики в I945-I949 гг.	I39 957	I38 337	39 952	64 097	34 288	I62	I 458
литовцы	8I I58	80 I89	24 982	35 I33	20 074	I57	8I2
латыши	39 279	38 9II	I0 667	I9 070	9 I74	3	365
эстонцы	I9 520	I9 237	4 303	9 894	5 040	2	28I
6. Из Грузии в I944 г.	86 663	86 I00	22 754	28 037	35 309	55	508
турки	46 790	46 5I6	I2 424	I5 382	I8 7I0	39	235
курды	8 843	8 694	2 269	2 504	3 92I	II	I38
хемшилы	I 397	I 385	355	365	665	-	I2
другие	29 633	29 505	7 706	9 786	I2 0I3	5	I23
7. Калмыки	8I 475	79 376	23 098	30 360	25 9I8	59	2 040
8. "С Черноморского побережья" в I949 г.	57 I42	56 858	I7 898	I9 982	I8 978	5	279

I	2	3	4	5	6	7	8
греки	37 352	37 I88	II 426	I3 280	I2 482	I	I63
"дашнаки"	I5 486	I5 395	4 879	5 326	5 I90	3	88
турки	I 794	I 778	724	490	564	I	I5
другие	2 5I0	2 497	869	886	742	-	I3
9. "Власовцы"	56 746	39 872	39 7I9	I53	-	6I8	I6 256
I0. Поляки	36 045	35 820	9 6I9	I3 7I5	I2 486	6	2I9
II. Из Молдавии в I949 г.	35 838	35 4I4	I0 487	I4 390	I0 537	I4	4I0
I2. По Указу от 2 июня I948 г.	27 275	25 06I	I2 408	I2 653	-	5I	2 I63
I3. Бывшие кулаки	24 686	24 39I	6 54I	8 936	8 9I4	85	2I0
I4. Кулаки из Литвы в I95I г.	I8 I04	I8 097	5 5I2	7 4I8	5 I67	2	5
I5. Из Прибалтики в I940-I94Iгг.	I4 30I	I4 06I	3 576	8 878	I 607	63	I77
I6. Из Грузии в I95I-I952 гг.	II 685	II 679	3 29I	3 769	4 6I9	-	6
I7. Из Молдавии в I940-I94I гг.	9 793	9 727	2 92I	5 I9I	I 6I5	5	6I
I8. Иеговисты	9 363	9 324	2 786	3 754	2 784	I	38
I9. Из Краснодарского края и Ростовской обл. в I942 г.	6 057	6 046	2 I73	3 I44	729	-	II
20. Из западных областей УССР и БССР в I940-I94I гг.	5 592	5 588	I 700	3 054	834	-	4
2I. "Фольксдойчи" и "немецкие пособники"	4 834	4 674	878	2 7I5	I 08I	33	I27
22. Иранцы	4 707	4 665	I 50I	I 675	I 489	4	38
23. "Андерсовцы"	4 520	4 5I5	I 440	I 558	I 5I7	I	4
24. Кулаки из Западной Белоруссии в I952 г.	4 43I	4 43I	I I43	2 098	I I90	-	-
25. Басмачи	2 747	2 735	7I6	698	I 32I	-	I2
26. Кабардинцы	I 7I7	I 672	385	755	532	7	38
27. Кулаки из Западной Украины в I95I г.	I 445	I 445	475	640	330	-	-
28. Из Псковской обл.в I950 г.	I 356	I 35I	342	667	342	-	5
29. Кулаки из Измаильской обл.в I948 г.	I I57	I I53	388	434	33I	-	4
30. "Истинно православные христиане" ("ИПХ")	995	90I	I74	569	I58	2	92
3I. С Иранской и Афганской границ в I937 г.	9I6	9I6	322	329	265	-	-
32. По Указу от 23 июля I95I г.	59I	585	270	3I5	-	3	3
33. Интернированные с территории Польши	74	74	67	3	4	-	-
Итого:	2 753 356	2 694 I97	769 484	I 040 656	884 057	2 808	56 35I

* Сост. по: ГАРФ. Ф.9479. Оп.I. Д.64I. Л.9-I2.

и областях (в нижеприведенной статистике первая цифра, указанная после названия административно-территориальной единицы, составляет число состоявших на учете, вторая - количество находившихся в наличии, третья - численность арестованных и четвертая - количество числившихся в розыске)[36].

Казахская ССР - 988 373 (974 900, 13 143 и 330).

Немцы - 448 626 (выселенные - 337 209, местные - 62 631, репатриированные - 42 850, мобилизованные - 5 936); с Северного Кавказа - 379 104 (чеченцы - 244 674, ингуши - 80 844, карачаевцы - 35 735, балкарцы - 16 819, другие - 1 032); с "Черноморского побережья" - 37 218 (греки - 37 114, турки - 18, "дашнаки" - 17, другие - 69); поляки - 35 960; из Грузии в 1944 г. - 32 619 (турки - 13 260, курды - 5 530, хемшилы - 422, другие - 13 407); из Грузии в 1951-1952 гг. - 11 685; "оуновцы" - 8 011; из Крыма - 6 560 (татары - 2 511, болгары - 1868, греки - 1240 , армяне - 575, другие - 366); из Краснодарского края и Ростовской обл. в 1942 г. - 6 057; иранцы - 4 707; кулаки из БССР в 1952 г. - 4 431; из Молдавии в 1940-1941 гг. - 3 681; басмачи - 2 747; калмыки - 2 472; кабардинцы - 1 717; "власовцы" - 1 327; из западных областей УССР и БССР в 1940-1941 гг. - 657; с иранской и афганской границ - 634; из Прибалтики в 1940-1941 гг. - 146; из Прибалтики в 1945-1949 гг. - 9 (литовцы - 4, латыши - 4, эстонцы - 1); из Молдавии в 1949 г. - 5.

Узбекская ССР - 188 689 (185 055, 3 478 и 156).

Из Крыма - 133 731 (татары - 128 348, греки - 4 097, армяне - 381, болгары - 53, другие - 852); из Грузии в 1944 г. - 43 867 (турки - 30 588, курды - 667, хемшилы - 2, другие - 12 610); немцы - 8 366 (местные - 4 664, выселенные - 1 451, репатриированные - 1 185, мобилизованные - 1 024, другие - 42); с Северного Кавказа - 1 590 (карачаевцы - 821, балкарцы - 410, чеченцы - 180, ингуши - 167, другие - 12); калмыки - 808; "власовцы" - 317; из Молдавии в 1949 г. - 10.

Красноярский край - 151 502 (148 913, 2 381 и 208).

Немцы - 62 443 (выселенные - 59 243, репатриированные - 3 200); из Прибалтики в 1945-1949 гг. - 35 584 (литовцы - 29 326, эстонцы - 6 231, латыши - 27); калмыки - 16 269; "оуновцы" - 14 322; кулаки из Литвы в 1951 г. - 10 827; "власовцы" - 4 347; из Прибалтики в 1940-1941 гг. - 3 703; по Указу от 2 июня 1948 г. - 2 332; по Указу от 23 июля 1951 г. - 452; из Псковской обл. - 393; "фольксдойчи" и немецкие пособники- 321; из Крыма - 149 (татары - 119, греки - 8, армяне - 8, другие - 14); "ИПХ" - 147; из западных областей УССР и БССР в 1940-1941 гг. - 95; с Северного Кавказа - 46 (чеченцы - 19, балкарцы - 6, ингуши - 3, другие - 18); из Грузии в 1944 г. - 29 (курды - 22, турки - 6, другие - 1); с "Черноморского побережья" - 27 ("дашнаки"); из Молдавии в 1940-1941 гг. - 12; из Молдавии в 1949 г. - 4.

Киргизская ССР - 143 638 (141 785, 1 834 и 19).

С Северного Кавказа - 116 755 (чеченцы - 71 238, карачаевцы - 26 669, балкарцы - 15 914, ингуши - 2 334, другие - 600); немцы - 15 752 (местные - 14 845, выселенные - 528, мобилизованные - 230, репатриированные - 36, другие - 113); из Грузии в 1944 г. - 10 127 (турки - 2 936, курды - 2 613, хемшилы - 973, другие - 3 605); из Крыма - 389 (татары - 366, греки - 16, болгары - 1, другие - 6); калмыки - 313; с иранской и афганской границ - 282; с "Черноморского побережья" - 10 (греки); из Молдавии в 1949 г. - 10.

Алтайский край - 138 586 (136 811, 1 742 и 33).

Немцы - 97 616 (выселенные - 80 933, репатриированные - 13 841, мобилизованные - 1 653, местные - 1 189); калмыки - 18 581; с "Черноморского побережья" - 18 447 ("дашнаки" - 15 437, греки - 10); из Молдавии в 1949 г. - 4 262; из Прибалтики в 1940-1941 гг. - 2 050; бывшие кулаки - 547; из Крыма - 34 (татары); с Северного Кавказа - 15 (чеченцы - 7, карачаевцы - 3, балкарцы - 3, ингуши - 2); из Прибалтики в 1945-1949 гг. - 14 (латыши - 13, эстонцы - 1); "оуновцы" - 7; "фольксдойчи" и немецкие пособники - 6; "власовцы" - 6; "ИПХ" - 1.

Кемеровская обл. - 121 598 (116 270, 4 960 и 368).

Немцы - 64 653 (выселенные - 55 851, репатриирован-

ные - 4 888, местные - 2 968, мобилизованные - 832, другие - II4); "оуновцы" - 28 577; бывшие кулаки - I2 329; из Крыма - 5 650 (болгары - 2 365, армяне - I 385, греки - I 334, татары - 209, другие - 357); "власовцы" - 5 I0I; по Указу от 2 июня I948 г.- 2 959; из Молдавии в I949 г.- I 368; калмыки - 227; из западных областей УССР и БССР в I940-I94I гг.- 2I5; из Молдавии в I940-I94I гг.- I80; из Прибалтики в I945-I949 гг. - II9 (литовцы - II6, латыши - 3); с Северного Кавказа - 96 (чеченцы - 5I, карачаевцы - I8, ингуши - I4, балкарцы - II, другие - 2); из Прибалтики в I940-I94I гг. - 94; "фольксдойчи" и немецкие пособники - I7; из Псковской обл. - 9; с "Черноморского побережья" - 3 ("дашнаки"); поляки - I.

Новосибирская обл. - II0 I64 (I08 090, I 992 и 82).

Немцы - 78 873 (выселенные - 58 372, репатриированные - I3 262, местные - 6 648, мобилизованные - 576, другие - I5); калмыки - I7 7I9; из Прибалтики в I945-I949 гг. - 9 343 (эстонцы - 9 336, латыши - 4, литовцы - 3); "фольксдойчи" и немецкие пособники - 3 023; из Молдавии в I940-I94I гг. - 476; "власовцы" - 3I6; "оуновцы" - 220; из Прибалтики в I940-I94I гг. - I56; из Крыма - 22 (греки - 7, армяне - 7, татары - 4, болгары - 3, другие - I); с Северного Кавказа - 7 (чеченцы - 2, ингуши - 2, карачаевцы - 2, другие - I); "ИПХ" - 4; из западных областей УССР и БССР в I940-I94I гг. - 2; с "Черноморского побережья"- 2 ("дашнаки"); по Указу от 2 июня I948 г. - I.

Иркутская обл. - 9I 945 (90 365, I 5I4 и 66).

Из Прибалтики в I945-I949 гг. - 40 8I3 (литовцы - 38 67I, эстонцы - 2 084, латыши - 58); "оуновцы" - I7 7II; немцы - 7 943 (репатриированные - 4 4I8, выселенные - I 9I9, мобилизованные - I 4II, местные - I95); иеговисты - 6 245; по Указу от 2 июня I948 г. - 4 85I; "власовцы" - 4 559; "андерсовцы" - 4 520; из Молдавии в I949 г. - 3 397; кулаки из западных областей УССР в I95I г. - I 445; с Северного Кавказа - 258 (чеченцы - I52, ингуши - 75, балкарцы - 20, карачаевцы - II); из Крыма - I28 (татары - 70, армяне - 26, греки - 23, болгары - 9); калмыки - 66;

"фольксдойчи" и немецкие пособники - 7; "ИПХ" - 2.

Омская обл. - 87 309 (86 0I3, I 22I и 75).

Немцы - 42 299 (выселенные - 38 627, репатриированные - I 869, мобилизованные - I 069, местные - 686, другие - 48); из Прибалтики в I945-I949 гг. - 2I 4I6 (латыши - I9 790, эстонцы - I 626); "оуновцы" - I2 8I2; калмыки - 9 838; из Молдавии в I940-I94I гг. - 488; из западных областей УССР и БССР в I940-I94I гг. - 369; из Молдавии в I949 г. - 30; "власовцы" - 23; из Прибалтики в I940-I94I гг. - I7; из Крыма - 7 (татары - 6, болгары - I); с Северного Кавказа - 6 (чеченцы - 5, карачаевцы - I); "фольксдойчи" и немецкие пособники - 2; кулаки из Измаильской обл. в I948 г. - I; по Указу от 2 июня I948 г. - I.

Молотовская обл. - 87 I7I (82 965, 3 985 и 22I).

Немцы - 52 3I3 (выселенные - 28 380, репатриированные - I7 83I, мобилизованные - 4 454, местные - I 648); из Крыма - I6 592 (татары - 8 438, болгары - 3 625, греки - 2 268, армяне - I 835, другие - 426); "оуновцы" - I0 970; "власовцы" - 4 236; из Прибалтики в I945-I949 гг. - 2 228 (литовцы); по Указу от 2 июня I948 г. - 668; калмыки - II7; из Молдавии в I949 г. - 29; с Северного Кавказа - I6 (чеченцы - 9, карачаевцы - 4, ингуши - 2, балкарцы - I); "фольксдойчи" и немецкие пособники - 2.

Томская обл. - 80 093 (79 369, 666 и 58).

Немцы - 26 006 (выселенные - I9 707, репатриированные - 5 830, мобилизованные - 3I0, местные - I59); из Прибалтики в I945-I949 гг. - I6 753 (латыши - I4 324, литовцы - 2 400, эстонцы - 29); "оуновцы" - II 679; кулаки из Литвы в I95I г. - 7 277; с "Черноморского побережья" - 4 4I9 (турки - I 772, греки - 2I7, другие - 2 430); из Прибалтики в I940-I94I гг. - 3 935; из Молдавии в I940-I94I гг. - 3 3I7; иеговисты - 3 II8; кулаки из Измаильской обл. в I948 г. - I I56; калмыки - I I24; из западных областей УССР и БССР в I940-I94I гг. - 775; "ИПХ" - 448; "власовцы" - 54; из Крыма - I6 (греки - 7, татары - 6, армяне - 3); бывшие кулаки - II; с Северного Кавказа - 3 (чеченцы); "фольксдойчи" и немецкие пособники - 2.

Свердловская обл. – 77 460 (76 202, I I96 и 62).

Немцы – 62 529 (выселенные – 40 700, репатриированные – I2 076, мобилизованные – 6 724, местные – 3 029); из Крыма – I2 534 (греки – 3 4I4, армяне – 2 858, болгары – 2 847, татары – 2 488, другие – 927); из Прибалтики в I945–I949 гг. – I 384 (литовцы – I 366, латыши – I8); калмыки – 482; "власовцы" – 403; "оуновцы" – I07; поляки – I3; из Молдавии в I940–I94I гг. – 7; с Северного Кавказа – I (чеченец).

Тюменская обл. – 68 679 (67 696, 942 и 4I).

Немцы – 28 695 (выселенные – 26 76I, репатриированные – I 8I0, местные – I24); калмыки – I0 364; из Молдавии в I949 г. – 7 765; "оуновцы" – 5 904; бывшие кулаки – 5 7I8; из западных областей УССР и БССР в I940–I94I гг. – 3 479; по Указу от 2 июня I948 г. – 3 387; из Молдавии в I940–I94I гг. – I 632; из Прибалтики в I945–I949 гг. – I 240 (литовцы); "ИПХ" – 39I; из Прибалтики в I940–I94I гг. – 46; "власовцы" – 36; из Крыма – I8 (болгары – 8, греки – 5, татары – 4, армяне – I); с Северного Кавказа – 3 (чеченцы – 2, ингуши – I); "фольксдойчи" и немецкие пособники – I.

Челябинская обл. – 52 997 (52 464, 479 и 54).

Немцы – 46 28I (выселенные – 29 834, местные – 6 0II, мобилизованные – 5 759, репатриированные – 4 264, другие – 4I3); "оуновцы" – 6 220; "власовцы" – 4I6; из Крыма – 58 (татары – 29, болгары – I0, греки – I0, другие – 9); калмыки – I2; с Северного Кавказа – 8 (чеченцы – 4, балкарцы – 2, ингуши – I, карачаевцы – I); с "Черноморского побережья" – I (грек).

Таджикская ССР – 46 392 (45 227, I I2I и 44).

Немцы – 28 I64 (репатриированные – I8 023, выселенные – 8 323, мобилизованные – I 68I, местные – I37); "власовцы" – 9 228; из Крыма – 7 I88 (татары – 6 7II, болгары – I54, греки – I53, армяне – I2I, другие – 49); "фольксдойчи" и немецкие пособники – I 430; калмыки – 227; с Северного кавказа – I08 (чеченцы – 69, карачаевцы – I6, ингуши – I5, балкарцы – 4, другие – 4); по Указу от 2 июня I948 г. – 4I; "оуновцы" – 6.

Хабаровский край – 35 566 (34 852, 685 и 29).

"Оуновцы" – 26 098; немцы – 3 577 (мобилизованные – 2 2I7, местные – 7I9, выселенные – 525, репатриированные – II6); по Указу от 2 июня I948 г. – 2 6I5; "власовцы" – I 396; из Молдавии в I949 г. – 9II; из Прибалтики в I945–I949 гг. – 758 (литовцы – 749, латыши – 9); из Крыма – I05 (татары – 82, греки – I2, армяне – 7, болгары – 4); с Северного Кавказа – I02 (чеченцы – 82, ингуши – I5, балкарцы – 2, карачаевцы – I, другие – 2); калмыки – 4.

Коми АССР – 24 420 (22 852, I 468 и I00).

Немцы – I2 I4I (репатриированные – I0 I3I, выселенные – I 776, мобилизованные – I53, местные – 8I); бывшие кулаки – 4 5I2; "оуновцы" – 3 735; "власовцы" – 2 540; из Прибалтики в I945–I949 гг. – 787 (литовцы); из Прибалтики в I940–I94I гг. – 676; из Крыма – I5 (татары – II, греки – 4); поляки – 7; калмыки – 5; с Северного Кавказа – 2 (чеченцы).

Башкирская АССР – I8 974 (I8 282, 637 и 55).

Немцы – I3 I53 (выселенные – 8 039, местные – 3 206, мобилизованные – I I32, репатриированные – 773, другие – 3); из Крыма – 4 473 (греки – I 967, армяне – 94I, болгары – 768, татары – 299, другие – 498); "власовцы" – I 34I; калмыки – 5; с Северного Кавказа – 2 (чеченцы).

Якутская АССР – I7 789 (I7 I04, 632 и 53).

По Указу от 2 июня I948 г. – 4 899; немцы – 3 980 (выселенные – 2 609, репатриированные – 977, мобилизованные – 333, местные – 6I); "власовцы" – 3 I79; "оуновцы" – 3 I33; из Прибалтики в I940–I94I гг. – 2 I05; по Указу от 28 июля I95I г. – I39; из Крыма – I39 (татары – II3, армяне – I2, греки – I0, болгары – 4); из Прибалтики в I945–I949 гг. – 97 (литовцы – 8I, эстонцы – I8, латыши – 3); интернированные с территории Польши – 74; с Северного Кавказа – 23 (ингуши – I0, чеченцы – 9, карачаевцы – 2, балкарцы – I, другие – I); из Грузии в I944 г. – 9 (курды); калмыки – 9; из Молдавии в I949 г. – 2.

Архангельская обл. – I7 4I6 (I6 355, I 026 и 35).

Немцы – I2 894 (репатриированные – I0 976, выселенные – I 800, мобилизованные – II8); "оуновцы" – 4 308;

"власовцы" - 213; с Северного Кавказа - 1 (чеченец).

Амурская обл. - 16 903 (16 391, 509 и 3).

"Оуновцы" - 5 795; из Прибалтики в 1945-1949 гг. - 5 022 (латыши); немцы - 2 241 (мобилизованные - 1 102, местные - 852, выселенные - 248, репатриированные - 39); по Указу от 2 июня 1948 г. - 1 520; "власовцы" - 1 308; из Молдавии в 1949 г. - 989; с Северного Кавказа - 23 (чеченцы - 19, карачаевцы - 2, ингуши - 1, балкарцы - 1); калмыки - 3; из Крыма - 2 (татары - 1, армяне - 1).

Тульская обл. - 15 342 (14 140, 1 162 и 40).

Немцы - 11 995 (выселенные - 10 389, мобилизованные - 1 516, репатриированные - 57, местные - 17, другие - 16); из Крыма - 2 860 (татары - 2 846, греки - 5, болгары - 4, армяне - 2, другие - 3); "власовцы" - 484; с Северного Кавказа - 2 (чеченцы - 1, балкарцы - 1); калмыки - 1.

Курганская обл. - 14 154 (13 914, 234 и 6).

Из Молдавии в 1949 г. - 13 447; немцы - 466 (выселенные - 321, мобилизованные - 54, репатриированные - 51, местные - 40); бывшие кулаки - 170; поляки - 55; из Крыма - 8 (болгары - 5, татары - 2, другие - 1); "власовцы" - 4; с Северного Кавказа - 2 (чеченцы); с "Черноморского побережья" - 2 (подконтингент "другие").

Бурят-Монгольская АССР - 13 908 (13 227, 678 и 3).

Из Прибалтики в 1945-1949 гг. - 3 869 (литовцы); немцы - 3 423 (выселенные - 2 139, репатриированные - 867, мобилизованные - 247, другие - 170); из Молдавии в 1949 г. - 2 718; "оуновцы" - 2 257; "власовцы" - 1 479; по Указу от 2 июня 1948 г. - 152; поляки - 6; калмыки - 2; с Северного Кавказа - 1 (карачаевец); из Крыма - 1 (татарин).

Оренбургская обл. - 13 384 (13 190, 183 и 11).

Немцы - 13 359 (выселенные - 8 237, мобилизованные - 2 767, репатриированные - 1 973, местные - 382); с Северного Кавказа - 10 (карачаевцы - 6, чеченцы - 4); из Крыма - 9 (татары); калмыки - 3; "власовцы" - 3.

Удмуртская АССР - 11 507 (11 091, 374 и 42).

Немцы - 10 523 (репатриированные - 7 580, выселенные - 1 660, мобилизованные - 1 196, местные - 80, другие - 7);

"оуновцы" - 962; "фольксдойчи" и немецкие пособники - 11; из Крыма - 7 (греки - 1, болгары - 1, другие - 5); бывшие кулаки - 2; "власовцы" - 2.

Кировская обл. - 11 153 (10 423, 669 и 61).

Немцы - 7 219 (репатриированные - 5 735, выселенные - 1 324, местные - 104, мобилизованные - 56); "оуновцы" - 1 995; из Прибалтики в 1940-1941 гг. - 1 373; из Крыма - 508 (болгары - 486, армяне - 9, татары - 8, греки - 4, другие - 1); "власовцы" - 48; из Прибалтики в 1945-1949 гг. - 7 (эстонцы - 3, литовцы - 2, латыши - 2); с Северного Кавказа - 3 (чеченцы).

Марийская АССР - 11 112 (10 809, 271 и 32).

Из Крыма - 8 341 (татары - 7 652, армяне - 282, болгары - 196, греки - 128, другие - 83); немцы - 2 771 (репатриированные - 2 592, мобилизованные - 85, выселенные - 85, местные - 7, другие - 2).

Читинская обл. - 10 154 (9 252, 894 и 8).

"Оуновцы" - 4 655; "власовцы" - 2 580; по Указу от 2 июня 1948 г. - 1 157; из Молдавии в 1949 г. - 884; немцы - 868 (выселенные - 718, мобилизованные - 98, репатриированные - 45, местные - 7); с Северного Кавказа - 7 (чеченцы - 3, карачаевцы - 3, ингуши - 1); из Крыма - 2 (татары - 1, болгары - 1); калмыки - 1.

Вологодская обл. - 10 089 (9 588, 493 и 8).

Немцы - 9 952 (репатриированные - 9 462, выселенные - 244, мобилизованные - 245, местные - 1); "оуновцы" - 137.

Костромская обл. - 8 703 (8 273, 395 и 35).

Немцы - 6 434 (репатриированные - 6 342, выселенные - 56, мобилизованные - 31, местные - 3, другие - 2); из Крыма - 2 267 (татары - 2 243, греки - 1, другие - 23); "фольксдойчи" и немецкие пособники - 1; "оуновцы" - 1.

Московская обл. - 7 090 (6 810, 277 и 3).

Немцы - 6 326 (выселенные - 5 041, мобилизованные - 1 187, репатриированные - 98); из Крыма - 764 (татары - 706, болгары - 33, армяне - 23, греки - 2).

Дальний Север - 6 234 (6 096, 124 и 14).

"Власовцы" - 3 068; немцы - 2 730 (выселенные - 1 505, репатриированные - 882, мобилизованные - 343); из Крыма -

184 (татары - 175, греки - 5, болгары - 3, армяне - 1); с Северного Кавказа - 179 (чеченцы - 131, карачаевцы - 19, ингуши - 15, балкарцы - 14); калмыки - 36; "оуновцы" - 24; по Указу от 2 июня 1948 г. - 8; из Прибалтики в 1945-1949 гг. - 4 (литовцы - 3, латыши - 1); "ИПХ" - 2.

Куйбышевская обл. - 5 859 (5 675, 180 и 4).

Немцы - 5 149 (выселенные - 4 610, мобилизованные - 482, репатриированные - 57); из Крыма - 666 (татары - 663, греки - 1, другие - 2); "власовцы" - 40; калмыки - 2, "оуновцы" - 1; с Северного Кавказа - 1 (карачаевец).

Сахалинская обл. - 3 423 (3 171, 252 и 0).

Калмыки - 2 271; немцы - 823 (выселенные - 760, местные - 55; мобилизованные - 7, репатриированные - 1); "власовцы" - 325; из Крыма - 3 (греки); с Северного Кавказа - 1 (чеченец).

Карело-Финская ССР - 2 761 (1 312, 1 343 и 106).

"Власовцы" - 1 325; по Указу от 2 июня 1948 г. - 1 183; немцы - 246 (выселенные - 217, репатриированные - 29); из Крыма - 3 (татары - 1, греки - 1, болгары - 1); с Северного Кавказа - 1 (балкарец); калмыки - 1; из Прибалтики в 1945-1949 гг. - 1 (литовец); поляки - 1.

Горьковская обл. - 2 545 (2 009, 516 и 20).

Немцы - 1 489 (репатриированные - 1 174, выселенные - 226, мобилизованные - 89); из Крыма - 597 (татары); "власовцы" - 454; калмыки - 3; с Северного Кавказа - 2 (ингуши - 1, карачаевцы - 1).

Ивановская обл. - 2 186 (2 073, 112 и 1).

Немцы - 1 808 (репатриированные - 1 779, выселенные - 15, мобилизованные - 14); из Крыма - 365 (татары); с Северного Кавказа - 13 (чеченцы).

Приморский край - 2 089 (1 546, 532 и 11).

"Власовцы" - 1 117; "оуновцы" - 926; немцы - 27 (репатриированные - 16, выселенные - 11); по Указу от 2 июня 1948 г. - 11; с Северного Кавказа - 5 (карачаевцы - 3, чеченцы - 1, балкарцы - 1); калмыки - 1; из Крыма - 1 (татарин); из Прибалтики в 1945-1949 гг. - 1 (латыш).

Туркменская ССР - 1 998 (1 787, 193 и 18).

Немцы - 1 568 (выселенные - 1 035, репатриированные - 381, мобилизованные - 146, местные - 6); "власовцы" - 417; калмыки - 7; из Крыма - 6 (татары - 5, армяне - 1).

Татарская АССР - 1 911 (1 731, 171 и 9).

Немцы - 1 506 (выселенные - 1 116, мобилизованные - 263, репатриированные - 68, местные - 59); "власовцы " - 235; из Крыма - 163 (армяне - 83, греки - 32, татары - 24, болгары - 13, другие - 11); с Северного Кавказа - 7 (чеченцы - 5, карачаевцы - 2).

Рязанская обл. - 1 575 (1 533, 42 и 0).

Немцы - 1 575 (выселенные - 1 340, мобилизованные - 168, местные - 57, репатриированные - 8, другие - 2).

Мурманская обл. - 1 505 (1 241, 258 и 6).

Бывшие кулаки - 978; "власовцы" - 502; немцы - 20 (репатриированные - 16, выселенные - 2, другие - 2); из Крыма - 3 (татары - 2, армяне - 1); калмыки - 1; с Северного Кавказа - 1 (карачаевец).

Ульяновская обл. - 1 042 (1 024, 13 и 5).

Немцы - 1 042 (выселенные - 602, мобилизованные - 368, местные - 46, репатриированные - 26).

Тувинская АО - 612 (586, 26 и 0).

"Власовцы" - 602; немцы - 10 (выселенные).

Днепропетровская обл. - 460 (290, 158 и 12).

Немцы - 460 (выселенные).

Чувашская АССР - 406 (403, 1 и 2).

Немцы - 318 (выселенные - 245, мобилизованные - 40, местные - 12, репатриированные - 7, другие - 14); из Крыма - 72 (татары - 66, греки - 2, другие - 4); с "Черноморского побережья" - 9 (подконтингент "другие"); из Грузии в 1944 г. - 4 (подконтингент "другие").

Ростовская обл. - 302 (302, 0 и 0).

Немцы - 302 (репатриированные - 195, выселенные - 107).

Херсонская обл. - 186 (101, 2 и 83).

Бывшие кулаки - 186.

Владимирская обл. - 91 (91, 0 и 0).

Немцы - 91 (выселенные - 89, репатриированные - 2).

В исправительно-трудовых лагерях и на спецстройках МВД - 25 9II (24 548, I I87 и I76).

Немцы - I3 886 (выселенные - I0 285, мобилизованные - 2 6I7, репатриированные - 540, местные - 444); "оуновцы" - 4 490; "власовцы" - 3 7I5; по Указу от 2 июня I948 г. - I 490; из Псковской обл. - 954; из Прибалтики в I945-I949 гг. - 508 (литовцы - 3I2, эстонцы - I96); калмыки - 502; бывшие кулаки - 233; из Крыма - 58 (татары - 43, армяне - 7, болгары - 2, другие - 6); с Северного Кавказа - 45 (чеченцы - I9, ингуши - I5, карачаевцы - 4, балкарцы - 3, другие - 4); "фольксдойчи" и немецкие пособники - II; из Грузии в I944 г. - 8 (курды - 2, другие - 6); из Молдавии в I949 г. - 7; с "Черноморского побережья" - 4 (турки).

По состоянию на I января I953 г. география расселения спецпоселенцев по областям Казахской, Узбекской и Киргизской ССР выглядела следующим образом:

Казахская ССР

Карагандинская обл. - I35 075 (I32 807, 2 I49 и II9).

Немцы - 78 843 (выселенные - 53 477, репатриированные - I5 7I2, местные - 8 754, мобилизованные - 900); с Северного Кавказа - 44 247 (чеченцы - 38 699, ингуши - 5 226, балкарцы - I05, карачаевцы - 89, другие - I28); "оуновцы" - 7 423; поляки - 2 424; из Краснодарского края и Ростовской обл. в I942 г. - I 434; "власовцы" - 433; калмыки - 73; из Крыма - 63 (татары - 55, болгары - 5, армяне - 3); из Молдавии в I940-I94I гг. - 47; из Прибалтики в I940-I94I гг. - 40; из Грузии в I944 г. - 27 (турки - I5, курды - 4, другие - 8); из западных областей УССР и БССР в I940-I94I гг. - I0; с "Черноморского побережья" - 6 (греки); иранцы - 4; из Прибалтики в I945-I949 гг. - I (эстонец).

Акмолинская обл. - II8 426 (II6 537, I 84I и 48).

Немцы - 69 4I2 (выселенные - 47 6I2, репатриированные - I4 007, местные - 7 793); с Северного Кавказа - 40 94I (ингуши - 2I 550, чеченцы - I6 5II, балкарцы - 2 864, карачаевцы - 6, другие - I0); поляки - 6 085; из Молдавии

в I940-I94I гг. - I 098; из Краснодарского края и Ростовской обл. в I942 г. - 577; "оуновцы" - I48; "власовцы" - 92; из Крыма - 5I (татары - 48, болгары - 3); калмыки - I0; из западных областей УССР и БССР в I940-I94I гг. - 5; с иранской и афганской границ в I937 г. - 4; из Прибалтики в I940-I94I гг. - 3.

Южно-Казахстанская обл. - I06 662 (I05 97I, 682 и 9).

С Северного Кавказа - 35 890 (карачаевцы - I8 504, чеченцы - I4 782, балкарцы - I 4I7, ингуши - I I87); с "Черноморского побережья" - 24 97I (греки); немцы - I5 933 (выселенные - II I45, местные - 4 722, репатриированные - 5I, мобилизованные - I5); из Грузии в I95I-I952 гг. - II 677; из Грузии в I944 г. - I0 339 (турки - 3 342, курды - 868, хемшилы - 27I, другие - 5 858); кулаки из БССР в I952 г. - 4 427; из Молдавии в I940-I94I гг. - I 077; кабардинцы - 736; из западных областей УССР и БССР в I940-I94I гг. - 635; с иранской и афганской границ в I937 г. - 628; из Крыма - 204 (татары - I74, армяне - I4, греки - 9, болгары - 3, другие - 4); поляки - 84; из Краснодарского края и Ростовской обл. в I942 г. - 30; калмыки - 25; "оуновцы" - 4; иранцы - 2.

Кокчетавская обл. - 99 I89 (97 952, I 224 и I3).

Немцы - 49 932 (выселенные - 46 257, местные - 3 606, репатриированные - 64, мобилизованные - 5); поляки - 23 332; с Северного Кавказа - 2I 652 (ингуши - I4 902, чеченцы - 5 779, балкарцы - 906, другие - 65); басмачи - 2 747; из Краснодарского края и Ростовской обл. в I942 г. - I 2I6; "оуновцы" - 232; из Молдавии в I940-I94I гг. - 22; из Крыма - I8 (татары - I6, греки - I, армяне - I); из Прибалтики в I940-I94I гг. - 9; калмыки - 8; из западных областей УССР и БССР в I940-I94I гг. - 7; из Прибалтики в I945-I949 гг. - 5 (литовцы - 3, латыши - 2); с "Черноморского побережья" - 3 (турки); с иранской и афганской границ в I937 г. - 2; из Грузии в I95I-I952 гг. - 2; "власовцы" - 2.

Кустанайская обл. - 84 3I3 (83 245, I 055 и I3).

Немцы - 5I 276 (выселенные - 39 I54, местные - 9 958, репатриированные - I 405, мобилизованные - 759); с Северного

Кавказа – 32 371 (ингуши – 17 048, чеченцы – 15 273, карачаевцы – 13, другие – 37); "власовцы" – 454; из Краснодарского края и Ростовской обл. в 1942 г. – 119; из Крыма – 59 (татары – 27, греки – 24, армяне – 7, болгары – 1); калмыки – 28; из Прибалтики в 1945–1949 гг. – 3 (латыши – 2, литовцы – 1); "оуновцы" – 1; поляки – 1; с "Черноморского побережья" – 1 (грек).

Джамбулская обл. – 69 339 (68 526, 769 и 44).

С Северного Кавказа – 42 744 (чеченцы – 20 035, карачаевцы – 16 701, балкарцы – 5 096, ингуши – 847, другие – 65); немцы – 13 953 (выселенные – 13 129, местные – 710, репатриированные – 114); из Грузии в 1944 г. – 5 642 (курды – 1 642, турки – 879, другие – 3 121); с "Черноморского побережья" – 5 101 (греки – 5 083, "дашнаки" – 17, другие – 1); иранцы – 850; кабардинцы – 683; из Крыма – 189 (татары – 161, греки – 20, болгары – 5, армяне – 1, другие – 2); из Краснодарского края и Ростовской обл. в 1942 г. – 97; калмыки – 31; поляки – 24; "оуновцы" – 12; из Молдавии в 1940–1941 гг. – 5; кулаки из БССР в 1952 г. – 4; из Молдавии в 1949 г. – 4.

Павлодарская обл. – 66 605 (65 602, 1 001 и 2).

Немцы – 40 565 (выселенные – 32 128, местные – 6 292, мобилизованные – 2 074, репатриированные – 71); с Северного Кавказа – 25 252 (ингуши – 12 281, чеченцы – 11 631, балкарцы – 1 276, карачаевцы – 6, другие – 58); из Краснодарского края и Ростовской обл. в 1942 г. – 692; из Грузии в 1944 г. – 37 (курды – 34, другие – 3); калмыки – 22; поляки – 15; "власовцы" – 12; из Крыма – 5 (татары); "оуновцы" – 2; с "Черноморского побережья" – 2 (греки); из Прибалтики в 1940–1941 гг. – 1.

Алма-Атинская обл. – 56 243 (55 701, 527 и 15).

С Северного Кавказа – 26 257 (чеченцы – 21 138, балкарцы – 2 966, ингуши – 1 822, карачаевцы – 156, другие – 175); из Грузии в 1944 г. – 13 357 (турки – 7 023, курды – 2 079, хемшилы – 42, другие – 4 213); немцы – 7 512 (выселенные – 6 186, местные – 825, репатриированные – 501); иранцы – 3 835; из Краснодарского края и Ростовской обл. в 1942 г. – 1 594; поляки – 1 435; из Крыма –

1 235 (татары – 777, болгары – 165, греки – 128, армяне – 61, другие – 104); с "Черноморского побережья" – 575 (греки – 504, турки – 3, другие – 68); кабардинцы – 298; калмыки – 143; из Молдавии в 1940–1941 гг. – 2.

Семипалатинская обл. – 52 855 (51 849, 998 и 8).

Немцы – 32 713 (выселенные – 28 614, местные – 2 737, репатриированные – 1 356, мобилизованные – 6); с Северного Кавказа – 19 749 (чеченцы – 19 495, ингуши – 58, карачаевцы – 7, балкарцы – 1, другие – 188); "власовцы" – 301; калмыки – 27; из Крыма – 25 (татары – 14, армяне – 7, болгары – 4); из Краснодарского края и Ростовской обл. в 1942 г. – 14; поляки – 9; "оуновцы" – 7; из Грузии в 1951–1952 гг. – 6; из Прибалтики в 1940–1941 гг. – 2; из Грузии в 1944 г. – 2 (подконтингент "другие").

Северо-Казахстанская обл. – 49 148 (47 462, 679 и 7).

Немцы – 28 777 (выселенные – 20 586, местные – 8 021, репатриированные – 162, мобилизованные – 8); с Северного Кавказа – 17 252 (чеченцы – 12 030, ингуши – 5 221, балкарцы – 1); поляки – 1 960; "оуновцы" – 114; из Крыма – 17 (татары – 12, греки – 3, болгары – 2); калмыки – 11; из Краснодарского края и Ростовской обл. в 1942 г. – 10; из Молдавии в 1940–1941 гг. – 6; из Молдавии в 1949 г. – 1.

Восточно-Казахстанская обл. – 45 647 (44 974, 665 и 8).

С Северного Кавказа – 23 109 (чеченцы – 23 060, ингуши – 3, другие – 46); немцы – 22 506 (выселенные – 19 011, местные – 3 233, мобилизованные – 188, репатриированные – 74); из Крыма – 26 (татары – 16, болгары – 10); из Краснодарского края и Ростовской обл. в 1942 г. – 3; калмыки – 1; поляки – 1; "власовцы" – 1.

Талды-Курганская обл. – 38 699 (38 295, 385 и 19).

С Северного Кавказа – 24 083 (чеченцы – 21 043, балкарцы – 2 168, ингуши – 465, карачаевцы – 246, другие – 161); немцы – 10 528 (выселенные – 6 224, местные – 4 003, репатрийованные – 287, мобилизованные – 14); с "Черноморского побережья" – 1 954 (греки); из Грузии в 1944 г. – 1 405 (курды – 903, турки – 231, хемшилы – 109, другие – 162); поляки – 590; из Крыма – 66 (татары – 56, греки – 8,

армяне - 2); калмыки - 50; из Краснодарского края и Ростовской обл. в 1942 г. - 20; иранцы - 2; "оуновцы" - 1.

Актюбинская обл. - 32 023 (31 561, 455 и 7).

Немцы - 20 405 (репатриированные - 8 948, выселенные - 8 873, мобилизованные - 1 636, местные - 948); с Северного Кавказа - 10 397 (чеченцы - 10 394, карачаевцы - 3); из Молдавии в 1940-1941 гг. - 995; из Краснодарского края и Ростовской обл. в 1942 г. - 86; "оуновцы" - 57; "власовцы" - 32; из Крыма - 31 (татары - 30, греки - 1); калмыки - 20.

Кзыл-Ординская обл. - 25 561 (25 088, 462 и 11).

С Северного Кавказа - 13 715 (чеченцы - 13 557, ингуши - 74, балкарцы - 14, карачаевцы - 2, другие - 68); с "Черноморского побережья" - 4 599 (греки - 4 584, турки - 15); немцы - 2 828 (выселенные - 2 691, репатриированные - 72, местные - 65); калмыки - 2 006; из Грузии в 1944 г. - 1 809 (турки - 1 770, другие - 39); из Молдавии в 1940-1941 гг. - 429; из Краснодарского края и Ростовской обл. в 1942 г. - 99; из Крыма - 64 (татары - 53, греки - 6, болгары - 4, армяне - 1); "оуновцы" - 10; из Прибалтики в 1940-1941 гг. - 2.

Гурьевская обл. - 8 229 (7 995, 227 и 7).

Из Крыма - 4 422 (болгары - 1 659, греки - 1040, татары - 989, армяне - 478, другие - 256); немцы - 2 256 (выселенные - 1 787, мобилизованные - 332, местные - 111, репатриированные - 26); с Северного Кавказа - 1 441 (чеченцы - 1 244, ингуши - 159, балкарцы - 5, карачаевцы - 2, другие - 31); из Прибалтики в 1940-1941 гг. - 89; калмыки - 15; с "Черноморского побережья" - 5 (греки); из Грузии в 1944 г. - 1 (подконтингент "другие").

Западно-Казахстанская обл. - 1 359 (1 335, 24 и 0).

Немцы - 1 187 (местные - 851, выселенные - 336); из Крыма - 85 (татары - 78, болгары - 7); из Краснодарского края и Ростовской обл. в 1942 г. - 66; иранцы - 14; с Северного Кавказа - 4 (чеченцы - 3, ингуши - 1); калмыки - 2; с "Черноморского побережья" - 1 (грек).

Узбекская ССР

Ташкентская обл. - 62 982 (61 638, 1 281 и 63).

Из Крыма - 47 895 (татары - 47 642, армяне - 47, болгары - 25, греки - 15, другие - 166); из Грузии в 1944 г. - 11 441 (турки - 9 585, курды - 173, другие - 1 683); немцы - 1 996 (репатриированные - 944, местные - 522, выселенные - 368, мобилизованные - 162); с Северного Кавказа - 1 401 (карачаевцы - 803, балкарцы - 406, чеченцы - 95, ингуши - 89, другие - 8); "власовцы" - 236; из Молдавии в 1949 г. - 9; калмыки - 4.

Самаркандская обл. - 45 901 (45 084, 772 и 45).

Из Крыма - 30 791 (татары - 30 556, армяне - 186, греки - 25, болгары - 6, другие - 18); из Грузии в 1944 г. - 11 357 (турки - 7 120, курды - 108, хемшилы - 2, другие - 4 127); немцы - 3 690 (местные - 3 195, мобилизованные - 285, выселенные - 193, репатриированные - 17); "власовцы" - 28; с Северного Кавказа - 28 (карачаевцы - 18, ингуши - 5, балкарцы - 4, чеченцы - 1); калмыки - 6; из Молдавии в 1949 г. - 1.

Ферганская обл. - 29 786 (29 291, 487 и 8).

Из Крыма - 21 050 (татары - 16 468, греки - 3 945, армяне - 111, болгары - 20, другие - 506); из Грузии в 1944 г. - 7 334 (турки - 4 471, другие - 2 863); немцы - 1 382 (мобилизованные - 502, выселенные - 389, местные - 275, репатриированные - 216); с Северного Кавказа - 15 (ингуши - 14, чеченцы - 1); "власовцы" - 5.

Андижанская обл. - 22 413 (22 017, 378 и 18).

Из Крыма - 16 096 (татары - 15 986, армяне - 21, греки - 16, другие - 73); из Грузии в 1944 г. - 6 038 (турки - 2 447, курды - 290, другие - 3 301); немцы - 236 (местные - 123, мобилизованные - 59, выселенные - 52, другие - 2); "власовцы" - 43.

Наманганская обл. - 12 059 (11 768, 279 и 12).

Из Крыма - 8 971 (татары - 8 945, другие - 26); из Грузии в 1944 г. - 2 987 (турки); немцы - 85 (выселенные - 64, местные - 20, мобилизованные - 1); калмыки - 12; "власовцы" - 4.

Бухарская обл. - 7 257 (7 I73, 77 и 7).

Из Грузии в I944 г. - 4 II0 (турки - 3 977, курды - 96, другие - 37); из Крыма - 2 6I6 (татары - 2 55I, греки - 2, другие - 63); немцы - 457 (выселенные - 243, местные - I7I, репатриированные - 3, другие - 40); с Северного Кавказа - 69 (ингуши - 53, чеченцы - I4, другие - 2); калмыки - 5.

Кашка-Дарьинская обл. - 6 588 (6 408, I77 и 3).

Из Крыма - 5 763 (татары - 5 7II, греки - 39, армяне - I2, болгары - I); из Грузии в I944 г. - 599 (подконтингент "другие"); немцы - 225 (выселенные - I39, местные - 77, мобилизованные - 5, репатриированные - 4); с Северного Кавказа - I (ингуш).

Кара-Калпакская АССР - I 059 (I 033, 26 и 0).

Калмыки - 78I; из Крыма - II8 (татары - 58, греки - 55, армяне - 4, болгары - I); с Северного Кавказа - 69 (чеченцы); немцы - 90 (местные); из Грузии в I944 г. - I (турок).

Сурхан-Дарьинская обл. - 552 (55I, I и 0).

Из Крыма - 408 (татары); немцы - I44 (местные - I38, мобилизованные - 6).

Хорезмская обл. - 92 (92, 0 и 0).

Немцы - 6I (местные - 53, мобилизованные - 4, выселенные - 3, репатриированные - I); из Крыма - 23 (татары); с Северного Кавказа - 7 (ингуши - 5, другие - 2); "власовцы" - I.

Киргизская ССР

Фрунзенская обл. - 7I I44 (70 248, 890 и 6).

С Северного Кавказа - 59 03I (чеченцы - 3I 7I3, карачаевцы - I9 I20, балкарцы - 6 I34, ингуши - I 974, другие - 90); немцы - 9 897 (местные - 9 4I2, выселенные - 343, мобилизованные - 49, репатриированные - 7, другие - 86); из Грузии в I944 г. - 2 006 (турки - 24I, другие - I 765); из Крыма - I30 (татары - I23, греки - 4, другие - 3); калмыки - 70; из Молдавии в I949 г. - I0.

Ошская обл. - 32 905 (32 398, 506 и I).

С Северного Кавказа - 27 258 (чеченцы - 2I 9I9, балкарцы - 4 793, ингуши - 294, карачаевцы - 40, другие - 2I2); из Грузии в I944 г. - 4 680 (турки - 2 I78, курды - 825, хемшилы - 5I3, другие - I I64); немцы - 620 (местные - 243, мобилизованные - I74, выселенные - I5I, репатриированные - 29, другие - 23); с иранской и афганской границ в I937 г. - 282; из Крыма - 47 (татары - 4I, греки - 2, болгары - I, другие - 3); калмыки - I8.

Джалал-Абадская обл. - I8 43I (I8 I94, 232 и 5).

С Северного Кавказа - I6 I22 (чеченцы - I3 730, балкарцы - 2 083, ингуши - 39, карачаевцы - 8, другие - 262); из Грузии в I944 г. - I 323 (курды - 666, хемшилы - I76, турки - I0I, другие - 380); немцы - 80I (местные); из Крыма - I48 (татары); калмыки - 37.

Таласская обл. - I7 8I6 (I7 638, I7I и 7).

С Северного Кавказа - II 4I0 (карачаевцы - 7 483, чеченцы - 3 874, ингуши - I3, балкарцы - 4, другие - 36); немцы - 4 225 (местные - 4 200, выселенные - 25); из Грузии в I944 г. - 2 II7 (курды - I I22, турки - 4I6, хемшилы - 284, другие - 295); из Крыма - 28 (татары - 24, греки - 4); калмыки - 26; с "Черноморского побережья" - I0 (греки).

Иссык-Кульская обл. - 3 I92 (3 I58, 34 и 0).

С Северного Кавказа - 2 929 (балкарцы - 2 900 , карачаевцы - I5, ингуши - I3, чеченцы - I); калмыки - I20; немцы - II4 (местные - 94, выселенные - 9, мобилизованные - 7, другие - 4); из Крыма - 29 (татары - 23, греки - 6).

Тянь-Шаньская обл. - I50 (I49, I и 0).

Немцы - 95 (местные); калмыки - 42; из Крыма - 7 (татары); с Северного Кавказа - 5 (карачаевцы - 3, чеченцы - I, ингуши - I); из Грузии в I944 г. - I (подконтингент "другие").

Помимо спецпоселенцев, I января I953 г. на учете 9 управления МГБ СССР состояли также 65 332 ссыльнопоселенца, ссыльных и высланных (без арестованных и числившихся в розыске). Среди них было 28 083 русских, I3 720 украинцев, 3346 евреев, 2847 латышей, 2548 белорусов, I956 литовцев, I604 немца, I483 поляка, I389 эстонцев, I30I армянин, 862 азербайджанца, 727 грузин, 6I0 молдаван, 605 татар,

Таблица 6

Расселение ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных (на I января I953 г.)*

I	Всего человек	В том числе: ссыльнопоселенцы	ссыльные	высланные
	2	3	4	5
Красноярский край	3I 420	28 I76	I I38	2 I06
Казахская ССР	I4 I08	8 358	3 897	I 853
Дальний Север	8 543	7 788	44I	3I4
Новосибирская обл.	4 568	3 632	533	403
Коми АССР	4 073	3 03I	I 042	-
Тюменская обл.	360	9	36	3I5
Молотовская обл.	322	42	6	274
Иркутская обл.	270	4I	7	222
Якутская АССР	266	I58	I	I07
Томская обл.	I67	38	87	42
Омская обл.	I53	24	22	I07
Мурманская обл.	68	-	68	-
Кировская обл.	63	20	2I	22
Кемеровская обл.	50	34	8	8
Узбекская ССР	49	I6	28	5
Архангельская обл.	4I	I0	II	20
Саратовская обл.	32	3	28	I
Вологодская обл.	3I	-	I8	I3
Свердловская обл.	29	I0	25	4
Алтайский край	28	-	26	2
Горьковская обл.	26	8	II	7
Ленинградская обл.	26	3	23	-
Латвийская ССР	25	22	3	-
Краснодарский край	24	23	I	-
Калининская обл.	23	7	9	7
Татарская АССР	I8	I7	I	-
Курская обл.	I8	I6	2	-
Владимирская обл.	I7	I0	3	4
Воронежская обл.	I6	I4	2	-

I	2	3	4	5
Пензенская обл.	I5	I0	I	4
Ростовская обл.	I3	I3	-	-
Грузинская ССР	I3	I3	-	-
Армянская ССР	I3	I3	-	-
Чувашская АССР	I3	9	2	2
Эстонская ССР	I2	I2	-	-
Ставропольский край	I2	9	3	-
Удмуртская АССР	II	5	-	6
Молдавская ССР	I0	I0	-	-
Другие области, края и республики	386	254	I0I	2I
Итого было в наличии:	65 332	5I 858	7 605	5 869

* Сост. по:ГАРФ. Ф.9479. Оп.I. Д.64I. Л.I06-I09, II6-II8, I23-I24.

Таблица 7

Процесс освобождения из спецпоселения и ссылки (I июля I954 - I июля I957)*

Контингенты освобожденных	Численность
I	2
По постановлению СМ СССР от 5 июля I954 г.	875 795
в том числе:	
а) дети спецпоселенцев, не достигшие I6 лет	872 909
б) дети спецпоселенцев старше I6 лет, обучающиеся в учебных заведениях	2 886
По постановлению СМ СССР от I3 августа I954 г.	II7 733
в том числе:	
а) бывшие кулаки, выселенные в I929-I933 гг.	II 864
б) немцы (подконтингенты: "местные" и "мобилизованные")	I05 869
По постановлению Президиума ЦК КПСС от 9 мая I955 г.	I3 573

I	2
в том числе:	
а) члены КПСС и кандидаты в члены КПСС	5 699
б) члены их семей	7 874
Лица, выселенные за пособничество фашистским оккупантам (по Указу Президиума ВС СССР от I7 сентября I955 г.)	I5 724
По постановлению СМ СССР от 24 ноября I955 г.	45 II9
в том числе:	
а) участники Великой Отечественной войны и лица, награжденные орденами и медалями СССР	I8 752
б) женщины, вступившие в брак с местными жителями, а также женщины русской, украинской и других национальностей, выселенные вместе с крымскими татарами, чеченцами и др. по признакам супружеских отношений, которые позднее прекратились	I0 I43
в) одинокие инвалиды и лица, страдающие неизлечимым недугом, которые не могли самостоятельно обеспечить свое существование	8 727
г) члены семей погибших на фронтах Великой Отечественной войны	5 0I5
д) преподаватели учебных заведений	2 482
Немцы (подконтингенты: "выселенные" и "репатрированные") по Указу Президиума ВС СССР от I3 декабря I955 г.)	695 2I6
Поляки, выселенные в I936 г. (по постановлению СМ СССР от I7 января I956 г.)	22 7I7
"Особо опасные государственные преступники", направленные в ссылку на поселение после отбытия наказания в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) ГУЛАГа (по Указу Президиума ВС СССР от I0 марта I956 г.)	60 798
Члены семей преподавателей, участников Великой Отечественной войны, лиц, награжденных орденами и медалями СССР, и члены семей других лиц, ранее	

I	2
снятых с учета спецпоселений (по постановлению СМ СССР от I2 марта I956 г.)	32 737
Калмыки (по Указу Президиума ВС СССР от I7 марта I956 г.)	48 783
Греки, болгары и армяне, выселенные в I944 г. из Крыма (по Указу Президиума ВС СССР от 27 марта I956 г.)	22 059
Крымские татары, балкарцы, турки - граждане СССР, курды и хемшилы (по Указу Президиума ВС СССР от 28 апреля I956 г.)	I78 454
Члены семей украинских и белорусских националистов, освобожденных из ссылки на поселение (по постановлению СМ СССР от I5 мая I956 г.)	I3 84I
Чеченцы, ингуши и карачаевцы (по Указу Президиума ВС СССР от I6 июля I956 г.)	245 390
Иноподданные, лица, не имеющие гражданства, и бывшие иноподданные, принятые в советское гражданство (по Указу Президиума ВС СССР от 22 сентября I956 г.)	27 426
Кроме того, с I июля I954 по I января I957 г. снято с учета спецпоселений	I09 032
в том числе:	
а) по постановлениям Советов Министров союзных республик, исполкомов краевых, областных и районных Советов депутатов трудящихся	40 366
б) по определениям судебных органов	22 024
в) по заключениям органов МВД и Прокуратуры, а также по отбытии срока спецпоселения	46 642
Снято с учета за первое полугодие I957 г. вновь награжденных орденами и медалями СССР и членов их семей, инвалидов, по персональным решениям об освобождении из спецпоселения и другим причинам	30 242
Итого:	2 554 639

* Сост. по: ГАРФ. Ф.9479. Оп.I. Д.949. Л.I39-I4I.

500 казахов, 453 узбека, 312 китайцев, 254 карела и финна, 243 чеченца, 241 туркмен, 171 чуваш, 158 корейцев, 130 таджиков, 129 греков, 123 венгра, 104 румына, 92 болгарина, 90 башкир, 84 киргиза, 73 бурята, 68 мордвинов, 54 калмыка, 42 тувинца, 38 турок, 37 иранцев, 32 кабардинца, 31 черкес, 26 коми, 25 осетин, 21 цыган, 19 марийцев, 15 французов и 686 других[37]. География их расселения представлена в табл.6.

В 1954-1958 гг. происходил интенсивный процесс освобождения из спецпоселения. Только за период с 1 июля 1954 г. по 1 июля 1957 г. было освобождено 2 554 639 спецпоселенцев и ссыльнопоселенцев (см.табл.7). С середины 1957 г. и до конца 1958 г. был снят с учета еще целый ряд категорий спецпоселенцев ("андерсовцы", "басмачи", "дашнаки" и др.). В результате 1 января 1959 г. на учете оставалось только 49 116 спецпоселенцев, из них 34 716 "оуновцев", 5107 иеговистов, 4907 - из Литвы в 1945-1949 гг., 1434 - из Латвии в 1949 г., 873 - из Западной Украины в 1940-1941 гг., 530 - из Эстонии в 1949 г., 459 - по Указу от 2 июня 1948 г., 433 - из Молдавии в 1949 г., 279 - из Литвы в 1940-1941 гг., 268 "ИПХ", 172 - из Молдавии в 1940-1941 гг., 108 - из Латвии в 1940-1941 гг., 91 - из Псковской области в 1950 г. и 39 - из Эстонии в 1940-1941 гг.[38]

География расселения спецпоселенцев 1 января 1959 г. выглядела следующим образом: Иркутская обл. - 8292, Кемеровская - 7558, Красноярский край - 5619, Омская обл. - 3858, Томская - 3750, Пермская - 3160, Хабаровский край - 3105, Карагандинская обл. - 2774, Челябинская - 1763, Коми АССР - 1575, Тюменская обл. - 1251, Амурская - 978, Архангельская - 942, Читинская - 915, Кировская - 590, Якутская АССР - 569, Бурятская АССР - 496, Курганская обл. - 444, Новосибирская - 281, Южно-Казахстанская - 233, Удмуртская АССР - 230, Алтайский край - 179, Магаданская обл. - 156, Свердловская - 142, Северо-Казахстанская - 119, Приморский край - 102, Кокчетавская обл. - 102, Актюбинская - 90, Акмолинская - 84, Кустанайская - 13, Джамбулская - 9, Алма-Атинская - 8, Кзыл-Ординская - 8, Киргизская ССР - 7, Гурьевская обл. - 6, Западно-Казахстанская - 5 и Семипалатинская обл. - 3 спецпоселенца[39].

Кроме того, 1 января 1959 г. насчитывалось 9363 ссыльных (категории "ссыльнопоселенцы" и "высланные" к этому времени перестали существовать). Они отбывали ссылку в следующих республиках, краях и областях: в Красноярском крае - 2561, Коми АССР - 1338, Тюменской обл. - 1073, Кустанайской - 925, Якутской АССР - 890, Иркутской обл. - 848, Томской - 476, Магаданской - 397, Карагандинской - 296, Узбекской ССР - 223, Латвийской ССР - 133, Армянской ССР - 37, Омской обл. - 32, Таджикской ССР - 26, Новосибирской обл. - 20, Азербайджанской ССР - 11, Кемеровской обл. - 10, Кировской - 10, Пермской - 9, Свердловской - 8, Архангельской - 5, Северо-Казахстанской - 5, Акмолинской - 4, Хабаровском крае - 3, Алтайском крае - 2 и в Джамбулской обл. - 2 человека. Состав ссыльных по "окраскам" был следующий: осужденные за уголовные преступления - 5497, осужденные за контрреволюционные преступления - 87, осужденные по Указу от 23 июля 1951 г. - 2688, осужденные по Указу от 5 октября 1956 г. (цыгане) - 93, осужденные нарсудами по законам союзных республик (бродяги) - 392, направленные в ссылку по общественным приговорам на основании законов союзных республик - 606 человек[40].

---

1 ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.89. Л.205.
2 Там же. Л.206.
3 Там же. Д.88. Л.1.
4 Там же. Д.76. Л.17.
5 Там же. Д.436. Л.18; Д.492. Л.82-84, 100, 103; Д.643. Л.3.
6 Там же. Д.139. Л.17, 235; Д.257. Л.3, 105; Д.366. Л.292; Д.431. Л.255; Д.492. Л.82-84; Д.597. Л.16-17.
7 Там же. Д.36. Л.19; Д.641. Л.299; Д.725. Л.171-172.
8 Там же. Д.186. Л.30; Д.436. Л.21-22.
9 Там же. Д.107. Л.25, 30.
10 Там же. Ф.9414. Оп.1. Д.68. Л.11.
11 Там же. Ф.9479. Оп.1. Д.87. Л.15.
12 Там же. Д.641. Л.300-305; Д.900. Л.181-182.
13 Там же. Д.436. Л.14, 26, 65-67; Д.641. Л.305-307.

I4 Там же. Д.I07. Л.27-30.
I5 Там же. Ф.9526. Оп.4а. Д.I. Л.228-229.
I6 Там же. Оп.3. Д.54. Л.5.
I7 Там же. Оп.?. Д.83. Л.70.
I8 Там же. Ф.9479. Оп.I. Д.64I. Л.3I0.
I9 Там же.
20 Там же. Д.436. Л.I7; Д.489. Л.39, 43.
2I Там же. Д.6I4. Л.I78-I79; Д.642. Л.I6; Д.643. Л.3.
22 Там же. Д.642. Л.270, 28I-284.
23 Там же. Д.488. Л.2; Д.64I. Л.3.
24 Там же. Д.64I. Л.3II.
25 Там же. Д.725. Л.86.
26 Там же. Д.64I. Л.308.
27 Там же. Д.436. Л.I04, 200-202.
28 Там же. Д.64I. Л.297.
29 Там же. Д.642. Л.280.
30 Там же. Д.64I. Л.308.
3I Там же. Л.299.
32 Там же. Л.3I5.
33 Там же. Д.642. Л.303.
34 Там же. Д.64I. Л.308; Д.642. Л.I7-I8, 284.
35 Там же. Д.64I. Л.69-70.
36 Там же. Л.22-68, I30-I68.
37 Там же. Л.II4,I2I,I27.
38 Там же. Д.976. Л.I92.
39 Там же.
40 Там же.

А.А.Шевяков

РЕПАТРИАЦИЯ СОВЕТСКОГО МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ И ВОЕННОПЛЕННЫХ, ОКАЗАВШИХСЯ В ОККУПАЦИОННЫХ ЗОНАХ ГОСУДАРСТВ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

Поставленная проблема в советской историографии практически до сих пор не нашла должного освещения. Основной причиной тому являлся закрытый характер правительственных материалов по упомянутому вопросу.

Автор, основываясь на закрытых прежде материалах Госплана СССР, Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации и Чрезвычайной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков (далее - ЧГК) при СНК СССР, поставил перед собой задачу осветить вопрос, связанный с репатриацией мирных советских граждан и советских военнопленных и показать масштабы гибели советских людей от рук немецко-фашистских палачей.

Решение этого вопроса было тесно связано и с отношением к нему и наших главных союзников, т.е. с позицией Англии, США и в какой-то мере и Франции.

Проблема репатриации стала вырисовываться после победы советских вооруженных сил в Орловско-Курской битве. Реально же проблема репатриации во всем объеме встала лишь на Крымской встрече трех глав правительств великих держав в феврале I945 г., т.е. в период, когда в разгроме сил вермахта и его союзных армий уже не было никаких сомнений.

Придавая особое значение поставленной проблеме на Крымской конференции, советская сторона предложила главам правительств Англии и США обсудить наряду с главными проблемами и вопрос о взаимной репатриации граждан трех союзных государств и заключить между собой отдельные Соглашения, в которых были бы зафиксированы все основные положения не только по самой процедуре репатриации, но и об условиях защиты репатриантов от враждебных действий военных властей любого союзного государства, местных немецких органов, материального обеспечения репатриантов (продовольствием, одеждой), в соответствующих зонах, подлежащих

занятию (в соответствии с договоренностью) каждой из союзных держав. Все эти положения должны были неукоснительно соблюдаться до самого момента передачи репатриантов тому государству, гражданами которого они являлись. Передаче подлежал каждый репатриант, независимо от того, желал он этого или не желал.

В соглашениях было сказано: "Репатриации подлежат все советские ... граждане, включая и тех из них, которые подлежат привлечению к ответственности за совершенные ими преступления, в том числе и за преступления, совершенные на территории другой Договаривающейся Стороны"[1].

Разработку и подписание Соглашений по данному вопросу главы правительств поручили составить и подписать министрам иностранных дел или определенным уполномоченным.

Соглашение между Советским Союзом и Англией было заключено II февраля 1945 г.[2] По уполномочию правительства СССР документ подписан В.Молотовым, по уполномочию правительств Соединенного Королевства Великобритании, Канады, Австрии, Новой Зеландии, Южно-Африканского Союза и Индии - А.Иденом.

В тот же день было подписано Советско-Американское соглашение: по уполномочию правительства СССР подпись под Соглашением поставил генерал-лейтенант Грызлов, по уполномочию правительства США - Д.Р.Дин[3].

Поскольку Франция не была участником Крымской встречи, Соглашение с ней было заключено значительно позднее - 29 июня 1945 г. Под Советско-Французским Соглашением подписи поставили: по уполномочию правительства СССР - А.Вышинский, по уполномочию временного правительства Французской Республики - Шарпантье[4].

В каждом Соглашении имеется 9 статей. Смысловое содержание Соглашений идентично. Суть каждого из них можно показать по Советско-Английскому варианту. В первой статье Советско-Английского соглашения сказано: "Все Советские граждане, освобожденные войсками, действующими под британским командованием, и все британские подданные, освобожденные войсками, действующими под Советским командованием,

будут незамедлительно после их освобождения отделяться от вражеских военнопленных и содержаться отдельно от них в лагерях или сборных пунктах, до момента передачи их соответственно советским или британским властям в пунктах, согласованных между этими властями".

Не менее важное военно-политическое смысловое значение имел пункт 2 Соглашения. В нем констатировалось: "Договаривающиеся стороны обеспечат, чтобы их военные власти незамедлительно сообщали компетентным властям другой стороны об обнаруженных ими гражданах или подданных другой Договаривающейся Стороны, принимая одновременно меры для выполнения условий настоящего Соглашения, Советские и британские уполномоченные по репатриации будут немедленно допускаться в сборные лагеря и пункты размещения граждан или подданных своей страны и они будут иметь право назначать там внутреннюю администрацию и устанавливать внутренний распорядок и управление в соответствии с воинскими порядками и законодательством их страны".

В условиях огромных материальных и продовольственных фронтовых потребностей со стороны многомиллионных армий Союзных государств в каждом из Соглашений большое значение имела фиксация договоренности о взаимных заботах по снабжению освобожденных граждан или подданных Союзных стран соответствующим питанием, одеждой, жилищем и медицинским обслуживанием как в лагерях или сборных пунктах, так и в пути следования до момента передачи их союзной стороне.

Обеспечение питанием, одеждой, жилищем и медицинским обслуживанием, подчеркивается в Соглашениях, должно быть установлено по нормам для рядовых, младшего командного состава и офицеров. Нормы обеспечения гражданских лиц должны быть, насколько это возможно, такими же, как и нормы для солдат. К тому же затраты по содержанию освобожденных граждан Союзных государств из под власти противника и даже выдача ссуд отдельным лицам не будут подлежать возмещению со стороны одного союзного государства другому. Не подлежали возмещению и расходы, связанные с самой репатриацией[5].

Для проведения военно-политических мероприятий по

репатриации 23 октября 1944 г. Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР было создано Управление Уполномоченного при СНК СССР по делам репатриации во главе с генерал-полковником Ф.Н.Голиковым. О правах Управления и его деятельности было разработано особое Положение. В соответствии с ним данному Управлению предоставлялось право прикомандировывать своих полномочных при Советах фронтов советских вооруженных сил и представителей советского командования при штабах и отдельных соединениях союзных армий.

Руководители и отдельные представители данного Управления проделали огромную работу по розыску и возвращению советских граждан на Родину. Особенно трудоемкий и небезопасный характер носила работа представителей Уполномоченного в Западной Германии - в английской, американской и французской оккупационных зонах в силу враждебного отношения к нашим представителям не только со стороны репатриантов "западников" "прибалтов" и немецкой военщины, но и отдельных лиц и из среды американо-англо-французского командования (о чем речь пойдет ниже).

За время своей деятельности по репатриации Управление Голикова представило И.Сталину, В.Молотову и другим высшим руководителям страны 58 сводок о ходе репатриации (представлялись с интервалом в I0 дней). Управление было упразднено в I952 г., поскольку к этому времени подавляющая часть репатриантов была возвращена на Родину.

К сожалению, данные сводок представлялись не строго по единой схеме. С точки зрения статистической науки они были неудовлетворительными. В ряде сводок отсутствует деление выявленных и учтенных советских репатриантов на гражданских и бывших военнопленных. Несмотря на этот недостаток, они все же дают полную картину хода репатриации советских граждан и даже подданных США, Англии, Франции и других невражеских государств, освобожденных советскими вооруженными силами.

При освещении проблемы репатриации гражданского населения мы не можем обойти и вопроса, касающегося репатриации бывших военнопленных. Они взаимосвязаны.

Надо сказать, что проблемой учета потерь наших военных и невоенных занимались вплотную центральные и местные органы Госплана СССР, Управление Уполномоченного при СНК СССР и в какой-то степени Чрезвычайная Государственная Комиссия тоже правительственного характера.

В силу этого данные о потерях мирного населения и военнослужащих носят нередко неточный или противоречивый характер.

Автор, проработавший несколько лет над этими ранее совершенно закрытыми официальными документами указанных правительственных органов, в правоте своего высказывания о неточности, а иногда и противоречивости данных по поднятой проблеме, не сомневается. Возьмем хотя бы такой пример, как данные об угоне мирного населения на немецкую каторгу. По данным Госплана СССР, представители которого имелись при всех республиканских, областных статуправлениях, на май I946 г. определили угон населения на каторгу в количестве 5,5 млн. чел. Комиссия генерал-полковника Голикова насчитывает 4 88I тыс. чел., Чрезвычайная Государственная Комиссия - в количестве 3 998 79I чел.

По мнению автора, в подсчете потерь мирного населения есть основание ориентироваться в первую очередь на данные Госплана СССР и ЧГК, по определению военнослужащих и их репатриации в целом - по возможности на данные Управления Уполномоченного при СНК СССР по репатриации.

При написании данной статьи автор старался дать данные о потерях населения СССР с учетом показателей всех трех высших правительственных органов.

По официальным данным, фигурирующим в документах Госплана СССР и Генерального Штаба Советской Армии, во власти фашистской Германии и ее союзников оказалось I0 I8I 356 советских граждан, из них угнанных на немецкую каторгу - 5 622 336 мирных жителей[6] с оккупированных агрессором территорий и 4 559 тыс. советских солдат и офицеров, оказавшихся в плену[7]. На день капитуляции фашистской Германии, Управлением по репатриации было зарегистрировано во всех оккупационных союзниками зонах лишь 2 222 6I3 репатриантов,

в том числе военнопленных 79I 4I4 и I 43I I99 гражданских лиц (детей - 299 I94)[8].

Из указанного количества репатриантов войсками союзников на указанную дату было освобождено (а вернее учтено) - 366 749 чел., в том числе военнопленных - 267 500 и 99 I99 гражданских лиц (детей - 4 570)[9].

Действующими же фронтами Красной Армии на начало мая I945 г. было освобождено и учтено I 855 963 чел., в том числе 523 764 военнопленных и I 33I 930 гражданских лиц (детей - 40I 976), (включая военнопленных и гражданских, находившихся в концлагерях на бывших оккупированных территориях СССР)[10].

Таким образом, на момент капитуляции фашистской Германии представители Уполномоченного по репатриации при СНК СССР успели разыскать и учесть советских граждан - узников фашизма на территориях всех стран Европы, находившихся под властью третьего рейха, - 2 222 7I2 чел., в том числе 79I 3I4 военнопленных и I 43I I89 гражданских лиц (детей - 406 546). Здесь необходимо отметить, что из-за транспортных трудностей процесс репатриации несколько отставал от освобождения и учета. На I0 мая I945 г. из освобожденных и учтенных было репатриировано только I 682 605 чел.[11]

Столь небольшое число (по сравнению с численностью захваченных врагом советских граждан), выявленных и учтенных к началу мая I945 г., объясняется, нет сомнения, сложностью проблемы, отсутствием опыта у офицерского состава - представителей Уполномоченных СНК СССР в реализации этой проблемы, начавшимся со стороны союзных военных властей саботажем выполнения Крымских Соглашений по данному вопросу (о чем будет сказано ниже), который фактически был началом холодной войны против СССР.

При этом надо учесть, что советские мирные граждане, как и военнопленные, гитлеровцами содержались в концлагерях не только в самой Германии, но и на территориях других государств Европы, находившихся под господством нацистов. Более того, из-за транспортных трудностей большая сеть концлагерей была организована даже на советских оккупированных

территориях, большая часть содержавшихся в них узников (гражданских и военнопленных) была истреблена (расстреляна, задушена в походных газокамерах, замучена голодом) на месте. Граф фон Мольтке - сотрудник контрразведки вермахта писал в августе I94I г. своей жене: "С Востока опять ужасные новости. Мы явно несем очень и очень большие потери. Это было еще терпимо, если бы на нашей совести не было массового уничтожения людей... только 20% военнопленных и евреев с транспортом прибывают в живых"[12]. Такое широкое рассредоточение узников объяснялось: недостатком у врага транспорта, исключением возможности возникновения волнений (путчей) заключенных в самой Германии, интересами обеспечения даровой рабочей силой промышленных центров в других оккупированных странах, вырабатывающих боевую технику для сражавшегося на Востоке вермахта (ниже будет показана относительно достоверная численность только выживших советских узников, находившихся в рабочих и нерабочих лагерях на территориях стран союзников нацистов или оккупированных ими странах и территориях).

Численность выявленных и учтенных узников нацизма представителями Уполномоченного по репатриации на начало мая I945 г. в зарубежье и на территории, находившихся под оккупацией наших республик (Приложение к сводке № 2I от I0 мая I945 г.)* выглядит таким образом:

Таблица I

Наименование стран и республик	Учтено			
	Итого	В том числе:		
		военнопленных	гражданских	из числа гражданских детей
I	2	3	4	5
I. Финляндия	I00 582	42 468	58 II4	20 223
2. Румыния	I23 974	28 799	95 I75	20 000
3. Венгрия и Австрия	66 243	I6 I39	50 I04	4 943

I	2	3	4	5
4. Италия	I68 270	I5 704	II 230	I
5. Англия	24 728	20 555	4 I73	42
6. Франция	I04 069	8I 59I	22 478	I 570
7. США	3 860	3 733	I27	-
8. Швеция	3I 44I	I 44I	30 000	43
9. Зап. Германия	I55 833	I20 754	35 079	2 332
I0. Вост. Германия	376 540	I08 8II	267 729	47 677
II. Норвегия	65 874	65 000	874	447
I2. Бельгия	I3 288	8 I28	5 II0	I34
I3. Швейцария	8 6I5	8 447	I7I	-
I4. Болгария	5 I92	638	4 554	750
I5. Югославия	7 567	2 650	4 9I7	I54
I6. Греция	I II4	I I00	I4	I
I7. Чехословакия	9 872	2 88I	6 99I	I 535
I8. Албания	I 500	I 500	-	-
I9. Польша	33 500	2 850	30 650	7 500
Итого	I I50 6I9	533 I86	6I7 433	I07 852
20. РСФСР	639 I6I	23 009	6I6 I52	228 3I5
2I. УССР	I64 0II	I52 955	II 056	I 4II
22. БССР	66 896	53 972	I2 924	2 2I6
23. Эстонская ССР	4I II0	I3 540	27 570	8 074
24. Латв. ССР	64 722	2 28I	62 44I	22 I56
25. Литов. ССР	96 094	I2 47I	83 623	37 022
Итого по республикам	I 07I 994	258 228	8I3 766	299 I95
Всего по зарубежью и республикам	2 222 6I3	79I 4I4	I 43I I99	406 546

* ГАРФ. Коллекция документов.

Подавляющая часть мирного населения и военнопленных были освобождены и учтены нашими действующими фронтами. В зонах же действий союзных армий учет освобожденных советских граждан всячески тормозился. В результате на ту же дату советские офицеры из военных миссий при штабах и соединениях союзных армий смогли взять на учет из числа советских узников фашизма всего лишь 366 749 чел., в том числе 267 550 военнопленных и 99 I99 гражданских лиц.

В действительности же даже при массовом истреблении и гибели в зонах союзников в живых советских граждан оставалось еще более I,5 млн. чел.[I3]

Этот вывод подтверждается хотя бы тем, что только выявленных нашими офицерами на I июля I946 г. в трех оккупационных зонах союзников (в Западной Германии, Австрии) было 2 37I 062 советских гражданина[I4], в том числе:

в Английской зоне	I I72 043 чел.
в Американской зоне	I I02 058 чел.
во Французской зоне	85 I92 чел.
в Дании	II 769 чел.
Итого	2 37I 062 чел.

Из учтенных репатриировано на Родину - 2 I94 523 чел.

Из выявленных продолжали удерживаться союзниками - I75 849 чел. Это не считая большого количества советских граждан (военнопленных и гражданских лиц), которые укрывались союзным командованием от представителей советских военных миссий в оккупационных зонах Англии, США, Франции и Италии. Именно из неучтенных лиц в большей части состояла "вторая эмиграция", насчитывавшая 45I тыс. чел. (подробно об этом будет сказано ниже).

Надо при этом отметить, что военные власти союзников при освобождении советских граждан относились к ним не только не дружелюбно, но даже враждебно.

Вот примеры. Группа советских военнопленных в количестве 72 чел., бежавшая из немецкого концлагеря в Италию, развернула партизанскую борьбу против немецких войск в

районе Прадо[15]. В разгар боев соединилась с союзными войсками и сдала им большое число захваченных в плен немцев. Вместо того, чтобы обеспечить партизанскому отряду надлежащие условия и помочь быстрее вернуться на Родину, местная союзническая военная администрация заключила всех членов группы в концлагерь вместе с немцами. Освободила отряд только после его организованного и решительного протеста.

Не намного в лучшем положении оказались советские граждане - русские, украинцы, белорусы, грузины, армяне, таджики, татары - бывшие красноармейцы и офицеры, оказавшиеся в немецких концлагерях во Франции. Они восстали против немецкой охраны и с оружием в руках целыми группами и подразделениями присоединились к французским партизанам и активно участвовали в освобождении Франции и Бельгии от фашистской оккупации[16]. И после этого оказались в неудовлетворительных условиях.

Военные власти союзников столь же бесцеремонно обращались с освобожденными их армиями советскими гражданами в Западной Германии и Австрии, где оказалось наибольшее их количество.

Лагеря для освобожденных советских граждан обносились колючей проволокой с пулеметами на сторожевых вышках.

Учитывая постоянные враждебные акции представителей союзных войск в отношении советских граждан и игнорирование Крымских договоренностей по репатриации, Советское правительство было вынуждено поставить перед Лондоном и Вашингтоном вопрос о проведении новых переговоров по делу взаимной репатриации граждан, освобождавшихся армиями государств Антигитлеровской коалиции.

Переговоры велись в г.Галле (Западная Германия). Советскую делегацию возглавлял представитель Ставки Верховного Главнокомандования генерал-лейтенант К.Д.Голубев, делегацию союзников - представитель Верховного Главнокомандования союзных экспедиционных войск американский генерал Р.В.Баркер.

Он и его английские и французские коллеги стремились

понятие "советские граждане" распространить только на репатриантов с территорий СССР в границах на 17 сентября 1939 г. Так, Баркер заявил, что жители Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии ("Западники") не являются советскими гражданами и не подлежат обязательному возвращению в СССР. Однако, как утверждал генерал Голубев в своем докладе Молотову, инициатива находилась в руках советской делегации. "Их планы были отвергнуты и все дни переговоров были посвящены обсуждению только нашего плана, который с небольшими и непринципиальными поправками был принят 22 мая 1945 г."[17]

Далее в докладе подчеркивалось, что после подписания Галльского соглашения передача советских граждан от союзного командования несколько дней - до 1 июня 1945 г. шла удовлетворительно. С 23.У по 1.УI было принято от союзников 574 372 чел., а с 1.УI по 7.УI - лишь 218 370 чел.). В действительности же "союзное командование, докладывал Голубев, продолжало грубо нарушать Крымские соглашения по репатриации (зачисление советских граждан в армию США, неудовлетворительное питание в лагерях, необеспеченность одеждой и обувью, медлительность с оповещением о сборе в лагеря и на сборные пункты одиночек и групп советских граждан, находящихся на территории Западной Германии)"[18]. Однако в Крымских Соглашениях были записаны также важные положения:
1. все советские граждане будут незамедлительно после их освобождения отделяться от вражеских военнопленных;
2. бывшие советские военнопленные и гражданские лица могут быть использованы, до их репатриации, для управления и поддержания порядка в лагерях и на сборных пунктах и 3. советские граждане будут организованы в соединения и группы, которые будут подчинены советским законам. Внутреннее управление и поддержка дисциплины в советских соединениях, местах и лагерях будут осуществляться советскими офицерами[19].

Все это оставалось только на бумаге. Американские власти с освобожденными их войсками советскими гражданами обращались нередко хуже, чем с немецкими военнопленными.

Так, например, в лагерь в штате Вирджиния (г.Винчестер) советские граждане, не без принуждения привезенные из Западной Германии, носили клеймо "военнопленный", заставляли их работать по 12 часов в день (а немцев освобождали от работы), кормили их хуже, чем последних, были лишены постельных принадлежностей. Немцы же спальными принадлежностями были обеспечены в полном достатке. Американские офицеры в обращении с нашими гражданами позволяли себе что угодно - оскорбление и даже вооруженную расправу учиняли. Так, 26 декабря 1944 г. без причины был убит американскими властями Коваленко без какой-либо вины, был избит сержант Свободин. И все это делалось не без ведома высших властей. Еще в декабре 1944 г. штаб Эйзенхауэра дал указание освобожденных советских граждан считать военнопленными[20].

В этой связи 1 января 1945 г. зам. наркома иностранных дел СССР А.Я.Вышинский шифротелеграммой дал указание послу в Вашингтоне сделать Стеттиниусу письменное представление на недопустимое отношение официальных лиц к советским гражданам[21].

Не менее беспощадными методами с советскими гражданами расправлялись английские власти. На запрос К.Д.Голубева 7 февраля 1946 г. английский военный атташе в Москве констатировал: "В начале мая 1945 г. 9 000 заключенных концлагеря Ноен (Западная Германия) перевозились на 4-х немецких судах "Дейгланд", "Кап Аркона", "Афины" и "Тальбок" в Нейштадт. Из этого числа 10% были немцы и 7000 русских граждан". На борту "Кап Аркома" находилось около 4 600 чел., из которых 1 400 были советскими гражданами... 3 мая 1945 г. суда подверглись налету со стороны британской авиации и были потоплены. Из 1 400 советских граждан на одном из пароходов около 1 000 утонуло, остальные - спасены[22]. И этот варварский налет уже на освобожденное побережье и в то время, когда советские войска штурмовали Берлин, а англо-американские спешили к берегам Эльбы.

Это было вопиющим нарушением Крымских соглашений, командованием союзных экспедиционных войск. А других враждебных в отношении советских репатриантов со стороны союзных

военных властей было не счесть. В нарушение тех же Крымских соглашений советские граждане смешивались с репатриантами из других стран и даже с вражескими военнопленными. Управление лагерями отдавалось, как правило, в руки изменников Родины, бывших полицаев, власовцев, "западников" и даже гемано-фашистских офицеров.

Не трудно представить, что они творили с советскими патриотами, жаждавшими быстрее вернуться на Родину. А в отношении советских офицеров, прикомандированных к штабам союзных армий для проведения репатриации, командование этими армиями стремилось не допускать их в лагеря и сборные пункты репатриантов для разъяснения политики Советского правительства в отношении своих соотечественников, оказавшихся не по своей воле узниками нацистов.

А если и допускали (в результате резких протестов советского командования), то в отношении их инспирировались оскорбления и даже избиения. И к тому же все это происходило в присутствии офицеров союзного командования.

Между тем, Крымские соглашения от 11 февраля 1945 г., Галльское соглашение от 22 мая и Советско-французское соглашение от 29 июня того же года Советский Союз выполнял с предельной точностью. Вооруженными силами СССР было освобождено из фашистских концлагерей и заключения 1 036 319 иностранных подданных, в том числе американцев 22 555 чел., англичан - 24 541, французов - 313 113 чел. и т.д.[23] Важно и то, что к 1 января 1947 г. все они были отправлены на Родину. Из 1 036 319 освобожденных в СССР для проверки было временно задержано лишь 143 чел. Но и они были вскоре репатриированы в страны их постоянного проживания.

Репатриация же советских граждан на Родину созниками продолжала тормозиться. Управление уполномоченного при СНК СССР 1 января 1947 г. представило руководству страны следующие сведения.

Как видно из табл. 2, союзное командование экспедиционных войск только из числа учтенных советских граждан задерживало не без определенных целей более 300 тыс. чел., из них - 145 тыс. гражданских лиц и 155 тыс. бывших

Таблица 2

Данные о результатах учета и репатриации граждан СССР на I января I947 г.*

	Всего	Из них:	
		гражданского населения	военнопленных
По неполным данным врагами было захвачено и угнано на каторгу	6 8I7 620	4 829 060	I 988 552
Выявлено и взято на учет	5 7I7 975	3 729 423	I 988 552
Из числа выявленных и репатриированных	5 4I7 92I	3 584 242	I 833 679
Задерживалось союзниками	300 054**	I45 I8I	I54 873
Под контролем американско-англ. командования оставалось или были погибшими	I 099 637	I 099 637	не известно

* ГАРФ. Коллекция документов.

** Фактически - до 0,5 млн. чел. - А.Ш.

военнопленных. В действительности же, как увидим ниже, своими недружественными в отношении СССР акциями власти союзников сделали не возвращенцами на Родину в I,5 раза больше, чем что показано в табл.2.

Приведенные в табл. данные имеют важное значение и в плане показа характера работы представителей Уполномоченного в штабах и соединениях армий союзников. Она была весьма сложной и трудной из-за саботажа властей США, Англии, Франции и др. стран Запада. Командование союзных экспедиционных армий всячески препятствовало представителям военных миссий прочесать все регионы оккупационных зон союзников при розысках и поисках граждан. Об этом говорит хотя бы то, что приведенные в табл. данные значительно

расходятся (в сторону уменьшения) с численностью угнанных на каторгу и взятых в плен, которая приводится в других официальных источниках СНК СССР и Генштаба Советской Армии. В соответствии с инструкцией Госплана СССР, его уполномоченные в Республиках и областях показали, что на немецкую каторгу с оккупированных территорий было угнано не 4 829 060 чел., как указано в табл., а 5 662 336 чел.[24] Попало к врагу в плен, по приведенным данным из документов Генштаба Советской Армии - 4 559 тыс. солдат и офицеров. Следовательно, узниками германского фашизма оказалось I0 I8I 336 чел. Как видим, разница существенна - она составляла (в сторону уменьшения учтенных) 3 363 744 чел. Ее и не могло и не быть, поскольку смертность среди советских узников фашизма была удручающей - в некоторых зонах фашистской Германии и в других странах, куда они были загнаны гитлеровцами, смертность от истязаний, расстрелов, ужасных жилищных условий, отсутствия медицинской помощи и голода доходила до 40-50%. Особенно высокая смертность была среди военнопленных. Только в уцелевшей в г.Майнингене (на юго-западе советской оккупационной зоны) картотеке главнокомандования вермахта на советских военнопленных указывается, что на I января I945 г., в концлагерях числилось 930 287 чел. в живых и 485 тыс. умерших[26], которые составляли 52,I% к общему числу. И это только в какой-то части концлагерей на территории Германии. В других ею оккупированных странах по приказу Отдела военнопленных генштаба сухопутных войск картотеки на вымиравших узников не велись или были уничтожены незадолго до капитуляции Германии.

Чрезвычайно высокую смертность подтверждает и другой документ. В итоговом докладе Правительству Управление Уполномоченного при СНК СССР указывало, что "в ходе репатриации советских граждан из-за рубежа на территории различных государств Западной Европы было учтено нашими представителями около 36 000 мест массового захоронения советских граждан, где покоятся свыше 945 тыс. погибших в неволе советских граждан"[27]. Даже эти неполные данные говорят о том, что гибель советских граждан в немецко-фашистских концлагерях и тюремных застенках была массовой.

Численность освобожденных и репатриированных с территорий вражеских и невражеских государств,

	Освобождено и учтено		
	военнопленных	гражданского населения	в т.ч. детей
в Германии	I 243 79I**	2 054 55I	243 0I6
в Австрии	I02 820	277 I09	65 080
в т.ч. зонах союзников	I8 000	35 000	-
в Финляндии	42 753	65 977	2I 898
в Румынии	28 799	I04 757	28 050
в Италии	7I I52	I6 9I7	80
в Венгрии	698	2 56I	825
итого с вражеской территории	I 490 0I3	2 52I 872	358 949
с территорий невражеских государств	28I I68	243 599	45 782
с зарубежных территорий	**I 730 I8I**	**2 765 47I**	**395 73I**
с территорий союзных республик, находившихся под оккупацией	286 299	867 I76	3I3 264
всего освобождено и репатриировано	2 0I6 480	3 632 947	708 995

* ГАРФ. Коллекция документов.

** К сожалению, в сводках Управления Уполномоченного СНК гражданского населения из Западной Германии и Восточной чески только на первой стадии выявления и учета. В Запад 35 079 гражданских лиц, в Восточной соответственно - бывших военнопленных и гражданских возросло, но вычленение ных в сводках отсутствует.

Необходимо отметить, что показатели о судьбе советских реальное положение (но не исключено - несколько даже пре граждан фашистами в подавляющей части были уничтожены в

*** В Докладной Голикова, направленной правительству 5 352 754 чел. См.: ГАРФ. Коллекция документов.

Таблица 3

советских граждан на I февраля I946 г.(сводка № 45), находившихся во власти нацистов*

Репатриировано				
итого	военнопленных	гражданского населения	в т.ч. детей	итого
3 298 342	I 064 I23	I 965 4I6	206 4I4	3 029 539
379 929	84 820	242 I09	65 080	326 929
53 000	-	-	-	-
I08 730	42 753	58 394	2I 898	I04 I47
I33 556	28 799	I04 683	28 050	I33 482
88 069	44 I89	9 0I0	80	53 I99
3 259	698	2 56I	825	3 259
4 060 959	I 265 382	2 382 I73	322 347	3 647 555
704 498	238 973	I89 I57	45 76I	428 I30
4 764 457	**I 504 355**	**2 57I 330**	**368 I08**	**4 075 685**
I I53 475	286 299	867 I7I	3I3 264	I I53 475
5 9I7 932	I 790 654	3 438 506	68I 372	5 229 I60***

СССР показатели о количестве освобожденных военнопленных и имелись только в сводке № 2I от I0 мая I945 г., т.е. практи ной Германии было учтено I20 754 бывших военнопленных и I08 8II и 267 729 чел. В дальнейшем же количество учтенных военнопленных из общего количества учтенных и репатриирован-

граждан, оказавшихся в руках врага, отражают относительно уменьшенно, поскольку картотеки на уничтоженных советских преддверии краха третьего рейха).

9.Ш.I946 г., дана несколько большая цифра репатриированных -

Таким образом, численность погибших (945 тыс.) только в зонах экспедиционных войск союзников к общей численности учтенных (2 37I тыс.) в трех зонах составляет 40%.

Но и приведенные данные о погибших в фашистской неволе преуменьшены. Массовое истребление и гибель советских граждан имели место и в концлагерях и тюрьмах, располагавшихся как на оккупированных территориях СССР, так и в странах, которые были освобождены Красной Армией. А поэтому показатели погибших на германской каторге и в концлагерях будут более правильными, если при их исчислении взять за основу данные Госплана СССР о количестве угнанных с оккупированных территорий на немецкую каторгу (5 622 336 чел.) и данные о численности советских солдат и офицеров, попавших в плен (4 559 тыс.)[28] - с одной стороны, и численность освобожденных и учтенных гражданских лиц (3 632 647 чел.) и военнопленных (2 0I6 480 военных) - с другой. Всего угнанных на каторгу и военнопленных насчитывалось, как уже известно, I0 I8I 556 чел., а освобожденных Красной Армией и союзными войсками тех и других насчитывалось, как мы увидим ниже - 5 9I7 932 чел. (см. табл.3).

Разница между численностью освобожденных и учтенных и количество угнанных на каторгу и пленных равнялась 4 I63 624 чел., что составляло к числу советских узников фашизма 45,I%. Если из этого количества минусовать 45I тыс. советских граждан - невозвращенцев[29], то остальных, т.е. 3 7I2 624 тыс. советских граждан есть основание считать погибшими.

Следовательно, в плену и на каторжных работах в фашистской Германии и в концлагерях советских граждан от истязаний, расстрелова, нечеловеческих условий жизни и голода погибло 38,2%. В достоверности этой доли погибших советских граждан в фашистской неволе нет никаких оснований сомневаться. К этому надо добавить что из вернувшихся на Родину немалая доля бывших узников фашизма от предельного истощения и заразных болезней вскоре умерла на своей родной земле. Следовательно, не будет ошибкой считать, что из-за преступных действий немецко-фашистских правителей и

миллионов нацистов - исполнителей их воли советских узников германского фашизма погибло около 40-50%.

Это была невосполнимая потеря населения СССР из-за трудно оценимых варварских методов истребления, применявшихся нацистами к советским гражданам.

Подводя итоги рассматриваемой проблемы, небезинтересно привести представленную Управлением Уполномоченного Советскому правительству сводку № 45 от I февраля I946 г. (к этой дате основная масса освобожденных прибыла на Родину), которая дает более полные показатели о численности советских граждан, освобожденных Красной Армией и армиями союзников в каждой из стран, входивших в сферу германского господства. В этой же сводке дается также и численность репатриированных и их распределение по ведомствам страны. Сводка была составлена в одном экземпляре.

В целях ограничения объема листажа статьи автор посчитал необходимым несколько сузить перечисление стран, на территориях которых находились советские граждане, как узники германского фашизма и его союзных стран. Конкретно такими странами были: Германия, Австрия, Финляндия, Румыния, Венгрия, Италия, Франция, Швейцария, Швеция, Норвегия, Бельгия, Болгария, Югославия, Греция, Албания, Палестина, Дания, Голландия, Польша, Чехословакия. Немало было освобождено военнопленных и гражданских лиц и на территориях РСФСР, УССР, БССР и Прибалтики.

В целях незыблемости достоверности вышеприведенных данных о численности освобожденных и погибших советских граждан мы позволим себе сделать небольшой повтор в изложении проблемы, которая будет показана языком цифр в многостороннем диапазоне.

Из 4 659 тыс. освобожденных советских граждан бывших военнопленных оказалось 2 0I6 тыс., гражданских - 3 632 тыс., в том числе женщин - I 543 494, детей - 708 995. Следовательно, каждая вторая женщина - узница фашизма имела ребенка. Надо полагать, что сотни тысяч погибших детей и не были учтены фашистами. А бесчеловечные лагерные условия на них более пагубно отражались, чем на взрослых.

Разница между I0 I8I тыс. советских граждан, находившихся во власти агрессора, и количеством вернувшихся на Родину (5 229 тыс. чел.) составит 4 952 тыс. не вернувшихся на Родину. Но из последних данных необходимо минусовать 45I тыс. невозвращенцев.

Следовательно, исходя из разницы численности угнанных на каторгу и взятых в плен, с одной стороны, и количества вернувшихся на Родину и 45I тыс. живыми невозвращенцев, составлявших так называемую "вторую эмиграцию", с другой, погибших советских граждан в гитлеровских застенках в результате расстрелов, нечеловеческих условий жизни и голода составило 3 7I2 624 чел., что равнялось 36,2% от всего количества советских граждан, оказавшихся в руках жестокого врага. Только в Нижней Саксонии, составлявшей часть британской зоны оккупации в Германии, немецкими фашистами было расстреляно, умерщвлено более 400 тыс. советских граждан[30].

В той же сводке № 45 от I февраля I946 г., представленной руководству страны Управлением Уполномоченного СНК СССР, даны статистические данные о распределении репатриантов по ведомствам страны (к этой дате массовая репатриация в основном подходила к завершению).

С нашей точки зрения, распределение репатриантов по ведомствам имело исключительное значение, поскольку в печати распространилось мнение, что каждый гражданский репатриант прямым ходом отправлялся в сталинские концлагеря.

В сводке четко указано, что из числа репатриированных было взято в боевые части Красной Армии - I 645 266*, из них из бывших военнопленных - I 229 928 чел., из числа гражданских репатриантов призывного возраста - 4I5 338 чел., отправлено по месту жительства бывших военнопленных, непригодных к воинской службе - 277 634, гражданских лиц -

---

* В Докладной, направленной правительству 9 марта I946 г., приводится несколько большая цифра - I 663 833 чел., в т.ч. взято в рабочие батальоны - 603 095 чел. по монтажу оборудования на предприятиях и для других хозяйственных целей, см.: ГАРФ. Коллекция документов.

2 968 I53. В распоряжение НКВД СССР на подведомственные ему стройки и для дальнейшей проверки отправлено всего навсего - 338 I07, в т.ч. бывших военнопленных власовцев, бендеровцев, полицаев, участников фашистских карательных батальонов - 283 092, гражданских лиц - 55 0I5[31].

При освещении хода репатриации советских граждан не будет лишним еще раз вернуться к анализу сути недоброжелательной позиции представителей союзных держав к делу возвращения советских граждан на Родину.

Донесения представителей советских военных миссий при штабах союзных армий убедительно говорят о том, что из 45I тыс. воздержавшихся вернуться на Родину большую часть составляли граждане Прибалтийских республик и Западных областей УССР и БССР. В их числе были чиновники, духовенство. Среди воздержавшихся находились участники карательных отрядов СС. Не желали возвращаться в СССР и бендеровцы.

Однако в числе 45I тыс. перемещенных немало было советских граждан из восточных областей и регионов, находившихся под оккупацией. Под воздействием пропаганды англо-американских властей и эта часть колеблющихся тоже не проявляла решительности вернуться на Родину. И в их среде находились полицаи, рядовые солдаты гитлеровских соединений (насчитывавших около 50 тыс. чел.). Но последние прямого участия с оружием в руках в сражениях против Красной Армии не принимали.

В числе 45I тыс. десятки тысяч советских граждан вообще ни в чем не были повинны перед Советским государством и хотели немедленно вернуться на Родину. Однако по вине враждебно настроенных к СССР отдельных военачальников из союзных армий не так-то просто было вырваться.

После завершения (в основном) репатриации советских граждан с Запада и прекращения I июля I947 г. деятельности ЮНРРА, американцы создали указанную организацию (т.е. ИРО), под опекой которой оставалось в Западной Германии и Австрии и других странах Запада I,5 млн. перемещенных лиц[32]. Финан-

сировалась ИРО в основном правительством США. Перед этой организацией американские власти поставили задачу - в течение двухлетнего периода переселить в различные страны до 900 тыс. перемещенных лиц и устроить на месте в Германии, Австрии, Италии и других странах Западной Европы до 600 тыс. чел.[33] Эта организация имела свои отделения (бюро) во многих городах в оккупационных зонах союзных армий. Главный штаб ИРО находился в Женеве. Разветвленная сеть местных штабов, отделений и полномочных охватывала своей деятельность 30 стран мира.

К марту 1949 г. только в Австралию было вывезено 112 тыс. перемещенных лиц, из них советских граждан насчитывалось 50 307 чел.[34]

При вербовке к выезду велась не только агитация, но и применялись самые жестокие меры к нежелавшим отказаться вернуться на Родину. Вот только несколько примеров, имевших место в американской зоне Германии[35].

В лагере Шляйсгейм советский гражданин Синельников Петр, изъявивший желание выехать на Родину, после жестоких побоев членами националистического комитета был объявлен сумасшедшим и помещен в психиатрическую больницу, где он вскоре и умер.

В том же лагере советский гражданин Керомок также изъявил желание вместе с семьей уехать на Родину. Его стали уговаривать, потом угрожать и, наконец, он куда-то бесследно исчез, а его жену с двумя детьми перевели в другой лагерь.

Из лагеря "СС-Казерне" в г.Мюнхене советский гражданин Семен Коваль направил письмо в советскую миссию о желании вернуться домой. Комитетчики, перехватив письмо, долго уговаривали Коваля отказаться от своего решения, но он не отказался и был выброшен из окна пятого этажа.

В лагере "Рейнгардказерне" в г.Ново-Ульме советский гражданин Кравченко Александр изъявил желание вместе с семьей выехать на Родину. После неудачных уговоров комитетчики спровоцировали кражу белья женой Кравченко. Ее осудили, а его с тремя малолетними детьми выбросили из лагеря.

Подобным образом преступные элементы, стоявшие во главе лагерей, чинили расправы над советскими гражданами и в других зонах оккупации Германии и Австрии.

За границей среди перемещенных советских граждан было сравнительно большое количество лиц, вывезенных несовершеннолетними за границу, которые по существу не знали советской действительности и воспитывались во враждебной нам среде. Следует, однако, отметить, что значительная часть молодежи, не чувствуя за собой никакой вины, впоследствии возвратилась на Родину.

В лагерях для перемещенных лиц находилось также большое количество одиноких женщин с детьми, не имеющих по тем или иным причинам мужей. Эта категория женщин, имея в большинстве случаев незаконнорожденных детей, не решалась возвращаться на Родину в круг родных и знакомых без мужа с детьми по мотивам личного порядка. Какое-то количество не вернувшихся женщин было связано и с тем, что они бракосочетание произвели с мужчинами-гражданами других государств - Австрии, Франции, Польши, Чехословакии, Югославии и других и обзавелись с ними детьми. Подобный процесс нередко имел место и с мужчинами-невозвращенцами. Значительная часть советских граждан продолжает находиться за рубежом по причине того, что чувствует в той или иной степени свою вину перед Родиной. Одни потому, что попали в плен, а некоторые служили в немецких или националистических формированиях, другие потому, что в период оккупации работали на немцев, третьи по причине того, что ушли с немцами. И все они боялись ответственности даже за одно то, что своевременно не вернулись на Родину. Это подтверждается анализом данных из опросных листов на репатриированных.

Всему этому органы репатриации как в центре, так и на местах противопоставляли советскую пропаганду и агитацию. Вопрос возвращения советских граждан на Родину стал острым политическим вопросом, который неоднократно выносился на обсуждение Генеральной Ассамблеи ООН, Контрольного Совета и директората военнопленных и перемещенных

граждан Союзной контрольной власти в Германии и Австрии.

В апреле 1947 г. по настоянию советской стороны вопрос репатриации решался на московской сессии Совета Министров иностранных дел.

Чтобы скрыть свои враждебные в отношении Советского Союза акции по угону советских граждан из фашистской неволи в американо-английскую, власти США и Англии в одностороннем порядке запретили в августе 1951 г., вопреки Соглашениям по репатриации, в зонах их контроля в Германии и Австрии деятельность Советских миссий по репатриации. Своей акцией они преднамеренно, как сказано в докладе Голикова своему Правительству от 1 декабря 1952 г., сорвали репатриацию 100 тыс. советских граждан, находившихся в Западной Германии и Австрии[36].

В другом месте Отчета Уполномоченного при СНК СССР указывается, что американские власти работу наших миссий по репатриации пытались сорвать еще 3 сентября 1947 г., т.е. тогда, когда только в американской зоне Германии находилось еще около 200 тыс. советских граждан. Чтобы не дать этой массе репатриантов вернуться на Родину, "американские оккупационные власти, - доносил тот же Голиков, - неоднократно применяли насильственные методы удаления советских офицеров из своей зоны"[37]. Не ограничиваясь изоляцией советских офицеров от перемещенных советских граждан и методами, которые применялись для срыва работы по репатриации, американские власти на протяжении всего периода работы советских офицеров добивались сокращения состава миссий по репатриации и полного прекращения их деятельности.

В 1950 г. Управлению Уполномоченного были известны случаи вербовки перемещенных лиц, в том числе советских, в полицейские формирования для несения службы в колониях, в военные формирования для посылки в Корею, а также шпионские школы[38].

Во всех западных зонах Германии и Австрии и других странах Запада, куда были вывезены по вербовке советские граждане, существовало большое количество различного рода

националистических организаций, которые не только занимались враждебной Советскому Союзу деятельностью, но и терроризировали тех перемещенных лиц, которые проявляли хотя бы малейшее намерение вернуться на Родину. Особенно активно этим занимались такие националистические и антисоветские организации, как например, "Украинский националистический центр" (г.Ганновер), "Прибалтийский национальный центр" (г.Любек), "Русский эмигрантский комитет" (г.Мюнхен) и целый ряд других центров фашистского порядка[39]. Этими "центрами" издавалось немало журналов, газетенок, в которых пропагандировались "райские условия" в неволе в США, Англии, Австралии и др. странах, печатались и статьи с угрозами расправы за неповиновение.

В деле удержания советских граждан от возвращения на Родину американские власти широко использовали деятельность ИРО. Представители последней запугивали советских граждан рассказами о том, что возвращающихся в СССР военнопленных рассматривают там как изменников Родины и что их ждет суровое наказание, обещали предоставить им в других странах высокооплачиваемую работу и всякие материальные блага. Отказавшихся вернуться в СССР снабжали разного рода документами, в том числе документами о безгражданстве под другими фамилиями и т.п.

В период работы советских представителей по репатриации особое место занимал вопрос о заключенных советских гражданах, осужденных судами американских военных властей и немецкими властями за незначительные уголовные преступления, а подчас и за вымышленные к различным срокам тюремного заключения от 10 лет до пожизненного заключения и даже смертной казни[40]. Американские власти не только отказывали в репатриации осужденных советских граждан, но и запрещали посещать тюрьмы и встречаться с осужденными. Только в одной американской зоне Германии таких осужденных было выявлено более 50 тыс. чел.

Советские граждане, осужденные американскими судами, содержались в немецких тюрьмах, где вся администрация, охрана и обслуживающий персонал состояли из немцев, которые без

всякого повода со стороны осужденных подвергались различного рода оскорблениям и избивались резиновыми палками до бессознательного состояния. Советское командование не раз обращало внимание американских властей на незаконные аресты советских перемещенных лиц, на жестокий режим, существующий в тюрьмах, где содержатся советские граждане, и требовало их передачи для репатриации на Родину. Американские власти под разными предлогами отказывали в передаче[41].

Во время войны немецко-фашистские оккупанты одновременно с уничтожением множества детей на их Родине вывозили вместе со взрослым населением, угонявшимся на каторгу, десятки тысяч советских детей в Германию и Австрию.

По приказу немецких властей из Прибалтики, Украины и Белоруссии были вывезены полностью и немалое количество детских домов. Так, из Латвии был вывезен первый дом младенцев с 156 детьми, детдом из М.Майора с 133 детьми. С Украины вывезены детдома I Красногвардейский и "Сокольники", детские дома из Алушты, Керчи, Ялты, Бахчисарая, Гомелевский детдом, Шпичанецкий и Сухаревский детдома Житомирской области и др.

В ходе репатриации нашим офицерам удалось выявить в западных зонах Германии и Австрии 1200 детей. Но американо-английскими оккупационными властями много детей разного рода путями скрывалось. По данным РИО, еще в феврале 1947 г. в указанных зонах находилось I 065 советских детей. Даже в 1949 г. по сообщениям ИРО только в одной американской зоне Германии было выявлено I 778 советских детей (украинцев - 482, русских - 332, литовцев - 391, латышей - 368, эстонцев - 189, белорусов - 161). По данным той же ИРО, на сентябрь 1948 г. в Австрии в детских учреждениях и австрийских семьях воспитывалось около 7 тыс. детей, главным образом советских.

Английские и американские власти немало советских детей передали на воспитание в немецкие семьи. Например, советская девочка Лена Рейнальдайте была отдана в семью Риксен, Мария Тарасенко - немке Креттен. Даже военные из союзных армий увозили советских детей на воспитание к себе

домой. Так поступил с Лидой и Павликом, детьми советского гражданина Мостового, сержант американской армии Джонсон.

Советское правительство в своих нотах правительствам США, Англии и Франции и их оккупационным властям неоднократно ставило вопрос о возвращении советских детей. Но правительства этих стран под разными предлогами отказывались возвратить их.

Как выше было сказано, Управление Уполномоченного при СНК СССР по репатриации было упразднено решением Правительства в 1952 г. Однако и после упразднения данного органа по репатриации в ряде стран оставалось еще немалое количество советских граждан. На I января 1952 г. на территории Англии находилось 100 036 чел., не намного меньше в США, в Италии - 13 000 (5 000 чел. в составе армии Андерса и 8 000 в составе I украинской дивизии "СС Галичина"), в Канаде - 38 000, Швеции - 27 570, Бельгии - 15 000 и немало еще во Франции, в Австралии и странах Латинской Америки. В этой связи Советское правительство не прекращало своих требований о возвращении в СССР каждого взрослого человека и ребенка.

После упразднения Управления Уполномоченного выполнение этой сложной задачи было возложено на Посольства в тех странах, где имелись невозвращенцы.

Как видно из приведенных в статье материалов, лишь доступ к ранее засекреченным данным позволил поставить вопрос о глубоко научном изучении проблем репатриации.

---

1 ГАРФ. Коллекция документов. Ф.9526. Оп.4а. Д.2. Л.22.
2 Там же.
3 Там же.
4 Там же.
5 Там же.
6 См. статью: Шевяков А.А. Гитлеровский геноцид на территории СССР // Социологические исследования. 1991. № 12. С.9. Эти данные взяты из фондов Госплана СССР.

7 Гриф секретно снят. М., 1993. С.140. По данным же Генштаба гитлеровских сухопутных войск якобы было взято в плен 5 734 580 чел. Эти данные явно завышены. В число пленных гитлеровцы зачисляли и захваченных партизан, и партийных работников, и подпольщиков. См.: Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С.51.

8 ГАРФ. Коллекция документов.

9 Там же.

10 Там же.

11 Там же.

12 См.: Штайт К. Они нам не товарищи // Военно-исторический журнал. 1992. № 6-7. С.40-41.

13 Там же.

14 Там же.

15 Там же.

16 Там же.

17 Там же.

18 Там же.

19 Там же.

20 Там же.

21 Там же.

22 Там же.

23 Там же.

24 См.: Шевяков А.А. Гитлеровский геноцид на территории СССР. С.9.

25 Гриф секретности снят. С.140.

26 ГАРФ. Коллекция документов.

27 Там же.

28 Гриф секретности снят. С.140.

29 ГАРФ. Коллекция документов.

30 Там же.

31 Там же.

32 Там же.

33 Там же.

34 Там же.

35 Там же.

36 Там же.

37 Там же.

38 Там же.

39 Там же.

40 Там же.

41 Там же.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Кабузан В.М. Демографическая ситуация в России в годы Первой мировой войны 5

Жиромская В.Б. Численность населения России в 1939 г.: поиск истины 27

Киселев И.Н. Естественное движение населения в 1930-х годах 50

Араловец Н.А. Потери населения России и СССР в конце 20-х - 30-е годы в историографии..... 68

Межлаук Ф.К. Деятели демографической статистики тридцатых годов. Историко-биографический очерк..... 82

Исупов В.А. Смертность населения в тыловых районах России в 1941-1942 годах..... 95

Вербицкая О.М. Крестьянская семья в 1920-1950-е годы 115

Горбачев О.В. Факторы изменения численности сельского населения Западного района Российской Федерации в послевоенные годы 132

Земсков В.Н. Спецпоселенцы (1930-1959 гг.)..... 145

Шевяков А.А. Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупационных зонах государств антигитлеровской коалиции 195

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН
ЛР № 020768 от 15.04.93.

Подписано в печать 19.05.94. Формат 60x84/16. Тираж 300 экз.
14 п.л. 11,31 уч.-изд.л. Цена договорная. Заказ № 28

Цех оперативной полиграфии Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм.Ульянова, 19